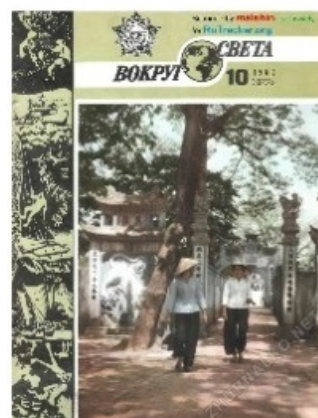
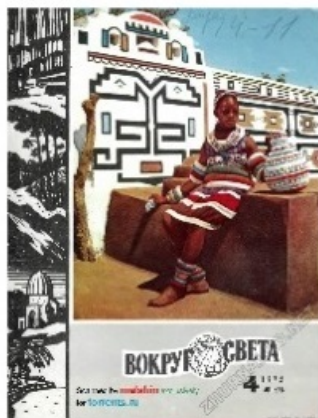
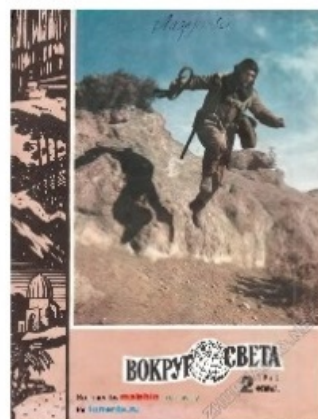

ВОКРУГ СВЕТА

ЛУЧШЕЕ 1970x

1980x 1990x

ВОКРУГ ГЛОБУСА

Scanned by **malshin** exclusively
for RuTracker.org

8 1970
АВГУСТ

СОДЕРЖАНИЕ

П. БАЗАРОВ — Космическая вахта ленинского года	2
В. КОНСТАНТИНОВ — В эпицентре землетрясения	4
ГОРОД ЛЕНИНА, ЛЕНИНСКАЯ ВСТРЕЧА	7
С ночи и до утра	8
Кусок красного картона	9
Хакобо	10
А. МАЛАХОВ — Малахитовая летопись?	12
АРХИТЕКТОР ИЩЕТ СВЕТ	
Н. М. ГУСЕВ — Вечный материал зодчего	14
И. МОЖЕЙКО, Б. ПИСЬМЕННЫЙ, Т. ЧЕХОВСКАЯ — Де-рево, камень, глина и солнце	16
Л. ЧЕШКОВА — Город зажигает фонари	24
А. РОГОВ — У ворот в Тихий океан	28
А. ДЕРЕВЯНКО — Когда камни были мягкими	31
Загадки, проекты, открытия	36, 77
НИЛЬС НИЛЬСЕН — Продается планета	38
ГЕННАДИЙ ФИШ — Похищение «Дюймовочки»	43
У. БАХМЕТЬЕВ — Призраки не уходят из города	44
ТАЙНЫЙ ФРОНТ ИНДОКИТАЯ	
Ю. ЛЕСОРУБНИК — Духи гор	46
С. БАРСУКОВ — Поверят ли мое кровному брату?	52
Громкий финал «тихой войны»	56
В. БОЖУКОВ — Уходим от «белой смерти»	60
Л. КРИВЕНКО — От устья к истокам	62
Д. АЛЕКСАНДРОВ — Почему они возвращаются?	68
РИЧАРД КЕРТИС — Сторожевые псы в Моликотле	70
МОРИС КЕЙН — Тридцать дней за столом, или бурная жизнь шелковичного червя	74
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Чай пустыни	80

На первой странице обложки: **ЙЕМЕН. Горожанка.**
Фото **Л. БОРОДУЛИНА**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель главного редактора), **Ю. Б. САВЕНКОВ** (ответственный секретарь), **А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефон для справок 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/VI 1970 г. Подп. к печ. 10/VII 1970 г. А02669.
Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 900 000 экз. Заказ 1054. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

ЧАЙ ПУСТЫНИ

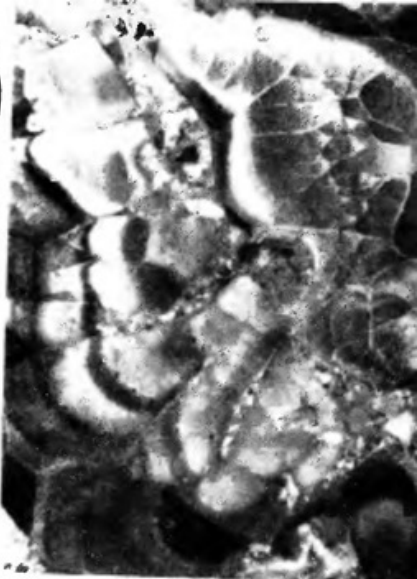
Знаете ли вы, что кочевники пустыни, великой африканской пустыни Сахары, не пьют воды? И не пьют только потому, что знают: вода не утоляет жажды в пустыне. Каждый глоток воды через секунду выйдет потом, и сколько ни пей — все больше и больше будет хотеться пить.

Жажду в пустыне утоляют чаем. Холодным чаем в пути. Горячим на стоянках. Зеленым, черным, плиточным. И всегда очень крепким. Народы и племена северо-восточной части Сахары предпочитают зеленый чай с приятно охлаждающей рот мятой. Его пьют без сахара маленькими чашечками перед едой — чтобы освежиться. А после еды тот же чай пьют очень сладким.

На юге пустыни предпочитают плиточный чай. Он попадает сюда из Индии, и в плитку чая запрессованы не только листочки, но и тонкие веточки. Другой чай кочевники и покупать не станут — только чай багрового оттенка. Но не в оттенке дело. Дело в том, что этот чай (по крайней мере, с европейской точки зрения) — и чай, и суп, и целый обед из одного блюда. Готовят его так: в цилиндрический сосуд наливают чай (или то, что мы называем чаем), всыпают горсть растертых в муку арахисовых орехов и щепотку соли. Кожаной кисточкой эту смесь сбивают, а потом разливают по чашкам.

Чай (или то, что в Сахаре называют чаем) готов. (Кстати, по отзывам путешественников, чай получается вкусным и необыкновенно сытным. Только надо себе сказать, что это суп...)

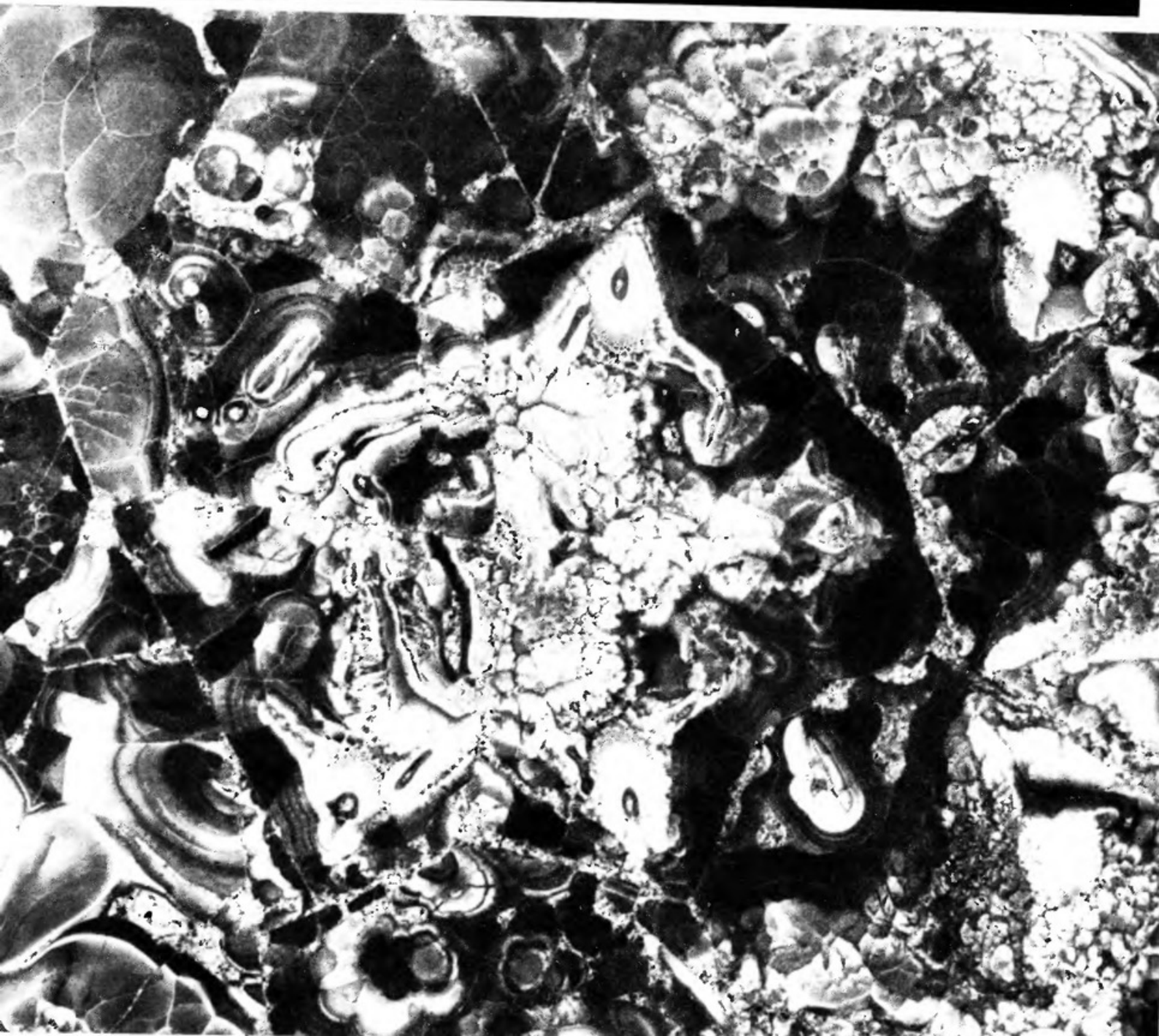
А пока не готов чай-обед, можно выпить просто чаю. Того, что и мы с вами называем чаем...

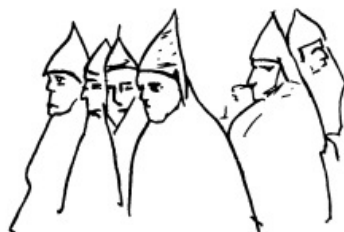

Портрет адмирала — снимок слева, перерисовка справа (изображение адмирала хорошо видно и на нижнем снимке малахитовой плитки).

Портрет юноши — снимок справа, перерисовка слева.

МАЛАХИТОВАЯ ЛЕТОПИСЬ?

Перерисовка некоторых мелких портретов и сцен.

Засекреченные портреты. ● Хроника пугачевского восстания? ● Камень с «двойным дном». ● Искусство подтверждает легенду. ● Имя мастера пока неизвестно.

То, о чем я сейчас буду рассказывать, напоминает научно-фантастический детектив. Но, предупреждаю, все здесь сказанное от начала до конца истина. В любой момент каждому, кто захочет, я могу предъявить попавший мне в руки совершенно необычный документ.

Такое бывает в жизни только раз. Чистейший случай вывел меня на след совершенно неожиданного открытия.

Посудите сами: сегодня у меня в руках более двухсот портретов людей, живших двести лет назад! Я являюсь обладателем бесценных картин и панно, на которых изображены события эпохи царствования Екатерины II. У меня в руках, видимо, портреты многих участников крестьянских восстаний XVIII века, в том числе, возможно, и сподвижников Пугачева.

Порой мне кажется, что я с фотоаппаратом проник в прошлое и сделал фоторепортаж о событиях, происходивших на Урале в шестидесятых-семидесятых годах XVIII столетия!

Этим «фотоаппаратом» явилась невзрачная на вид малахитовая плитка, некогда служившая крышкой небольшой малахитовой шкатулки. Размер крышки — 13,5 на 19,7 сантиметра. На полированную поверхность плитки совершенно необычными способами уральский летописец нанес все эти рисунки и панно.

Первое, что бросается в глаза при взгляде на плитку, — это причудливый каменный цветок в ее центральной части. Он чем-то напоминает розу, растущую в волшебном саду. Но не это главное в рисунке. Плитка подобна загадочной картинке: ее надо поворачивать в руках, вглядываясь в узоры линий и пятен, искусно смонтированные художником-летописцем, чтобы увидеть скрытое изображение.

Мы привыкли считать, что уральские мастера умели создавать картины из подклеенных кусочков узорчатого зеленого камня. Мы привыкли к облику кругов, эллипсов, замысловатых вариаций полосок, собранных из нарезанных на тоненькие пластиночки почек малахита.

Здесь тоже в основе малахитовая мозаика. Но подклеенными оказались кусочки, на которых художник НАРИСОВАЛ портреты людей

и картины событий своей эпохи. Я не оговорился: именно НАРИСОВАЛ!

К сожалению, секрет производства подобных картин утерян. Никто из современных специалистов по обработке малахита не слышал о таком способе. Как он это делал? Возможно, он втирал шпателем малахитовую пыль с клеем. По-видимому, процесс происходил при повышенной температуре. Думаю, что технологию изготовления подобных картин можно восстановить.

Но и это не все.

Там, где нужно было изобразить тайные портреты, художник применял еще более необычный способ. Фигуры «тайных» персонажей он ваял из малахитовой крошки, пыли и клея. Ваяние было также необычным. Изготовленные им портреты можно разглядеть только с помощью микроскопа или при большом увеличении фотоснимков с плитки. Это была МИКРОЖИВОПИСЬ!

Созданные неизвестным художником микроизображения, при своей удивительной «портретности», размещались экономно на пространстве, исчисляемом десятками и сотыми долями миллиметра. Один из «засекреченных» портретных комплектов, размещенный на пространстве размером с булавочную головку, содержит более ТРИДЦАТИ портретов.

Я показывал все эти портреты и панно многим своим друзьям. По-разному реагировали они на виденное. Подавляющее большинство сразу воспринимало рисунки художника. Некоторые обращали внимание на существенные детали, не замеченные мной.

Небольшая группа моих друзей, принадлежащая к категории лиц, во всем сомневающихся, обычно задавала мне десятки «каверзных» вопросов. Вот эти вопросы и мои ответы на них.

— А не плод ли воображения все это? Ведь есть пейзажные камни, на которых природа изобразила и крепостные сооружения, и моря, и горы, и даже людей. Можно усмотреть пейзажи в грозových облаках и в луже воды. Не встретились ли мы здесь с пейзажным малахитом?

— Да, пейзажные камни существуют. Я сам много писал о рисунках на яшмах. Мне встретился пейзажный родонит, на котором отчетливо просматривались опушка леса, домик и дорога к нему. Вначале и я пытался объяснить виденное на малахитовой плитке природной

«пейзажностью». Но уж слишком необычными оказались эти «пейзажи». Нет, здесь мы встретились с иным явлением, ранее никем и никогда не отмеченным. Сотни рисунков людей и животных оказались подобранными в определенные группы, взаимно между собой связанные. Но самое главное в том, что они оказались ПОДПИСАННЫМИ! На малахитовой плитке выявились сотни слов, искусно вплетенных в рисунок, похожий на природный — малахитовый. Могу заверить, что ни на одном пейзажном камне еще нигде не встречались надписи.

— Ну, а чем вы докажете, что изображение нарисовано, а не подобрано мозаично из особых сортов малахита? — не унимались сомневающиеся.

Тут я обычно рассказываю, что сам, стремясь подтвердить увиденное, отправился к криминалистам. Их я попросил посмотреть и сфотографировать плитку в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Поразительными оказались снимки, полученные в ультрафиолетовом свете. На отпечатках выявилась совершенно иная картина (и надписи к ней), ничего общего не имеющая с изображением на поверхностном слое. Ниже я расскажу подробно о композиции изображения, видимого только в ультрафиолетовых лучах. Сейчас замечу лишь, что ультрафиолетовые лучи позволяют рассмотреть то, что расположено чуть-чуть глубже видимой поверхности. Верхний рисунок оказался наложенным на более раннее изображение!

Снимки же, сделанные с помощью электронного микроскопа, показали, что микроструктура поверхности плитки ничего общего не имеет со структурой малахита. Это значит, что малахитовая основа плитки закрыта с поверхности чем-то вроде лака или эмали, по которой и осуществлялась роспись.

Не имея возможности в рамках небольшой статьи дать хотя бы краткое описание находки, я остановлюсь только на некоторых ее фрагментах.

Но прежде чем начать рассказ, скажу два слова о том, как эта плитка ко мне попала.

Лет пятнадцать тому назад я попросил одного из уральских малахитчиков подыскать мне малахитовый лом для чернильного прибора. Вскоре я получил этот «лом», случайно уцелевший у одной из бывших владелиц антикварного магазина в Петербурге. Во время Великой Отечественной войны эта владелица (сдавшая государству свой магазин в 20-х годах) эвакуировалась в Свердловск. Здесь-то она и продала малахитовую крышку.

Чернильный прибор я так и не сделал. Плитка лежала у меня вместе с другими камнями моей коллекции.

Однажды, разглядывая плитку, один из моих друзей обратил внимание на то, что при определенных поворотах плитки на ней усматриваются странные контуры людей и животных.

Так началось изучение рисунков.

Постепенно выявлялись детали. Художник, создавший эту малахитовую шкатулку, был замечательным психологом. Он великолепно засекретил главные изображения. Такой принцип засекречивания сто лет спустя прочно вошел

в детективную литературу. У Эдгара По в одном из рассказов говорится, как лучшие детективы с ног сбились в поисках документа. А искомый объект лежал прямо-таки на глазах. Никому и в голову не пришло проверить очевидное.

Так и на малахитовой плитке. Рисунок цветка гипнотизирует. Глаз уже не воспринимает того, что в нем скрыто. Использован типичный прием загадочных картинок из серии «Где спряталась собака охотника?». Подобные рисунки всем известны. Надо долго вглядываться, рассматривать изображение и так и эдак, пока глаз вдруг не увидит, что вроде бы хаотичные линии образуют точный рисунок. И уж после этого остается только недоумевать: где же были мои глаза раньше?

Неизвестный художник отработал этот прием до такого совершенства, что даже опытный малахитчик, всю жизнь занимавшийся подбором малахитовой мозаики, попался на этот прием. Он ничего не увидел на плитке, кроме центрального цветка.

Второй принцип засекречивания объектов художник связал с остротой зрения. Известно, что нормальный глаз способен видеть две точки, если они расположены под углом в одну минуту. Но есть люди, обладающие сверхострым зрением. Самое секретное исполнено в расчете на таких людей. Отдельные детали рисунка просматриваются под углом зрения в секунду и доли секунды!

Вполне естественным стал вопрос о времени изготовления малахитовой шкатулки.

Малахитчик, передавая мне плитку, обратил внимание, что малахит в ней наклеен не на металл, а на мрамор. Так делали шкатулки только в XVIII веке. Значит, плитке около двухсот лет!

Нашлось и прямое подтверждение, но ему предшествовали месяцы дешифровки. Помог мне читать нарисованное один из лучших фотографов-любителей Свердловска учитель средней школы Михаил Филатов. Он сумел сфотографировать плитку и ее фрагменты так, что порой не нужен был и микроскоп. Второй помощник, студент Георгий Мельничук, зарисовывал то, что постепенно «проявлялось» при изучении плитки и ее фотографий.

Поиски даты изготовления плитки привели сначала к находке вензеля на груди одного из главных персонажей — человека в мундире адмирала. Фигура адмирала смонтирована в нижнюю часть цветка и занимает большое пространство. В вензелевом изображении хорошо просматриваются буквы: «Е», «К», «Т», «Р», «Н» и индекс «II».

«Екатерина вторая!» — вот время действия. Это значит, что художник был очевидцем тех событий, которые действительно происходили около двухсот лет назад! Значит, художник мог быть даже участником крестьянских восстаний Пугачева. И действительно, несколько раз на плитке повторена фамилия одного из ближайших сподвижников Пугачева — «ЮЛАЕВЪ»!

В отдельных участках плитки художник изобразил отряды людей, вливающих в войско,

одинок-партизан, замаскированных в лесах, людей, вставших в круговую оборону.

Художник изобразил и противников. Среди них мы видим гренадеров в киверах и треуголках, офицеров, дворян и священников всех мастей, в том числе католических.

На одном из фрагментов плитки изображена порка крепостного. Потрясает лаконичностью сцена расправы с крепостным. Наказывают голого человека, лежащего спиной вверх. Условно решена фигура палача с бичом. У ног наказуемого офицер. Около головы — бородатый человек, по-видимому староста. На стене — изображение трех святителей. На небе — божия мать, отвернувшаяся от сцены наказания. От этого панно веет безысходностью бытия тех времен: нет правды ни на земле, ни на небе.

Сложнее всех зашифрованы портреты группы людей, идущих караваном на лошадях, верблюдах и ишанах. Их ведет проводник. Этой группе противопоставлены гренадеры. В голове одного из участников каравана (ее размер — с булавочную головку) содержится более тридцати зашифрованных портретов! Их удалось рассмотреть при увеличении рисунка в 50 раз. Отождествить многие из портретов с известными портретами исторических лиц — это дело будущего. Но мне думается, что среди них мы найдем изображения и Пугачева, и его сподвижников. Поистине мне попала в руки подлинная «повесть временных лет», малахитовая летопись.

Многое из затаенного выявилось при просмотре микрофотографий. На таких снимках удавалось увидеть то, что скрыто зеленью разных оттенков малахитового цвета. Фотография осредняла цвета. Это и помогало прочесть нечитаемое. Таким путем удалось прочесть надписи на плитке. Некоторые из них написаны вычурным вензелевым стилем, отдельные слова трудночитаемы из-за многократного повторения букв, многие надписи микроскопические по размеру. Вот некоторые из прочитанных надписей.

«Ермолай ирод» — написано на шляпе генерала. Слово «Скареда» нацарапано на его члести.

На одном из рисунков изображен памятник. «Автор века» — можно прочесть на памятнике. С трудом тут же просматриваются цифры. Одна из них — «1784». На памятнике — энергичный профиль человека. Под памятником книга. На ней слово «Воль»... Что это? Памятник Радищеву за его оду «Вольность»? Но ведь Радищев скончался в 1802 году. Ода «Вольность» создана им в 1783 году. Можно понять этот рисунок как признание художником заслуг Радищева при его жизни. В Москве, в Историческом проезде, против Исторического музея, есть барельеф Радищева. На барельефе Радищев изображен в профиль. Усматривается определенное сходство между рисунком на малахитовой плитке и этим барельефом. Не случайно этот рисунок зашифрован очень и очень тщательно. Для художника в случае его разоблачения такой портрет грозил расправой.

Слова, прочитанные на плитке, пока единичны. Они в сумме составляют не более двух процентов от написанного. Еще нет пока стройной картины всего изложенного на ней, но я уже начал разбирать отдельные фамилии и даты.

Не только портреты людей встретились на

плитке. Целый «зоопарк» животных и сказочных персонажей изображен на ее поверхности.

Разнообразен и мир «нечистых». Из сказочной «нечисти» первое место принадлежит черту. Он изображен несколько раз. Со всеми полагающимися черту атрибутами: рогами, свиным рылом и прочими мерзостями. На одном из рисунков черт соседствует с сановником в короне.

А вот что удалось увидеть на специальных фотографиях, снятых в ультрафиолетовом свете. Помог мне сделать эти фотографии криминалист-эксперт В. В. Патрушев.

Первые отпечатки не вызвали у меня никаких эмоций. На них отчетливо просматривались только места склеек отдельных плиточек. Было ясно, что главным люминесцирующим веществом являлся не материал плитки (малахит не люминесцирует), а покрытие, в котором одной из составных частей было вещество, светящееся в ультрафиолете бледно-зеленым цветом. Возможно, оно принадлежало к каким-либо органическим соединениям.

Лишь после получения отпечатков, изготовленных на особо контрастной бумаге, плитка заговорила. Она рассказала о трагедии, происшедшей на Урале более двухсот лет назад. Прежде всего с фотографических отпечатков проступило совершенно иное изображение, не то, что видимо при дневном свете. Точно так в реставрационных мастерских выявляют древние картины, погребенные под слоями позднейших грунтовок и реставраций.

Стало совершенно очевидным то, что оба изображения — древнее (назовем его так) и позднейшее — НАРИСОВАНЫ на малахите.

На древнем рисунке еще отчетливее даны и время и место действия.

Место действия расшифровывалось легко. В нижней части верхней плитки, почти в центре композиции, дан рисунок большого подвала. Над подвалом расположена массивная башня. Башня наклонена — «падает». На Урале известна единственная «падающая» башня. Она расположена в Невьянске. Построена башня по приказу Демидова в 1725 году. Первое время она имела сторожевое назначение. Недобрая слава распространилась в народе про эту башню. Шепотом друг другу передавали, что Демидов держит в этой башне беглых людей, чеканящих фальшивую монету. Золото и серебро для монет брали из руд, добываемых в Сибири.

Говорят, что Екатерина II прослышала об этих проделках Демидова. Прислала она на Урал своего верного человека — князя Александра Алексеевича Вяземского, снабдив его неограниченными полномочиями. Но Демидов, чтобы скрыть следы преступления, приказал затопить подвалы. Было это в 1763 году.

На древнем рисунке, очевидно, изображен последний акт трагедии — затопление и гибель людей в подвалах Невьянской башни.

Более двухсот лет прошло после гибели рабочих. Нераскрытой оставалась демидовская тайна. Неужели теперь ультрафиолет открыл нам художественный документ той эпохи, рассказывающий, как было дело?

На первых фрагментах мы видим подземелье с горящим горном, в котором плавился металл. Ожидают плавки. Люди стоят спокойно, не предвидя надвигающейся опасности. На переднем плане картины также еще не чувствуется

надвигающейся катастрофы. Здесь видны машины и паровые котлы. Чтобы подчеркнуть изобретенное, художник подписал: «Котлы Ф. Ф. К.». На огромном маховике просматривается дата его изготовления: «1753 г.» Но ведь И. И. Ползунов построил свою первую машину в 1765 году! Неужели ее изобрели на двенадцать лет раньше? Или художник перепутал дату?

Новый фрагмент панно. Через открытые шлюзы хлещет вода. Лица свидетелей и участников катастрофы полны ужаса. Вода застигла их во время работы... Одному из рабочих, по-видимому, удалось всплыть на поверхность потока. Он грозит хозяину, горделиво стоящему на берегу пруда.

Несколько раз на древнем рисунке плитки повторена дата: «1763». Неразборчивы лишь день и месяц события. Они читаются неоднозначно и как 11/VI, и как 15/III.

Начертание слов и букв напоминает времена вензельную вязь XVIII века, читается с трудом. Поэтому на древнем рисунке тоже еще много непрочитанного. Многие еще предстоит кропотливо рассмотреть, сверяя прочитанное с архивными материалами.

Старинный документ цепко держит свои тайны. Порой мне кажется, что я оказался в положении фотографа, заснявшего скрытой камерой многие явления, но не записавшего, где и что он снимал. Предстоит огромная работа по отождествлению «фотографий», по выявлению реальных персонажей — для многих специалистов.

Ведь речь идет о неизвестном таланте, создавшем уникальное художественное произведение. Речь, видимо, идет также о прочтении художественной летописи волнующих событий конца XVIII века.

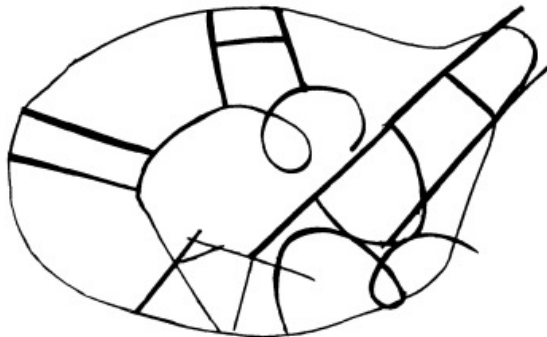
Кроме того, льщу себя мыслью, что все изложенное здесь послужит толчком к дальнейшим поискам. Известно, что в частных собраниях хранится много малахитовых изделий: шкапулов, столешниц, ваз, чернильных приборов, табакерок. Может быть, кому-либо посчастливится встретить что-либо подобное. Предупреждаю: поисковый признак древности малахитового изделия очень четкий: малахит в них наклеен не на медный или железный каркас, а на каменный, изготовленный из мрамора.

Мраморный остов изделий XVIII века был непрочным. Поэтому большинство изделий древних мастеров оказались разломанными и либо уничтоженными, либо переработанными в другие произведения.

Но, может быть, все-таки сохранились и другие произведения загадочного мастера XVIII века — человека огромного таланта и, видимо, необычной судьбы? Кто он? Почему затеял свой дерзкий и тайный труд?

Та плитка, что оказалась у меня в руках, молчит об этом. Но только ли об этом? Ведь дешифровка еще не закончена. О чем еще расскажет находка?

А. МАЛАХОВ,
доктор геолого-минералогических наук

ТАЙГА ВМЕСТО ПАЛЬМ

Пятьдесят тысяч лет назад на берегах Черного моря шумела тайга. Это обнаружил советский археолог кандидат исторических наук В. П. Любин при раскопках вблизи Сочи стоянок человека эпохи верхнего палеолита. В культурном слое им была найдена пыльца хвойных деревьев, анализ которой показал, что здешняя растительность имела северный таежный облик и что климат Причерноморья неоднократно менялся уже на глазах человека. Было даже такое время, когда деревья вовсе отсутствовали, ибо кавказские ледники спускались до отметки 600—700 метров над уровнем моря. Теоретически можно было и раньше предположить, что в эпоху великого оледенения климат Причерноморья отличался суровостью. Но что еще сравнительно недавно нынешние субтропики походили на побережья Белого и Баренцева морей и что тем не менее там жил первобытный человек — это существенный факт истории.

ЯПОНИЯ МЕНЯЕТ ОЧЕРТАНИЯ

С таким утверждением выступил недавно известный японский сейсмолог Цуней Рикитакэ. Тщательные исследования, по словам ученого, показали, что остров Хонсю суживается в поперечном направлении на несколько сантиметров в год. И в то же время остров удлиняется в направлении с севера на юг.

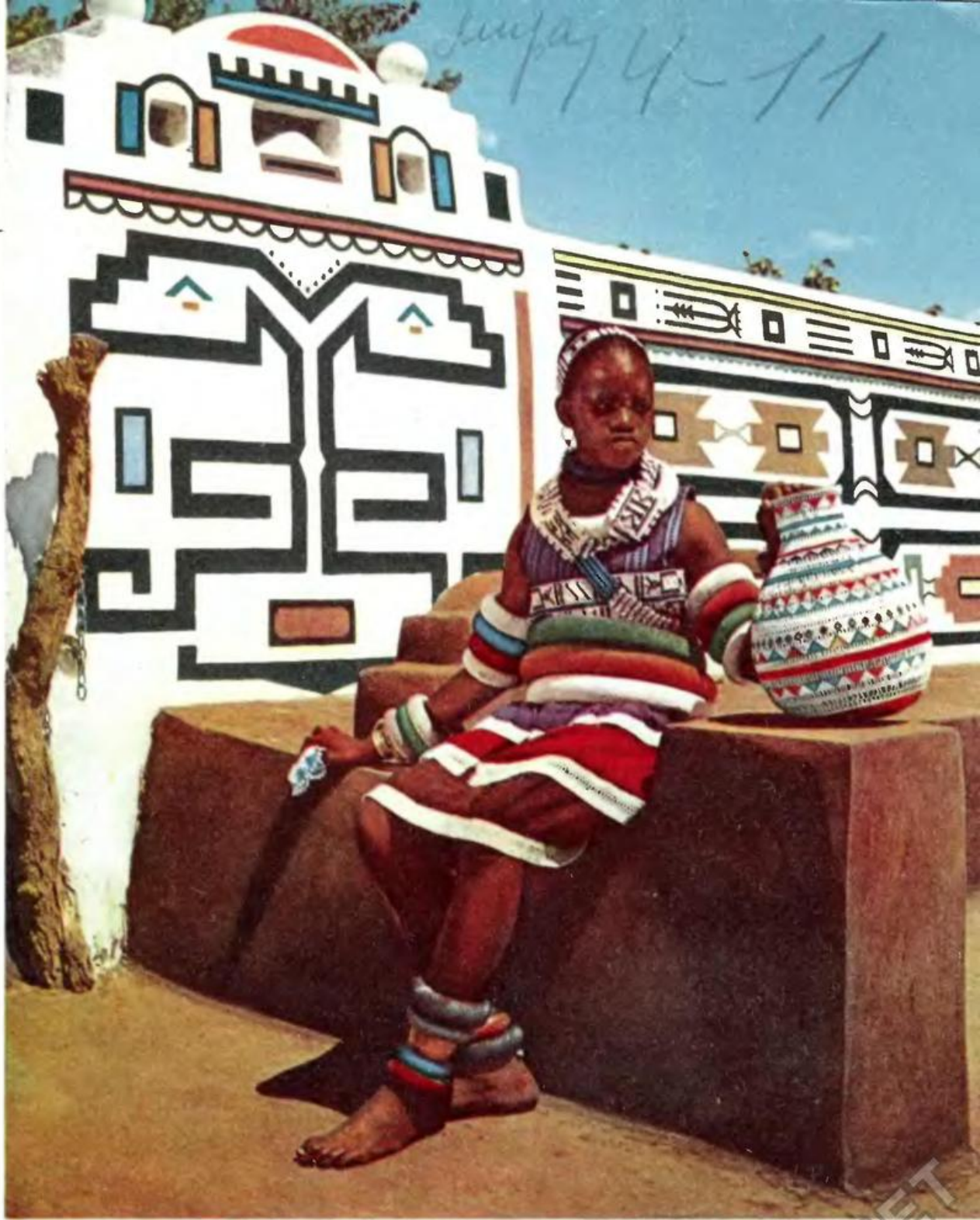
Причина этого явления не выяснена. Но, как заявляет исследователь, некоторые косвенные последствия достаточно ясны — тектонические сдвиги в земной коре и связанные с ними землетрясения.

СОЛНЕЧНЫЕ КАМНИ БАЛЕАР

На островах Мальорка и Минорка возвышаются загадочные сооружения — «тайало» и «тола».

Тайало представляют собой круглые или четырехугольные башни, окруженные стенами. Тола — это гигантские камни, выложенные в форме буквы Т. Археологи считают, что тайало возводились в память душ умерших предков. Похожие памятники найдены не только в средиземноморском бассейне, но и в Бретани, Англии, Португалии, Германии и Скандинавии.

А вот тола обнаружены только на Балеарских островах. После раскрытия секрета сооружения в Стоунхедже (Англия) — своеобразной круговой ограды из каменных столбов, оказавшейся, как считает большинство исследователей, обсерваторией каменного века, — выдвинуто было предположение, что тола также служили для астрономических вычислений, так как они ориентированы в направлении луча восходящего солнца в момент солнцестояния или в момент равноденствия. Эти сооружения, как считают исследователи, были воздвигнуты во II тысячелетии до нашей эры.

ВОКРУГ СВЕТА

4 1972
АПРЕЛЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

ZHURNALKO.NET

1972

ВОКРУГ СВЕТА

№ 4

АПРЕЛЬ

Журнал основан в 1861 году

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ
ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

На страницах номера:

К 50-ЛЕТИЮ СССР

КИРГИЗИЯ

«Самолеты улетают в горы». Наши специальные корреспонденты рассказывают о воздушных трассах республики.

Сфера деятельности человека расширилась в миллион раз. Каковы последствия? «Космос человека».

Город, с которым нельзя расстаться. «Я не прощаюсь с Варшавой...»

Очерк о нацистских преступниках, скрывающихся в Латинской Америке. «Игра в прятки по-парагвайски».

Первый контакт с затерянным в лесах племенем. «Тасадай манубе нас ждали» — рассказ филиппинского ученого.

Сегодняшняя судьба вчерашних сенсаций:
Снежный человек
Атлантида

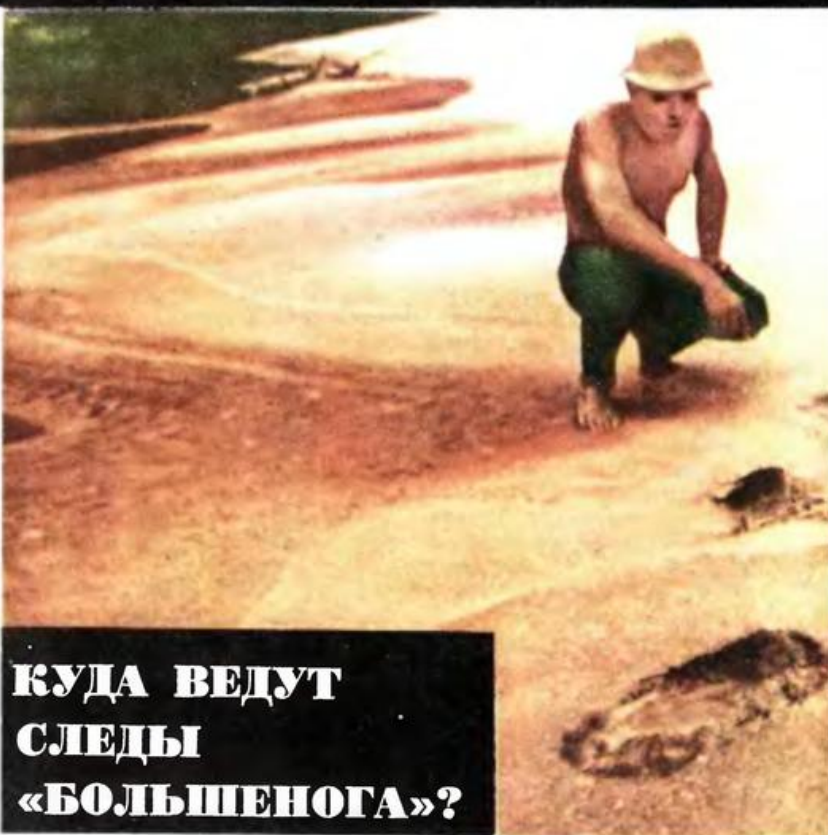
ZHURNALOKO.NET

Тысячи деревьев пали под пилами, чтобы дать бумагу для волнующих публикаций о «снежном человеке», «чудовище Лох-Несса», «летающих тарелочках» и тому подобных явлениях. И много уже минуло лет, но почти с регулярностью прибой приносит вопросы, как обстоит дело с изучением всех этих тайн.

Не всем понятна позиция науки, которая не торопится признавать подобные явления реально существующими. Ведь столько было наблюдений, так много очевидцев, почему же среди ученых преобладает скептицизм?

Конечно, даже среди исследователей встречаются люди, чье мнение в подобных случаях, если отбросить терминологическую вуаль, сводится к известной фразе: «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда». Но науке, понятно, такой консерватизм несвойствен, иначе бы она просто не могла развиваться. Столь же далека от науки, однако, другая крайность — принятие чего-то на веру, признание чего-то в качестве истины, когда не выполнено одно существенное правило научного метода — правило воспроизводимости и однозначности результата.

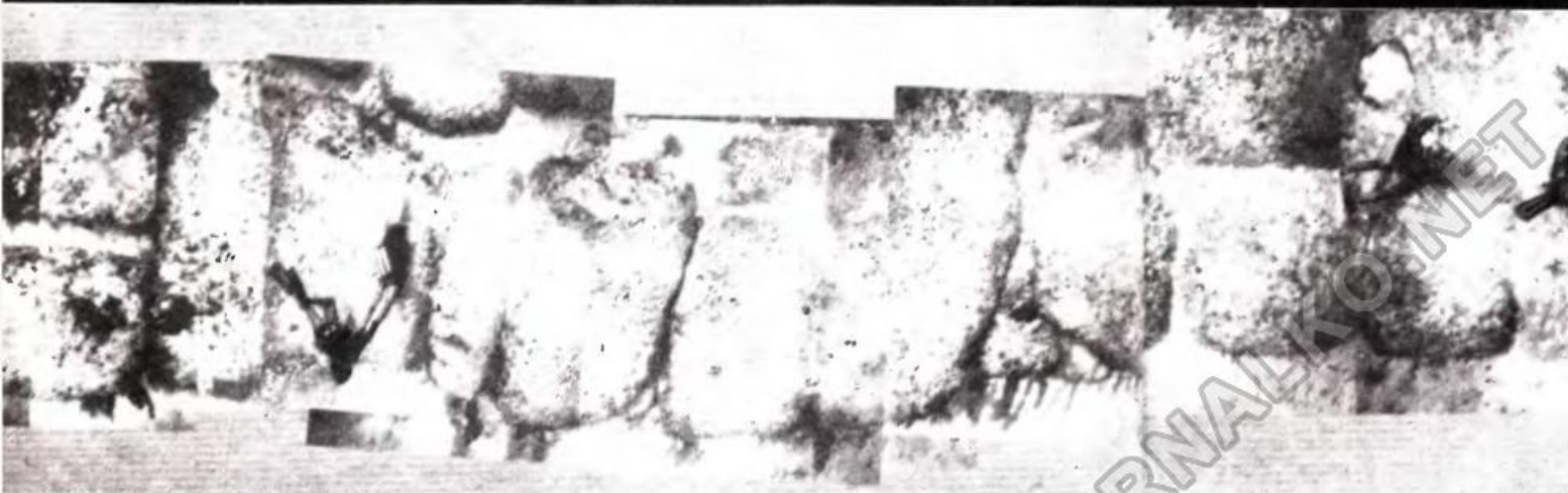
Отказ от этого правила сразу спутал бы оценки, что истинно, а что ложно. Ведь если за критерий принять количество свидетельств, «масшовость наблюдений», то нам пришлось бы признать реальность существования чертей и при-

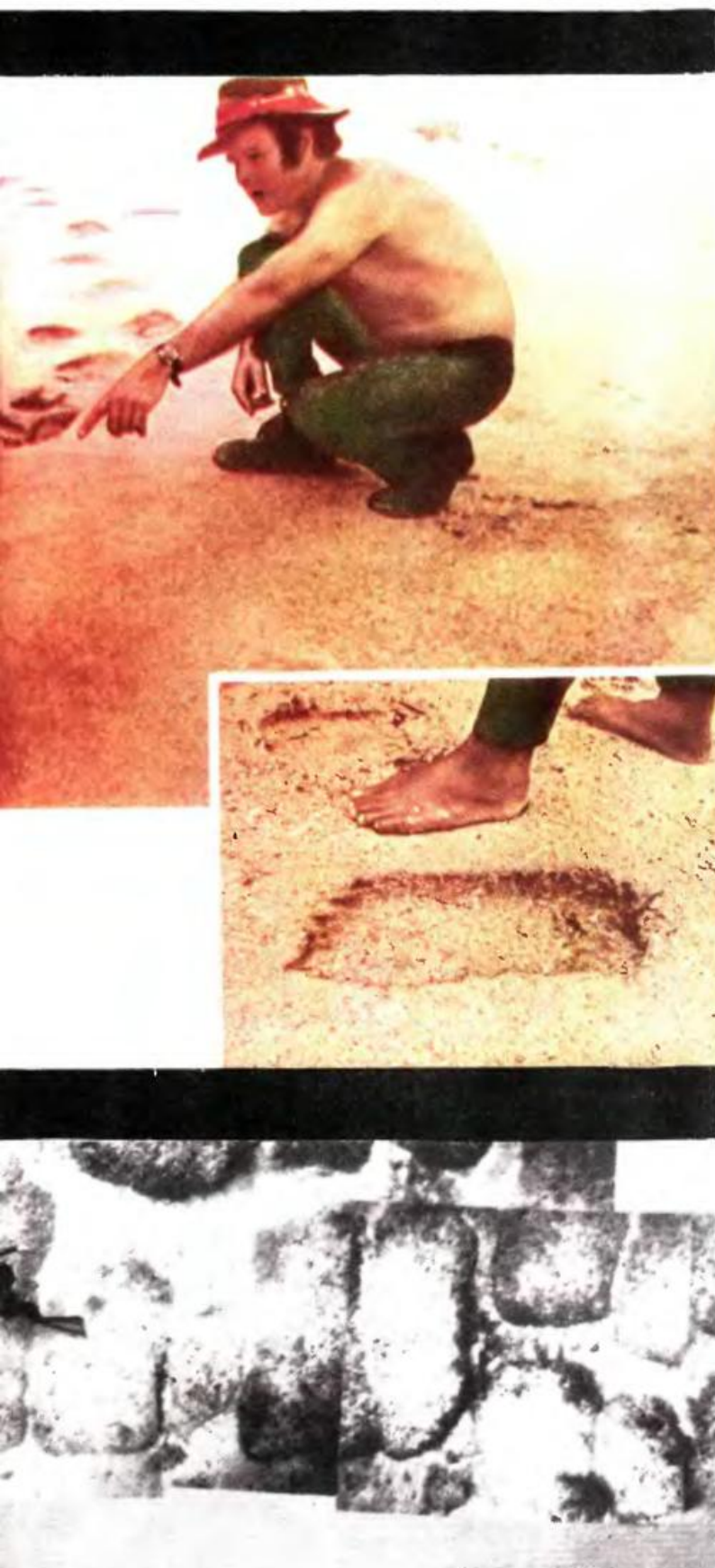
**КУДА ВЕДУТ
СЛЕДЫ
«БОЛЬШЕНОГА»?**

АНАТОМИЯ СЕНСАЦИЙ

АТЛАНТИДА: НЕ СТАНЕТ ЛИ ЛЕГЕНДА БЫЛЬЮ?

ZHURNALOKO.NET

зрakov, ибо «факт» их существования установлен многими «очевидцами». Не решает проблему и вопрос авторитета ученого, ибо тогда, логично, мы должны абсолютно верить, скажем, нобелевскому лауреату и куда меньше доверять малоизвестному исследователю. Поэтому критерий один: то, что исследователь получил в лаборатории или обнаружил в природе, тогда становится признанным фактом, когда результат по той же самой методике может быть повторен любым другим исследователем. Конечно, в природе бывают уникальные случаи, когда наблюдение повторить нельзя. Тем жестче требования к доказательности однажды полученного результата. Не должно быть ни малейших сомнений, что наблюдение произведено безукоризненно, со всей ответственностью и на строго научном уровне; полученные доказательства, в свою очередь, должны быть неуязвимы для критики. В противном случае это еще не твердо установленный факт; это лишь сигнал о том, что «здесь, возможно, что-то есть!». Конечно, действительность сложнее и разнообразнее любой, в том числе и этой схемы. Но в целом ее рамки незыблемы.

Обращаясь к статье о «снежном человеке» в Малайзии, легко заметить, что, во-первых, это сообщение, по существу, ничем не отличается от тех, которые появлялись десять-пятнадцать лет назад. Во-вторых, снова нет доказательства, убедительного для любого непредвзятого специалиста (позиция самого автора в оценке итога экспедиции очень верна). Фотографии следа, сделанные в разных концах Земли, насчитываются уже сотнями. Более того, в 1967 году в глухом уголке Калифорнии объектив киноаппарата запечатлел само загадочное существо... Канадский исследователь Р. Дахинлен представил это свидетельство многим американским, английским, а недавно и советским специалистам. (Об этом он рассказывал в «Кают-компани» «Вокруг света».) «Орешек», однако, оказался нелегким. За небольшим исключением, специалисты не отвергли пленку, что называется, с порога. Но до окончательного вывода, что именно запечатлел киноаппарат, еще далеко. Исследования кинокадров продолжают, и осторожность подхода, скрупулезность анализа тут вполне объяснимы — ведь были же прямые, рассчитанные на сенсацию подделки! Эта «скомпрометированность темы» изрядно мешает спокойному, объективному изучению накопленного материала, тем более что «закрывать» всегда легче, чем «открыть», особенно в ситуации, когда о «снежном человеке» уже сложилось не слишком благоприятное мнение (что делать, в науке эмоции тоже играют не последнюю роль!).

Кроме всего прочего, есть вещи, весьма существенные для исследователя, о которых неспециалист может и не подозревать. В шотландском озере Лох-Несс обитает некое чудовище (или несколько чудовищ). «А почему бы и нет? — скажем мы. — Разве до сих пор не находят крупных животных, которые ранее не были известны науке? То же самое и в Лох-Нессе». — «Нет, — говорит понимающий зоолог. — Существование даже нескольких представителей неизвестного вида в одном-единственном озере граничит с чудом». И он прав, потому что если особей всего несколько, то неизбежны внутриродственные скрещивания, что согласно законам

генетики ведет к быстрому вырождению и гибели группы. Это не единственное возражение, есть и другие, более специфичные, но не менее существенные. Поэтому существование «чудовища», тем более древнего, в одном или нескольких экземплярах — гипотеза с позиций науки весьма сомнительная.

Что же касается «летающих тарелочек», иначе «неопознанных летающих объектов» (НЛО), то о них наука высказалась недавно вполне определенно. Как советские, так и американские компетентные ученые, проанализировав все сообщения, пришли к выводу, что все такого рода свидетельства недостоверны и НЛО не существует. Это, конечно, не значит, что в атмосфере в принципе не может быть малоизученных, а то и вовсе неизвестных природных явлений. Ведь трудно ожидать, что в воздухе, на земле, в воде все уже настолько изучено, что ни сейчас, ни через десять, ни через сто лет там не откроется ничего существенно нового. Но это уже другая тема.

Статью об Атлантиде мы постарались подробно прокомментировать по ходу текста, ибо это в своем роде примечательная статья. Подход автора к материалу, его подача, пренебрежение к точности, быстрота выводов — все очень типично. К сожалению, когда речь идет о «снежном человеке», Атлантиде или следах космических пришельцев,

тон сплошь и рядом задают именно такого рода эффектные, размашистые, но весьма легковесные и даже существенно неточные статьи. (Статья американского археолога далеко не худший образец.) Неспециалист часто беззащитен перед их сенсационным блеском, так как многое в них вынужден принимать на веру. Одновременно они изрядно компрометируют саму, порой действительно важную, тему, саму, быть может, здравую в своей основе гипотезу.

Ибо даже те гипотезы, которые лишь с натяжкой можно назвать научными, иногда приносят ощутимую пользу. Шлиман, к немалому ужасу некоторых своих коллег, принялся искать Трою «по указаниям» «Илиады». Нашел он не гомеровскую Трою, но его находка стала событием в археологии. Публикации о Тунгусском метеорите с изложением научно-фантастической гипотезы взрыва космического корабля побудили двинуться в тайгу самостоятельные экспедиции, которые собрали хороший научный материал. Помнить о такого рода последствиях необходимо. Природа удивительна, разнообразна, неисчерпаема и еще далеко не познана даже на Земле. Поэтому нет смысла с порога отвергать ни того же «снежного человека», ни миф об Атлантиде. В конце концов это тоже не лучший метод.

Д. БИЛЕНКИН

КУДА ВЕДУТ СЛЕДЫ «БОЛЬШЕНОГА»?

Поверить в это было трудно.
— Чьи большие следы? — переспросили мы.
— Гигантских людей, — повторил вождь деревни.

— Гигантских людей?
— Ну да, Оранг Далам.

Большие следы. Гигантские люди... Что за бред! Никаких сомнений — перед нами еще один рецидив местных суеверий. Уже два дня мы слушаем байки аборигенов о хитрюгах слонах и тиграх-людоедах, теперь нам подкинули новенькое — про гигантов джунглей.

Меня и фотографа Курта Рольфа зазвал на рыбалку в низовьях реки Эндау старый знакомец Тунку Бакар, племянник султана Джохора. Предвкушая будущую добычу, мы согласились с радостью, но всем нашим мечтам пришел конец, едва начались муссонные дожди и уровень рек стал подниматься на глазах. И вот третий день мы сидим в деревне, курим местные злые сигары и слушаем, как Тунку переводит нам бесконечные небылицы.

— Так где, вы говорите, — спросил Курт, — видели эти следы?

— Далеко вверх по реке, — был ответ вождя. — За двенадцатым порогом. Оранг Далам живет на высоком плато Кинчин, а в сухой сезон спускается к реке.

Честно говоря, мы тогда не поверили старику. Мы знали, что племена, живущие здесь, в джунглях, и недалеко ушедшие от каменного века, замешивают свои легенды и рассказы на доброй порции безудержной фантазии. Тем интереснее эти рассказы слушать — время летело незаметно.

Вернувшись в Сингапур, я по уши влез в дела и скорее всего начисто забыл бы о больших следах и гигантах джунглей, не встретив я однажды за ужином одного своего приятеля, местного китайца.

Хэ Фат проявил вежливый интерес к моему рассказу о рыбалке, ухмыльнулся, когда я заговорил о проделках слонов и тигров, но стоило мне упомянуть о «большеного», как выражение его лица изменилось.

— Местные байки?.. — хмыкнул он. — Нет, это гораздо серьезнее.

— Вы хотите сказать, что на самом деле верите в существование каких-то гигантов? — не скрыв иронии, спросил я.

Он не ответил прямо. Он сказал уклончиво:

— Во время движения за независимость в Малайе — тогда в джунглях было много народа — в газетах часто появлялись сообщения о странных существах.

«А что, если разговоры старого вождя, — подумалось мне, — и в самом деле не были лишь разгово-

рами?...» В общем, тем же вечером я позвонил Курту, а уже на следующий день мы начали раскопки в архивах сингапурской «Стрейтс таймс». Работа шла медленно. Движение длилось с конца войны по 1953 год. Дойдя до декабря пятьдесят третьего, мы уже готовы были сдаться, но тут увидели то, что искали.

Случилось все на рождество. Молодая китайка Вонг И-мэй с плантации в Южном Перке надрезала каучуковое дерево, когда почувствовала на своем плече чью-то руку. Обернувшись, она увидела страшную фигуру — это была женщина, тело ее было покрыто шерстью, видневшаяся кожа казалась светлой, волосы — длинные и черные. Единственный предмет одежды — набедренная повязка из древесной коры. И еще: от нее пахло «как от зверя».

Существо ухмыльнулось, обнажив длинные, жутковатые клыки. И-мэй в панике бросилась к дому, но даже в таком состоянии успела на бегу заметить еще двух подобных той женщине существ, которые, как ей показалось, были мужчинами. Она увидела их в тени деревьев у реки, у обоих были длинные усы, свисавшие до пояса.

Хозяин плантации, шотландец по имени Браун, тут же связался с ближайшим отделением полиции. При осмотре плантации полицейские заметили трех волосатых существ, похожих на тех, которых описала И-мэй. Все три нырнули в воду и, вынырнув уже у другого берега, быстро скрылись в джунглях.

Если бы сообщение о волосатых существах, явившихся из джунглей, было получено только от перепуганной китайки, его можно было бы смело отнести на счет неведомых науке монстров, населяющих воображение женщины. Но о каком воображении может идти речь, если те же самые существа были замечены и полицейскими?

Происшествия на этом не закончились. На следующий день рабочий-индеец с той же плантации попал в объятия двух волосатых рук, когда он, присев на корточки рядом с каучуковым деревом, собрался сделать надрез. В ужасе индеец вырвался из объятий и со всех ног кинулся к дому. До дома он, однако, не добежал: на полдороге, вспомнив происшедшее, индеец потерял сознание, а когда очнулся, увидел над собой все ту же троицу, которую, судя по выражению лиц, происшедшее немало развеселило.

Конечно, мы вправе сказать, что несчастный индус еще до встречи был напуган рассказами И-мэй, так что сама встреча могла ему пригрезиться. Но ведь и в этот раз на плантацию были вызваны полицейские, которые опять-таки заметили волосатую троицу.

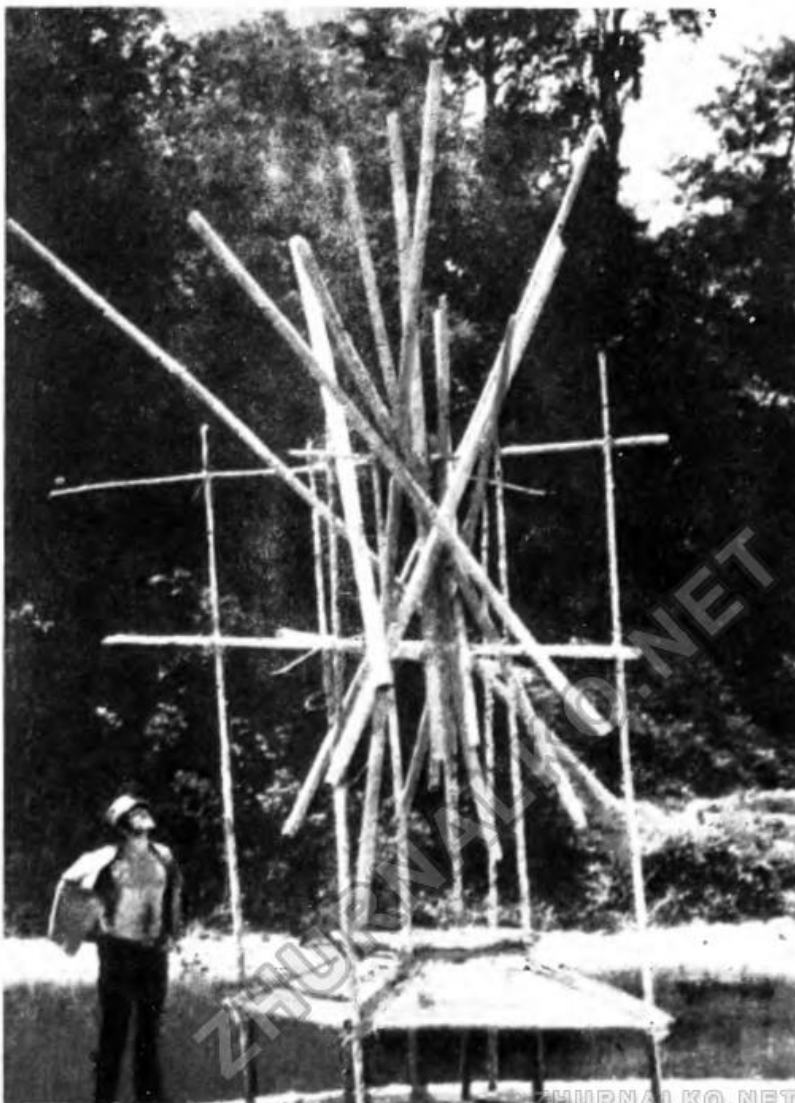
Газеты Малайи, сообщая об этом случае, поместили и комментарии, подписанные среди прочего федеральным департаментом музеев и изучения жизни аборигенов. Авторитеты департамента высказывали мнение, что научное знакомство с таким существом «могло бы стать одним из важнейших антропологических открытий со времен Дарвина».

В газетных сообщениях указывалось также, что это уже не первая встреча с подобными существами в Малайе. Тогда мы с Куртом решили копнуть поглубже и перенесли наши розыски в сингапурскую библиотеку. Мы опять угодили в «яблочко»: два английских антрополога — Скит и Блекден — в своей работе «Языческие народности на территории Малайзии» писали, что аборигены не раз встречались с таинственными существами, которых они называли «Оранг Далам», или «Внутренние люди».

Кадр из фильма Роджера Патерсона, обошедший весь мир. Это «смазанное» изображение таинственного «калifornийского большенога» до сих пор вызывает споры ученых.

На нижнем снимке — тотем, сооруженный на берегу Эндау. В переводе на язык слов тотем означает, что вся территория выше по течению, где, по слухам, обитает малайский «большеног», теперь объявлена табу.

В 1871 году англичанин А. Д. Фредериксон в своих воспоминаниях оставил следующую запись: «Любопытная разновидность волосатого человека, не подпадающая под дарвинское «происхождение видов», была доставлена на берег для дальнейшей отправки в адрес некоего калькуттского общества. Вот как выглядит этот индивидуум». Далее следовал рисунок-набросок прямоходящей фигуры, нечто среднее между человеком и обезьяной.

Самая поразительная информация, среди попавшихся нам на глаза, поступила из района озера Чини, помечена она была 1959 годом. Однажды ночью горный инженер Артур Поттер, спавший в вытасенной на берег лодке, был разбужен шумом. Открыв глаза, он, к своему немалому изумлению, увидел, как крыша лодки — а она находилась на высоте почти двух с половиной метров — приподнялась. Поттер включил фонарик и прямо над собой увидел неподвижно устремленный на него красный глаз. Размером глаз был не меньше как с теннисный мяч.

Поначалу Поттер подумал, что то была гигантская змея. Однако на следующее утро он обнаружил сорокапятисантиметровые отпечатки ног, тянувшиеся по грязи вдоль берега. Он прошел по ним метров шестьдесят, пока следы не исчезли в джунглях.

В общем, сообщений о существовании в джунглях волосатых созданий было предостаточно; весь вопрос в том, имел ли слышанный нами на реке Эндау рассказ старого вождя прямое отношение к архивным свидетельствам? И второе: действительно ли жители деревни видели большие следы всего лишь за неделю до нашего приезда?

В штабе расквартированных здесь британских войск мы познакомились с детальной картой района Эндау. Обнаружили деревню, в которой побывали, и проследили течение реки вплоть до того места, где она разветвляется на два притока. Мы пересчитали пороги — двенадцать. Выше последнего порога на карте стояла пометка — «неполные данные». Почему же неполные?

— Это просто объяснить, — сказал нам английский офицер. — Виной тому облака. Карты составляют методом аэрофотосъемок, этот же высокогорный район чуть не все время закрыт облаками. Вполне возможно, там что-то вроде плато.

Вождь был прав. Двенадцать порогов. Плато Кинчин.

Мы взглянули на карту еще раз. Дальше на север, за нехоженными джунглями, лежало озеро Чини, где, по нашим сведениям, в последний раз был замечен красноглазый гигант.

Итак, мы с Куртом продвинулись в наших домашних исследованиях ровно настолько, насколько это было можно. Теперь для того, чтобы выяснить, была ли во всех этих сообщениях и рассказах хоть крупица истины, оставался лишь один путь — организовать экспедицию и самим отправиться в джунгли.

Экспедиция оказалась делом не простым. Прежде всего из-за того, что джунгли были по-настоящему «белым пятном». Если мы хотим добраться до цели, нам нужны добровольцы из числа все знающих и все умеющих, нам нужна отличная организация и лучшее снаряжение. Река, несомненно, коварна, пороги не изучены. Можно быть уверенным в том, что в реке встретишь и крокодилов и змей, в джунглях — тоже наверняка — к встрече с нами готовы слоны, пантеры, носороги и тигры. По последним по-

лученным нами сведениям, тигр-людоед добрался до своей двадцать седьмой жертвы.

На подготовку ушел год. Курт в Сингапуре, я в Штатах продолжали сбор информации. Наконец, Курт зажег зеленый свет. Он отыскал одного евразийца, знающего местные языки и дорогу. Нашелся в одной из деревень и старик, однажды побывавший на Кинчине. Дело завертелось. Как только кончились муссоны, я был в Сингапуре.

Евразийца звали Кенни Нельсон. Если есть такой человек, который способен в одиночку выжить в джунглях, то это именно Кенни. К тому же он был знаком с Эндау, а всех жителей по ее берегам знал по именам. Мало того, Кенни жаждал отправиться в путешествие, его всегда влекли к себе тайны верховьев Эндау.

Кенни, возглавив группу аборигенов, ушел вперед. Он должен был ждать нас у порогов, но дела у него сразу пошли не блестяще. Едва прибыв на место, он обнаружил, что жители деревень объявили реку табу. Рядом с первым порогом на песчаном берегу они установили сооруженный из бамбука тотем. Это означало, что над нашей группой, если она вздумает двинуться дальше, нависнет проклятье. Старик, тот, что был знаком с Кинчином, отказался продолжать путь. Слава богу, его молодые помощники — Ачин и Буджонг — остались нам верны. Оба они были искуснейшими лодочниками и отлично знали джунгли. С ними, казалось, нас ничто уже не могло остановить. Но вот беда, у Кенни в запасе была еще одна плохая новость.

Собираясь в экспедицию, мы предполагали, что Тунку Бакар отправится с нами. Ему, племяннику султана Джохора, нетрудно было получить разрешение на пользование оружием во внутренних районах. Оно нам, естественно, было крайне необходимо. Но Бакар неожиданно попал в больницу. Теперь, чтобы получить разрешение, нам предстояло ждать несколько месяцев; причем, каков будет результат нашего запроса, никто не мог сказать заранее. Кенни предложил взять пару ружей взаймы у деревенских жителей, но после табу об этом ничего было и мечтать.

Поворачивать было, однако, поздно. С ружьями или без мы должны выполнить намеченное.

Ниже порогов Эндау широка, грязна и по берегам болотиста. В тех местах, если вы не видите крокодила в воде, то знайте, он следит за вами из камышей. Выше порогов река прозрачна и крокодилов здесь меньше, так что мы могли передвигаться по воде сравнительно спокойно.

Чем дальше углублялись мы в джунгли, тем поразительнее становилась природа. Лес скрывал землю под тройным пологом — самые высокие деревья и самые длинные лианы уходили высь на десятки футов. Невидимые птицы распевали на недостижимых для глаз ветвях, а игривые обезьяны скатывались вниз по веткам, как по гигантской лестнице. Джунгли были первобытно чисты и загадочны. Невольно мы старались не нарушить эту тишину и даже не ступать по влажному песку — достаточно следа, чтобы испортить нетронутый мир.

И все же к песчаным отмелям мы подходили каждый раз, как только они встречались: ведь мы пришли за следами, а они могли сохраниться скорее всего здесь. Кончалась отмель, и мы снова лезли в воду — плыть или даже идти, погружившись по плечи в воду, все было лучше, чем прорываться сквозь таинственно-мрачные джунгли. Едва ты

только вступаешь в сумрак джунглей, как тут же на тебя дождем сыплются какие-то пиявки. Если не сделать привала и не прижечь их хотя бы сигаретой, то будь уверен, у тебя появится вполне убедительный повод вспомнить о чертовых пиявках через несколько дней — проклятые ранки начинают гноиться. Так что река во всех случаях лучше.

А берега были истоптаны как тротуары: олени, кабаны, черепахи, вараны, слоны, тигры, леопарды, носороги — кто только не оставил своего следа! Тигринные следы встречались чаще всего; самые крупные из них были с мужскую ладонь.

...Уже темнело, когда мы наткнулись на широкую песчаную отмель. Прежде чем разбить лагерь, мы с Куртом отправились на разведку. Опять следы: свежие слоновьи и тигринные. Курт шел впереди. Неожиданно он поднял руку, приказывая мне остановиться. Сам он стоял неподвижно, не отрывая взгляд от земли. Там, на слежавшемся, влажном песке, явственно отпечатались следы человека, но не обычные, а огромные — сантиметров сорок в длину и двадцать в ширину. Человек вышел из джунглей и вошел в воду.

Мы позвали остальных. Буджонг, едва взглянув на след, сказал: «Оранг Далам» — и вернулся назад к лодке. Он сказал это спокойно, однако с той самой минуты и Буджонг и Ачин стали настаивать, чтобы мы разбили лагерь на противоположном, более узком берегу. «На этом слишком жарко», — утверждали они. Мы так и сделали, но не раньше, чем Курт сфотографировал следы.

Вечер прошел в напряженной обстановке: похоже, это место реки пользовалось у обитателей джунглей особой любовью — слоны, тигры и вот теперь какие-то непонятные человеческие следы. Что за следы, в самом деле? Ачин отказался об этом говорить. Мало того, когда нам удалось разговаривать с Буджонгом, Ачин поспешно ретировался в дальний конец лагеря, уселся там в темноте и закрыл голову руками.

Год назад Буджонг охотился с вождем племени. Тогда-то они и встретились со следами человека-зверя, Оранг Далама. Самого существа ни один из охотников не заметил, зато раньше его видели другие жители деревни — например, отец вождя. Самое удивительное в рассказе Буджонга было, однако, то, что его описание «большенога» совпало с теми описаниями, которые мы с Куртом раскопали в библиотеке.

Рост человека-зверя колебался от метра восьмидесяти до трех метров. Все очевидцы были согласны в том, что существо волосато, хотя и не мохнато. У мужских особей волосами были покрыты голова, грудь, руки и ноги. Глаза — красные или, по крайней мере, налитые кровью. Все соглашались также с тем, что от существа исходил сильный «обезьяний» запах.

Каким образом эти существа столь долго оставались незамеченными человеком? Мне этот вопрос казался решающим и опрокидывающим все свидетельства. Иначе, однако, думали наши друзья: Буджонг сказал, например, что человеку не так-то легко выследить даже слона или носорога, тигры же запросто обманывают человека, с легкостью выходя на след того, кто крадется по их собственным следам. Почему же, спрашивается, существо, которое можно определить как сверхживотное или под человека, превосходящее по умственному развитию среднее животное, — почему оно не способно хитроумно держаться вне поля зрения человека? И еще — насколько вообще изучены джунгли? Человек знаком

с реками и считанными звериными тропами, но что представляет собой остальное огромное пространство? Тут нужен поиск, и более глубокий, чем наш.

На следующее утро мы спрятали весь наш резервный запас пищи вместе с лодкой в джунглях и быстрым маршем тронулись дальше. Мы знали, что в этих местах если кто и был, то давно. Буджонг подтвердил, что последним у развилки реки был он с отцом. Во всяком случае, здесь начиналась территория, где ни разу не ступала нога белого человека. Карты теперь стали вовсе бесполезны.

Наконец, еще один поворот — и перед нами развилка. Два потока, уходящие вправо и влево, образуют здесь Эндау. У этой развилки мы разбили свой лагерь. На следующий день выбрали правый рукав. Идти стало еще труднее. Там, где река пропилила в камнях глубокое русло, нам приходилось плыть, на быстринах же — вылезать из воды и продираться сквозь прибрежные джунгли. И все же за день мы одолели еще десять порогов. Джунгли в этих местах подходили близко к реке, так что песчаные отмели становились все уже, а следов, соответственно, все меньше. Мы решили остановиться — запасы на исходе, а ведь для нас главное — добраться до Кинчина. Самое мудрое — вернуться на базу.

Путь вверх по притоку, занявший у нас три дня, при возвращении сократился до одного. Теперь, пополнив запасы продовольствия, мы расстались с рекой и устремились вверх, к Кинчину. Однако приключению в джунглях не суждено было стать долгим.

К полудню мы выдохлись окончательно. Никакой горы или возвышенности мы сквозь деревья не могли рассмотреть, хотя Буджонг и утверждал, что теперь-то Кинчин рядом. Мы остановились на отдых и, разместившись кто как мог, принялись оттирать пиявок.

Вот тут-то где-то на верхушках деревьев и раздались взволнованные крики гиббонов. Мы прислушались: на какое-то мгновение установилась тишина, и вдали послышался неясный рев. Гиббоны совсем смолкли. И вот рев — более сильный и более близкий — вновь донесся из глубины джунглей. «Хари мау, — прошептал Буджонг, — тигр».

Когда рев раздался в третий раз, я вспомнил, что слышал нечто подобное в обеденный час в зоопарке. Буджонг и Ачин стали бледными как полотно. Наконец, Буджонг обернулся к нам и показал глазами на реку. Слов не понадобилось: мы тут же кинулись за ним. Мчались во весь дух, соревнуясь со стайей гиббонов, летевших к реке по веткам деревьев, и не остановились, пока не очутились по пояс в воде.

Мы не решились продолжить поход на плато безоружными, тем более что никакие на свете доказательства не могли переубедить Буджонга и Ачина в том, что этот тигр — не людоед.

Но ведь мы получили в конце концов то, что хотели: своими глазами увидели следы малайского человека-зверя. Наши поиски не закончились на реке Эндау, они там только начались. Есть и другие реки, есть и другие джунгли... Быть может, через несколько лет разговоры о гигантском загадочном существе в Малайзии уже не покажутся никому странными. Кто знает? Ведь говорили же целых триста лет о гигантском человеке-обезьяне, обитающем в самом сердце Африки! Сто лет назад была открыта горилла — и миф приказал долго жить...

ГАРОЛЬД СТЕФЕНС

АТЛАНТИДА: НЕ СТАНЕТ ЛИ ЛЕГЕНДА БЫЛЬЮ?

В редакцию пришел свежий номер американского журнала «Аргоси». Журнал этот имеет одну особенность: в каждом выпуске он публикует сенсацию. Этот номер не исключение — сенсация есть, да еще какая: «Атлантида открыта!» Право, такую новость грешно было бы утаивать от читателя...

У журнала «Аргоси» есть и вторая особенность: довольно часто громкие сенсации оказываются обыкновенным барабанным боем — оглушительным,

но неубедительным. Тут все зависит от того, умеете ли вы читать подобного рода статьи...

Статья, написанная редактором «Аргоси» по подводной археологии, — научно-популярная. Вполне естественно, в ней отсутствуют сугубо научные данные — данные, подтверждающие те или иные сообщаемые факты. Нам потому остается условиться принимать на веру любой факт, если он не противоречит сегодняшнему уровню исторической науки. Попробуем, однако, проанализировать, насколько безупречна логика доказательств.

За последние несколько лет древнейшие памятники «утерянной цивилизации» стали подниматься со дна Карибского моря, как грибы после теплого летнего дождя. На дне было найдено более дюжины каменных домов, один из которых похож на огромную пирамиду; гигантская каменная дамба — громадная каменная стена длиной в несколько тысяч футов; сотни круглых, напоминающих колеса, камней диаметром от 60 сантиметров до 1,5 метра и с отверстием в центре; множество обломков обработанного мрамора; отдельные части мраморных скульптур и древние керамические изображения человеческих лиц. Все это — близ островов Бимини и Андрос. В общем-то эти находки убедительно свидетельствуют о существовании «доисторического» континента, затонувшего в Атлантике около 12 тысяч лет назад. К сожалению, они большей частью уже засыпаны передвигающимися песками морского дна.

Прежде чем приступить к детальному рассказу о последних находках, вероятно, следует познакомиться с предшествующими

открытиями. Это тем более важно, что речь идет о возможности существования Атлантиды...

Летом 1956 года отец и сын, занимавшиеся подводной охотой в Карибском море около острова Бимини, сообщили о том, что на глубине 18 метров они нашли ряд торчащих из песка больших декоративных мраморных колонн. К сожалению, последующие попытки обнаружить эти колонны оказались бесплодными: их скрыл слой передвигающегося морского песка.

В августе 1964 года два французских морских офицера, капитан Жорж Ут и лейтенант Жерар де Фробервиль, рассказали, что у северного берега Пуэрто-Рико при погружении на исследовательской подводной лодке «Архимед» на глубину восьми километров они обнаружили вырубленную в большой скале на покато морском дне лестницу, судя по всему, сделанную человеком.

Атлантида, как известно, является гипотетическим континентом в Атлантическом океане, существовавшим во времена зарождения цивилизации на Земле. Но ведь и существование Трои,

как и легенды о короле Артуре и его рыцарях круглого стола тоже, в конце концов, относились к предполагаемым — до тех пор, пока археологические изыскания не доказали обратного.

Отложения на дне Карибского моря, считают многие американские исследователи, в своем роде уникальны и не случайно вызывают огромный интерес ученых в течение многих лет. Они не типичны для всего бассейна океана, а представляются как бы переходными между океаническими и континентальными отложениями, так что вполне можно предположить, что эти отложения — часть опустившегося в море материка.

Около 12 тысяч лет назад — а именно это время Платон указывает как время исчезновения Атлантиды — уровень океана, говорит современная наука, был на 150 метров ниже. Вполне возможно, его повышение было вызвано таянием последних ледников на Европейском континенте.

У ученых имеются весьма веские доказательства и того, что именно в этот период произошли и другие значительные изменения. Так, под городом Мехико археологи обнаружили следы культу-

ры, развитие которой внезапно прерывается именно 12 тысяч лет назад. На берегах озера Титикака, на высоте почти 4 тысячи метров, находятся необъяснимым образом попавшие туда руины Тиуанако — большого города, построенного из каменных блоков, некоторые из которых достигают веса в 200 тонн. Этот город был неожиданно и полностью оставлен жителями 12 тысяч лет назад.

Прежде чем перейти к находкам, которые могут пролить свет на существование Атлантиды, я бы хотел сказать еще об одном обстоятельстве. Гольфстрим проходит вблизи района островов Бimini и Андрос, и скорость его при этом около трех узлов в час. Так что песок на морском дне постоянно перемещался: он то покрывает, то обнажает возможные подводные сооружения. Если песок морского дна будет вымыт, тогда глазу откроется то, что вот уже тысячи лет было сокрыто...

Итак, автор начинает с фактов (которые мы не подвергаем сомнению), и, надо сказать, фактов убедительных — в сравнительно небольшом регионе обнаружены, если верить описаниям, следы древней архитектуры. Поначалу, правда, нам не сообщается главное — время сооружения этих построек. Вместо четкой датировки — хотя бы предположительной, основанной на сравнении с уже открытыми древнейшими постройками Нового Света, — автор дает «намекающее» отступление об Атлантиде. Мысль тут предельно проста: автор, не связывая себя излишней щепетильностью по отношению к логике, механически соединяет воедино пока что совершенно несоединимые вещи: находки у островов Бimini и Андрос с легендарной Атлантидой.

Нехитрой подстановкой он Атлантиду из страны мифической делает континентом гипотетическим, то есть легендарное упоминание становится пусть спорным, но уже научным фактом! Метод такой операции довольно прост и не раз использован в подобного рода «сенсационных» статьях. Условно его можно назвать методом «а почему бы нет?». В самом деле, читатель прекрасно знает, что когда-то Троя действительно считалась лишь гомеровским вымыслом — а оказалась реальностью; да и король Артур прямо из средневековых баллад шагнул в историческую науку (оставим в стороне то, что реальное существование короля Артура пока еще весьма и весьма проблематично). Так почему бы, спрашивается, и Атлантиде не стать Троей XX века? (Пользуясь подобным методом, на-

ходки у Багамских островов можно с таким же успехом связать и с космическими пришельцами. Попробуйте подставить вместо Атлантиды марсиан — потребуется лишь слегка изменить первую фразу...)

Только теперь, когда багамские находки оказались связаны с Атлантидой (превращенной из легендарной в историческую), автор переходит к датировке подводных построек. Датировка идет по вышеозначенному принципу «а почему бы нет?». Автору надо, чтобы его «Трое» было никак не меньше 12 тысяч лет. Так как сразу говорить, что подводным сооружениям 12 тысяч лет, слишком легкомысленно — все-таки они еще под водой, — надо доказать, что в принципе такой давности постройки существовать здесь могут. И автор как бесспорный факт приводит примеры: развалины города на берегу высокогорного озера Титикака и остатки древнего города близ Мехико (по видимому, автор имеет в виду Теотиуакан).

Но...

Во-первых, эти города принадлежат к совершенно разным цивилизациям. Во-вторых, они возникли и были разрушены в... I тысячелетии нашей эры. Спустя почти одиннадцать тысячелетий после того времени, которое так необходимо автору статьи!

Неужели автор позволил себе открытый и явный подлог? Не совсем. Наряду с сотней исследований, посвященных, например, Теотиуакану, есть один-единственный «труд», который относит руины города к X тысячелетию до нашей эры (и, к слову, приписывает честь создания этого города, как вы сами понимаете, космическим пришельцам). Увы, эту «датировку» ни один исследователь не признает достойной даже возражения. Вполне возможно, аналогичная «работа» существует и по истории города на берегу Титикака.

Итак, существование Атлантиды у Багамских островов методом «а почему бы нет?» доказано. Атлантида существовала 12 тысяч лет назад? А почему бы нет, раз существовала Троя. Найдки у островов Бimini и Андрос относятся к тому же времени? А почему бы нет, раз есть реально существующие на континенте руины, которые погибли внезапно именно 12 тысяч лет назад.

На этом статью автор мог бы и закончить. Но у почти научно-популярного жанра есть свои законы, которые требуют продолжения разговора...

Перейдем теперь к последним находкам. В 1967 году знаменитый подводный исследователь Дмитрий Рибикоф, пролетая все над теми же островами Бimini и Андрос, заметил под водой на глубине пяти-шести метров прямоугольное сооружение длиной около четверти мили. Рибикоф — а за его плечами более чем 20-летний археологический опыт — утверждал, что это сооружение не может быть ничем иным, как творением человеческих рук.

Летом 1968 года пилот Роберт Браш, совершавший полет между Майами и Нассау, сообщил ученым о том, что им замечено какое-то затонувшее сооружение на мелководье у северной оконечности острова Андрос, недалеко от того места, где Рибикоф год назад заметил большой прямоугольный объект. Рибикоф, получив новую информацию, снова вернулся на острова. Согласно его исследованиям, размеры сооружения оказались таковы: 18 метров на 300 со стенами в 90 сантиметров толщины. Рибикоф и археолог Мейсон выдвинули также утверждение, что это сооружение, безусловно, дело человеческих рук. Они также добавили, что известняковые блоки, из которых выложены стены, уложены с таким мастерством и точностью, которых вряд ли могли достигнуть как последние коренные жители этого района, так и индейцы племени лукайян, обитавшие здесь во время плаваний Колумба. Тем более что индейцы этого племени при строительных работах никогда не пользовались камнем.

Примерно в миле от этого сооружения Мейсон и Рибикоф обнаружили еще две затонувшие постройки, одна из которых размером 27 на 15 метров, другая 22,5 на 30 метров. Всего они, как, впрочем, и другие исследователи (в том числе и я), обнаружили свыше 12 различных подводных сооружений в одном и том же районе; сооружения эти, по моему мнению, могли служить жилищем для людей.

2 сентября 1968 года во время поисковых работ около острова Бimini Мейсон и коллеги побывали на его северном берегу. Их отвезли туда рыбаки, которые рассказали ученым о ранее замеченных на глубине пяти с лишним метров множестве странных квадратных камней. Внимательные ученые привлекли две длинные параллельные стены из прямоугольных и многогранных плоских камней различной длины и толщины, судя по всему, обработанных и аккуратно выложенных человеком. Нетрудно было определить, что камни находились под водой многие века — их поверхность, сглаженная под действием воды, ныне напоминала нечто похожее на большие булочки хлеба. Эти стены возвышались над песчаным морским дном почти на метр, а расположены они были параллельно линии берега — стены протянулись почти на 540 метров. На этот раз, преж-

Две карты, расширяющие географию Атлантиды: одни исследователи помещают ее на остров Санторин, что в Эгейском море, другие — в пучину Атлантики...

де чем через несколько месяцев они были вновь занесены песком, Мейсону и Рибикофу удалось сфотографировать их.

В конце февраля 1968 года местный рыбак доставил членов Морского археологического исследовательского общества в другой район, расположенный между берегом и прежде найденными стенами, теперь засыпанными морским песком. На глубине четырех с половиной метров экспедиции удалось обнаружить опять же нечто похожее на стену длиной около ста метров и шириной в девять метров. Эта стена, как и та, о которой мы говорили, была выложена блоками. Один из таких блоков был извлечен и подвергнут тщательному анализу с помощью химической обработки. Исследования показали, что строительный материал изготовлен в период от 6 до 12 тысяч лет назад!

Как только я услышал об этих последних находках, я тут же предложил, чтобы редакция журнала «Аргоси» в августе 1969 года организовала свою собственную экспедицию на остров Бимини. Вместе со мной в этой экспедиции приняли участие Рибикоф и Анди Пруно, великолепный рисовальщик и фотограф. По прибытии, однако, на место мы узнали, что за три недели до нашего приезда двое каких-то ныряльщиков нашли и, как рассказывали, подняли на поверхность две огромные статуи и часть мраморной колонны, которые затем увезли на яхте в США.

После этого случая власти Бимини издали приказ, запрещающий кому-либо заниматься какими бы то ни было раскопками.

Надо добавить, что тогда же мы узнали еще о двух интересных находках. Пилот «Пан-Америкен» сообщил нам, что он заметил большую стену недалеко от Бимини на глубине 18 метров. Эта стена, по его словам, имела посередине арку.

Правда, археологи из «Норт америкен корпорейшн», получившей исключительное право на исследование Бимини и прибрежных вод, утверждают, что эти стены никоим образом не могут быть делом человеческих рук, а колонны попали на морское дно в результате кораблекрушения.

Вернемся теперь к законам жанра, о которых мы упомянули. Законы эти несложны.

Во-первых, сенсацию надо поддерживать. Иными словами — расширять, углублять и придавать ей мно-

гогранность. Во-вторых, когда все «доказано», необходимо немножко посомневаться, так чтобы заиграла всеми красками беспристрастность.

И вот сенсация обрывает новыми деталями, вплоть до детективно-кладовских. Новые стены, новые колонны, загадочные прямоугольные объекты... О датировке уже можно не беспокоиться. Все, о чем говорится, как-то само собой, естественно отодвигается в X тысячелетие до нашей эры. Тактично и ненавязчиво. Правда, археологи утверждают, что колонны попали на дно случайно, в результате кораблекрушения, а стены «никоим образом не могут быть делом человеческих рук»; но разве теперь не ясно, что все это консерватизм педантов эт науки, которые к тому же никого из инакомыслящих не допускают к исследованиям?

Читатель помнит, верно, о нашем уговоре — не подвергать сомнению конкретные факты, сообщаемые автором статьи. Точно так же на веру мы принимаем и его информацию о собственных открытиях. Тем более что автор уже не утверждает, что возраст их равен 12 тысячам лет. Он лишь утверждает, что его эксперты относят их к доколумбову времени, к средиземноморской цивилизации.

Но тут вот что любопытно. Для сенсации одной Атлантиды оказалось мало. Как вы убедитесь, тут очень кстати оказались и таинственные связи Америки и Старого Света в античную эпоху, и обнаружение таинственной подводной дороги — весь набор тайн, вот уже несколько столетий сопутствующий археологии Америки.

И все же мне удалось погрузиться в заветные воды.

Нам повезло: сама природа помогла нашим раскопкам — дно было абсолютно чисто от песка. Стена оказалась... не стеной. Масивные каменные блоки толщиной 90—120 сантиметров лежали на твердом дне, и если уж были похожи на что-либо, то скорее всего напоминали дорогу или мостовую, каких я много видел, к примеру, на Юкатане.

Пожалуй, наиболее важным итогом работы экспедиции мне представляется такой факт: ни один из каменных блоков не был прикреплен к морскому дну, что, несомненно, доказывает — сооружение явно искусственного происхождения.

Несколько недель назад я совершил краткую поездку в район острова Андрос. Производя исследование рядом с одной из построек, я выкопал руками яму глубиной метра в два, однако так и не добрался до основания стены. Мне удалось откопать глиняное изображение человеческого лица, обработанный кусок мрамора и свыше дюжины керамических черепков, ни один из которых, похоже, не имеет аналога в Новом Свете. Многие эксперты, ознакомившись с фотографиями этих находок, полагают, что они средиземноморского происхожде-

ния и, безусловно, относятся к доколумбовой эпохе.

Тайны все еще окружают находки, сделанные вокруг островов Бимини и Андрос. Но совершенно ясно одно: если все эти находки и не связаны с Атлантидой, то они свидетельствуют о существовании другой древнейшей цивилизации Старого Света и, будучи опознанными, безусловно, помогут узнать, кто же первым открыл Новый Свет.

РОБЕРТ МАРКС

Итак, Атлантиды как не было, так и нет. Что же есть? Можно ли выделить хоть какое-нибудь рациональное зерно из только что прочитанной статьи? Безусловно, и даже не одно.

Первое. Когда вы читаете статью, где слово «Атлантида» употреблено не в переносном смысле, не в смысле, что найден древний город, опустившийся под воду, а в прямом, — будьте осторожны. Когда вам называют сногшибательные даты, проверьте по доступным источникам, возможно ли такое в принципе. В нашем примере это невозможно, ибо 12 тысяч лет назад по всей территории Нового Света жили лишь охотники и собиратели диких злаков и растений, не знавшие даже, что такое земледелие. Охотники же городов с колоннами не строили. Конечно, все можно свалить на марсиан, но это уже из другой оперы...

Второе. Научный поиск и даже поиск любительский трудно переоценить. Всякое новое слово — даже самое тихое — истинной наукой приветствуется. Беда только, если исследователь, еще не выйдя на «рабочее место», надевает на глаза шоры, если он заранее говорит: именно здесь и именно в эту пятницу я открою именно Атлантиду.

Вся сумма научной информации, преподнесенная автором, в том случае, если она соответствует истине, чрезвычайно интересна сама по себе, без привязки к Атлантиде. Ее можно сформулировать следующим образом: «У островов Бимини и Андрос целый ряд случайных наблюдателей и некоторые археологи неоднократно замечали под водой какие-то странные образования. Некоторые исследователи считают, что они явно искусственного происхождения, другие оспаривают это. Исследования продолжаются».

К этому можно добавить, что в любом случае — дело ли это рук человека или это природные образования — исследования представляют интерес для истории или геологии.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ, ГЕОРГИЙ ШУМЕНКО — Самолеты улетают в горы	2
Ю. ШКОЛЕНКО — Космос человека	9
АНАТОЛИЙ МАКАРОВ — Я не прощаюсь с Варшавой... . . .	13
МЕРРИ ОТТЕН, АЛЬБАН БАНСА — Балийское волшебство . . .	20
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Игра в прятки по-парагвайски	28
С. ФАН — Когда не было бумаги...	33
Н. ДУРАСОВ — «Марко Поло» терпит бедствие	34
Ю. РЕРИХ: пустыня покоряет сердце	36
А. ОКЛАДНИКОВ — Слово о Рерихе	40
Н. К. РЕРИХ — Обращение к будущим путешественникам . .	43
ВИЛЛИ БРЕЙНХОЛСТ — Еще раз о скандинавах	44
Загадки, проекты, открытия	45, 63
АНАТОМИЯ СЕНСАЦИЙ	46
А. ХАРЬКОВСКИЙ — Хлебников и другие	55
ВИКТОР ПУЛЬКИН — Вепские орнаменты	58
А. ХАЗАНОВ — После «Арго»	64
М. КЛИМОВА — Рецепты, которые вам не пригодятся . . .	67
МАНУЭЛЬ ЭЛИСАЛЬДЕ — Тасадай манубе нас ждали	68
РОБЕРТ ТРОНСОН — Будни контрразведчика	72
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
К. БЛОЧНИКОВ — Не все коза умеет	80

На первой странице обложки: ЛЕСОТО. Традиционный орнамент на стенах домов народа басуто. О зашифрованном смысле орнамента читайте на странице 33.

На второй странице обложки: АРАЛЬСКОЕ МОРЕ. Рыбаки и улов на берегу. Только корабли ночуют в лагуне.
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/II 1972 г. Подп. к печ. 14/III 1972 г. А06847.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 400 000 экз. Заказ 140. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

НЕ ВСЕ КОЗА УМЕЕТ

У козы много достоинств. К тому же она удивительно неприхотлива — ухода не требует почти никакого, а ест все, что на глаз попадется: траву, листья, солом, кору деревьев, старые газеты и театральные афиши.

В горных непальских деревушках нет театральных афиш, и газет крестьяне обычно не выписывают. В дождливый сезон козы пасутся, под корень съедая траву. После травы наступает очередь нежных листочков, которыми усыпан невысокий кустарник; потом козы обгладывают кору с тонких деревьев. На высокие большие деревья коза в то время еще и внимания не обращает — кора там толстая, не прокусишь, а листья высоко.

Дождливый сезон сменяется сухим, и даже та трава, что уцелела от коз, начисто выгорает. Хорошо еще, что в сухой сезон начинают осыпаться листья с дерева сал — высокого, метров под сорок, и толстого — в три-четыре обхвата. На каком-то время коза обеспечена обедом, благо саловы листья мясистые и сочные. Но когда дерево обнажается совершенно и лишь самые стойкие листья венчают его вершину, на помощь козе приходят люди. Женщины забираются на головокружительную высоту, рвут листья и бросают вниз. (Все это вы видите на третьей странице обложки.)

Тяжелая работа — сколько деревьев надо облазить, чтобы заpastись впрок, а что поделаешь: надо же козе помочь, ведь без нее в хозяйстве не обойтись, а при всех ее достоинствах верхолаз из козы никудышный...

К. БЛОЧНИКОВ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 5 МАЙ 1972

СОДЕРЖАНИЕ

А. САМОЙЛОВ — Звездное поле	2
КАЗИМЕЖ ДЗЕВАНОВСКИЙ — Урок перевала Донглок	6
НАДИР САФИЕВ — Большая поправка лоции	10
П. ВАДИЛО — Пожар, на который можно и не спешить	17
С. КУЛИК — Люди каменистой пустыни	18
АМАЛИЯ КУЦУРУ-ФЛЕМИНГ — Так я лишилась родины	27
ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО — Дети острова Хортица	30
ЮРИЙ ЛОЩИЦ — Свиток Кумской сивиллы	32
ГАРРИ ГАРРИСОН — Неукротимая планета	38
Л. РОМАНОВ — Ищите женщину!	45
В. ШЕСТАКОВ — На коня!	46
Загадки, проекты, открытия	51
XX ВЕК: В ПОИСКАХ ВЕЧНОГО ГОРОДА	52
«Заглядывать в завтрашний день...»	60
В. АРСЕНЬЕВ — Берег Лямыцкий	61
РОБЕРТ ТРОНСОН — Будни контрразведчика	66
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Ф. ШИПИЛОВ — Поморский ветромет	80

На первой странице обложки: **ФИНЛЯНДИЯ.**

Плоты на весенних реках.

Зимой, когда в деревне дел немного, финский крестьянин становится лесорубом. На всю зиму. Всю зиму рубят лес, стволы стаскивают к реке, а там они лежат до весны. Весной, стоит сойти льду, поплывут по рекам бесчисленные плоты. А лесорубы расходятся по домам — их ждет новая страда, летняя...

На второй странице обложки: ляганы делают к свадьбе — в ожидании ее, зная, что она непременно будет. А сколько таких расписных блюд понадобится на одну свадьбу, знают, пожалуй, только устроители да еще вот эти мастера из узбекского города Риштана. Глина хрупка, а гостей соберется...

Фото А. ЛЕХМУСА

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АНКУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцевская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 6/III 1972 г. Подп. к печ. 10/IV 1972 г. А06885. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (Усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12. Тираж 2 400 000 экз. Заказ 386. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцевская, 21.

ПОМОРСКИЙ ВЕТРОМЕТ

Для поморов — русских поселенцев на берегах Белого и Баренцева морей — море было главным средством существования, а потому знали они его превосходно. Именно поморы, следуя за кромкой льда, отступающей на север, открыли Новую Землю. Идя по кромке льда на запад, поморы подошли к островам Медвежий и Надежда, а дальше вышли на Грумант, известный ныне как Шпицберген.

Из поморов лучше всех море знали кормщики — водители судов. Кормщик один раз увидит какое-либо приметное с моря место или услышит о нем от другого кормщика и уж навсегда его запомнит. Однако когда туман на море, когда не видно ничего, тут одной памяти мало, тут не обойтись без компаса.

Говорят, что первый магнитный компас привез в Европу из Китая Марко Поло в XIII веке. Но поморы-то ходили в Ледовитом океане задолго до того. Они изобрели другой компас, необычайно простой и оригинальный, деревянный компас — ВЕТРОМЕТ (поморски «метать ветер» значит давать определенное направление). То был, говоря языком науки, «деревянный сферический сегмент диаметром 60—70 сантиметров и толщиной около 5 сантиметров». Деревянный диск разбивался на тридцать два деления — румба. В каждом румбе просверливались отверстия, в которые вставлялись деревянные стержни разной высоты. Восемь основных стержней были самыми высокими; они назывались «ветры». Восемь стержней пониже имели название «межники», а остальные шестнадцать были короткими и назывались «малые палки». В центре круга вставлялась длинная палочка; по ней определяли по солнцу, в полдень направление север-юг.

В открытом море, где глазу не за что зацепиться, с помощью ветромета определялось направление по солнцу, а ночью брали пеленг по Полярной звезде.

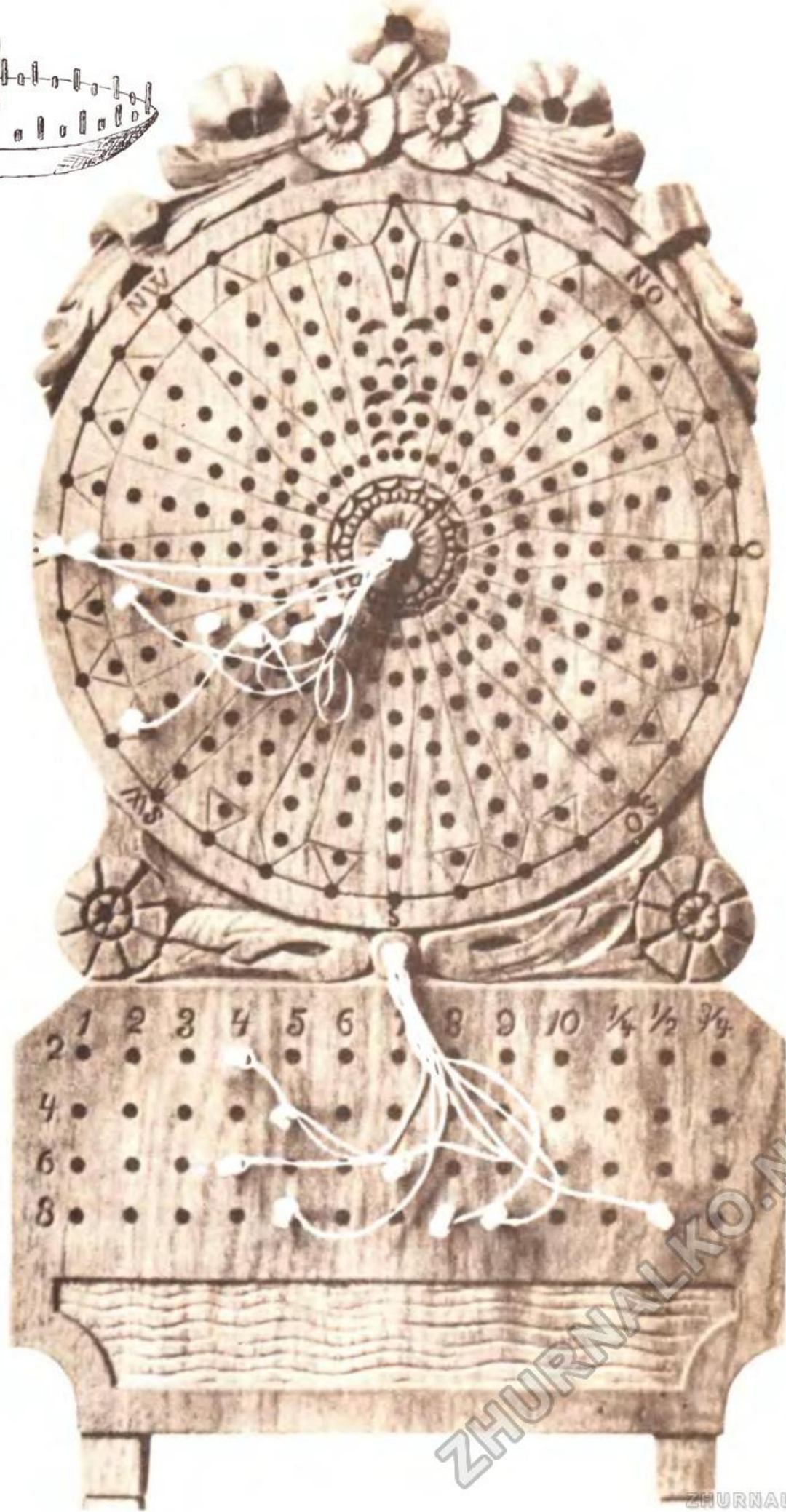
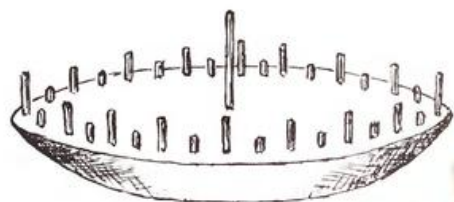
На видных с моря местах — мысах, приметных вершинах и особенно у входа в бухты и проливы поморы ставили гурии — каменные столбы-пирамиды и деревянные кресты, которые сооружали из плавника. Их поперечина всегда и везде строго ориентировалась по частям света. Иногда кресты служили створными знаками для входа в пролив или бухту.

Чтобы определить нужный курс судна с точностью до одного румба, достаточно было сориентировать компас через центральный стержень (в створе с другим) на крест, когда он обращен к наблюдателю боком — линией север — юг.

Хотя и был деревянный компас примитивным прибором, тем не менее ему обязаны поморские мореходы точностью старинных карт — морских чертежей и лоций, так называемых «расписаний мореходства».

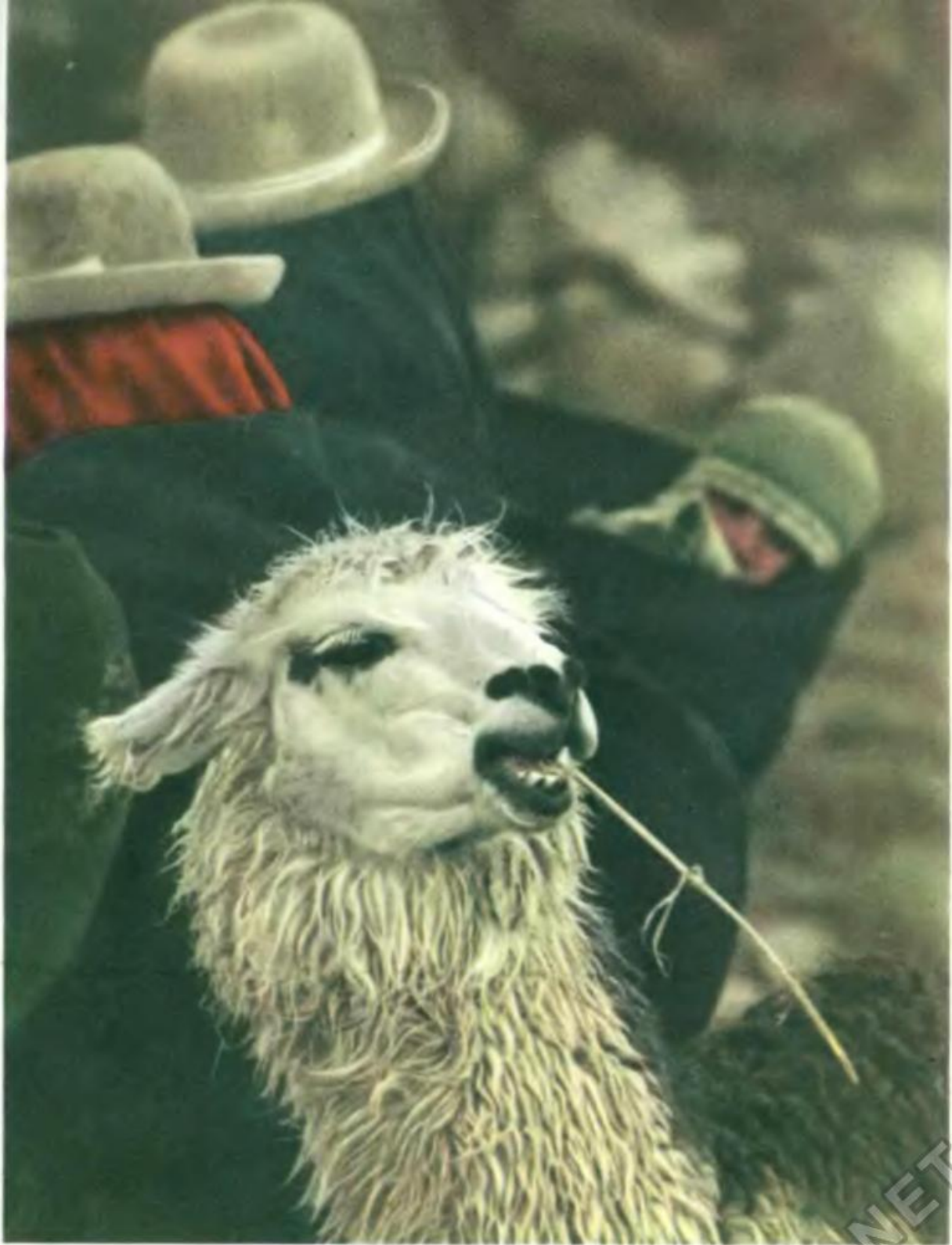
И даже когда появились магнитные компасы, ветрометами поморы продолжали еще долго пользоваться, в особенности в каботажном плавании. Деревянные компасы — изменившись, конечно, — дожили до XIX века (один из них вы видите на третьей странице обложки), неукоснительно и точно показывая морякам путь среди льдов и туманов.

Ф. ШИПИЛОВ,
почетный моряк,
почетный полярник

ZHURNALKO.NET

ZHURNALKO.NET

ВОКРУГ СВЕТА

8

1971
АВГУСТ

Scanned by **malshin** exclusively
for torrents.ru

«ДОБРЫЙ ДЕНЬ,

ЧУДЕСНАЯ ВОДА СЕГОДНЯ!»

...С этими словами англичанин Уильям Хонивилл поднялся на борт теплохода «Ваал» почти в сотне морских миль к северу от Канарских островов. Наблюдательный читатель, кинув взор на карту, наверняка обратит внимание, что там не обозначен ни один клочок суши. Все верно. Именно это обстоятельство и заставляет нас рассказать о происшедшем.

Двадцативосьмилетний англичанин возвращался домой из Австралии рейсом Сидней — Саутгемптон. Вместе с ним на борту «Ваала» было еще семьсот пассажиров. После непродолжительной остановки теплоход покинул остров Гран-Канария. Была глубокая ночь. Проводив глазами дрожащие огни на канарском берегу, Хонивилл отправился к себе в каюту. Однако, дойдя до двери, он с раздражением констатировал, что шумные австралийцы, соседи по каюте, и не думают прекращать затейливый с вечера «банкет». В поисках уединения Хонивилл вновь поднялся на палубу. Было около трех часов ночи, но разгуливающая публика и здесь не давала покоя, втягивая его в разговоры. Тогда англичанин перелез через заграждение на корме и устроился с сигаретой на бухте свернутого манильского каната.

Он просидел так больше часа. Потом встал, чтобы размять ноги, и бросил рассеянный взгляд на часы. Они показывали 4.30 утра. Пожалуй, можно было возвращаться. Хонивилл шагнул... По несчастью, Хонивилл шагнул не в ту сторону.

Вот как он вспоминает о дальнейшем:

«Я не помню, как летел вниз с высоты двадцати метров. И это к лучшему — иначе я сразу бы ударился в панику и мог захлебнуться. Первой реакцией после падения в море было — скорей догнать корабль. Но «Ваал», влекомый турбиной мощностью в 44 тысячи лошадиных сил, был уже далеко. Я продолжал мерно плыть брассом. Море было спокойно. Может, чуть холоднее, чем нужно. Ориентироваться мне было не по чему. Я решил плыть в сторону ушедшего теплохода — конечно, не с целью догнать его, а просто чтобы не стоять на месте.

Я стал шарить по карманам в поисках чего-нибудь съестного. Но там нашлись лишь две кредитки по пять фунтов и пилка для ногтей — и то и другое вряд ли могло мне сейчас пригодиться. Ничего не поделаешь, решил я, придется продолжать водную процедуру на голодный желудок...

Все так же тихонько гребя, я стал прикидывать, что происходит сейчас на борту. Соседи по каюте вряд ли хватятся моего отсутствия. Значит, только в девять, когда стюард постучит в дверь, приглашая к завтраку, они могут заметить, что меня нет. Если не заметят — моя песенка спета.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я стал думать о насущных делах — неоплаченных счетах, сделанных заказах. Должно быть, я рассуждал вслух, потому что услышал голоса. Хорошо помню, я стал твердить: «Умереть надо достойно, не впадать в истерику, без глупых сцен».

Немного позже мне в голову закралась мысль об акулах. Это уже было действительно неприятно. Я стал двигать руками быстрее. Мне вспомнился рассказ одного школьного приятеля: ему пришлось однажды плыть около четырех часов к берегу, борясь с волнами, и он спасся только благодаря своему упрямству. Надо сказать, по характеру я тоже не самый сговорчивый человек, коль скоро мне втемяшилось в голову остаться жить, я решил, что буду сопротивляться, пока хватит сил.

Ровно в полдень (по моим часам) я увидел примерно в миле от себя пароход. Он на всех парах шел мимо. Я начал махать рукой и кричать изо всех сил. Но это было равносильно тому, как если бы я «голосовал» междугородному автобусу через две улицы.

Самое интересное — я не воспринял это как катастрофу: пароходы я не принимал в расчет, ожидая, что меня будут искать с воздуха. С другой стороны, появление судна было добрым знаком — значит, я по-прежнему на оживленной магистрали...

К двум часам дня я начал ощущать усталость. Только тут я обратил внимание, что не снял с себя туфли, так и плавал обутый. Подумав, я решил остаться в них — какой смысл раздеваться? Эта фраза сложилась у меня в голове, словно припев песенки, которую я стал напевать в такт движениям. «Какой смысл раздеваться?» — мурлыкал я. Но силы явно уменьшались, я начал стыдить себя: «Как тебе не стыдно распускать нюни? Ты ведь поднимал мешки с цементом! Ты же здоровый парень, Уилли». Это подействовало... Но ненадолго.

К четвертому часу я почти перестал грести, но все же оставался на плаву.

Когда я увидел приближавшийся ко мне теплоход, я вначале не среагировал на него — это было похоже на галлю-

цинацию. И действительно, пароход на всех парах мчался мимо, всего в ста метрах от меня! Ни одного человека на палубе — ну конечно, «файф-о-клок», священный пятичасовой чай! Только тут подлинное отчаяние охватило меня...

Перенесемся теперь на борт теплохода «Ваал» и посмотрим, как там развивались события этого дня. В 9 утра капитану Алену Фриру сообщили, что пассажир Уильям Хонивилл отсутствует. Капитан распорядился найти его. Свободные от вахты члены команды обыскали корабль. Потом еще раз. В 9.45 капитану доложили, что пассажир исчез. Фрир приказал развернуться и взять курс на Канары. План его был таков: если Хонивилл упал за борт, его надо искать, следуя назад по своим следам. Вместе со старшим штурманом капитан рассчитал, куда могло унести упавшего слабое Канарское течение. В итоге им предстояло обследовать полосу длиной примерно в 60 миль и шириной в две мили...

В напряженном ожидании прошло шесть с половиной часов, когда впередсмотрящий закричал: «Видю человека!»

Уильяму показалось, что теплоход пронесся мимо. Но он не знал, что для того, чтобы застопорить махину в 33 тысячи тонн, нужно не меньше миль. Капитан, приникнув к биноклю, ожидал увидеть качающегося на волне недвижимое тело. Каково же было радостное удивление всех, когда «тело» приветственно замахало рукой.

Так окончилось это невероятное происшествие.

— Добрый день, чудесная вода сегодня! — сведенными губами произнес Уильям, когда его подняли на борт, и без сознания рухнул на палубу. Тринадцать часов на плаву оказались не легким испытанием даже для человека с силой воли Хонивилла.

Б. ТИШИНСКИЙ

АРКТИЧЕСКИЙ ФЕЙЕРВЕРК

Остров Ян-Майен затерялся в водных просторах Северной Атлантики, на границе между Норвежским и Гренландским морями: Остров суров и невелик — площадь его всего лишь 380 квадратных километров. Возник он много тысячелетий назад в результате вулканического извержения, но на памяти человека недра его мирно спали. О былом напоминал лишь кратер на вершине горы. И вдруг исполнен «проснулся»!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ZHURNALKO.NET

ZHURNALKO.NET

Вот как это произошло.

В ночь на 20 сентября 1970 года с борта японского рейсового самолета, пролетавшего над Ян-Майеном, было замечено багровое зарево и гигантские клубы дыма, окутывавшие остров. Летчик немедленно послал сообщение в эфир.

Сообщение это явилось полной неожиданностью для норвежских ученых, так как сейсмическая станция на Ян-Майене была за несколько месяцев до этого демонтирована по причине устарелого оборудования. Правда, на Ян-Майене были люди — сотрудники научной станции. Но они жили на другом конце острова и ни о чем не подозревали. «Мы ощущали частые подземные толчки, — рассказывал впоследствии один из зимовщиков, — но, поскольку такие толчки на Ян-Майене дело обычное, никто не обратил на них особого внимания».

Вскоре начали поступать сообщения и с других самолетов. Активность вулкана нарастала с каждым часом, и было принято решение эвакуировать сотрудников научной станции, составлявших все население острова.

К месту событий вылетел директор Норвежского полярного института Туре Ельсвик. Была организована научная экспедиция. Когда наблюдательное судно «Хеймдаль», на борту которого находились члены экспедиции, подошло к берегам Ян-Майена, глазам людей представилось поразительное, почти фантастическое зрелище.

В горе открылось четыре кратера. На северном склоне забил мощный фонтан высотой около 600 метров. Это был гейзер светящихся сгустков пыли и обломков камней, которые с огромной силой выбрасывались вверх и, рассеиваясь, исчезали в небе. На южном склоне три кратера — трещины, до двух километров каждая, возникали одна над другой, и потоки раскаленной лавы низвергались многоступенчатым каскадом. Сливаясь вместе, огненные реки устремлялись к морю. Температура лавы была около тысячи градусов, и от соприкосновения с ней море закипело. Вдоль берега от воды поднимался пар, точно в гигантской парной бане. Даже на расстоянии около километра от берегов Ян-Майена море нагрелось до 39° С. Члены экспедиции шутливо сокрушались, что не захватили с собой рыболовные снасти. Ведь попавшую в сеть треску можно было бы сразу же подавать на стол! Зато этим обстоятельством в полной мере воспользовались птицы, целыми стаями кружившие над водой. Вероятно, впервые за всю их птичью жизнь в их «рацион» попала вареная рыба...

Застывшая лава образовала новые берега, и, таким образом, территория Норвегии теперь увеличилась примерно на 4 квадратных километра.

Первые несколько дней вулкан бушевал. Затем извержение перешло в более спокойную фазу. Зимовщики Ян-Майена возвратились на остров. Однако наблюдение за вулканом продолжалось и с моря и с воздуха.

Извержение на Ян-Майене явилось, пожалуй, самым знаменательным событием минувшего года для ученых Норвегии. Интересно это событие и для мировой науки, так как приполярные широты Земли бедны действующими вулканами. А вулкан Ян-Майена к тому же самый северный на планете. Да и вообще, не так уж часто просыпаются тысячелетиями дремлющие вулканы и на глазах людей рождаются новые участки суши.

Впрочем, не только ученые, но и все норвежцы восторженно приняли сообщение о том, что у них в стране появился «свой» активный вулкан. Один из журналистов с шутливой гордостью писал: «До сих пор Норвегию называли «страной фьордов», «страной ледников», «страной викингов» — теперь Норвегия станет и «страной вулканов».

В. СОКОЛОВ, Ф. ЗОЛОТАРЕВСКАЯ,
сотрудники Научно-исследовательского института
геологии Арктики

ВЗРЫВ ПОД ВОДОЙ

22 февраля 1971 года в 07 часов 30 минут местного времени взорвался подводный вулкан Каруа, расположенный под 16°50' южной широты, 168°32' восточной долготы, вблизи архипелага Новые Гебриды. Облако дыма и пепла достигало в высоту по меньшей мере километр.

Взрывами, происходящими по несколько раз в минуту, выбрасываются крупные обломки породы. К 10 часам 23 февраля из-под воды появился остров пепла, достигший одного метра высоты над приливным уровнем. Его длина примерно 200 метров, ширина — около 70 метров. Поверхность острова усеяна скальными обломками.

Извержение Каруа в 1897—1901 годах уже порождало остров. Он просуществовал примерно полгода, пока не был размыт морем. Следующее крупное извержение было в 1948—1949 годах, когда из-под воды появился вулканический конус, но и он быстро исчез под волнами. Ныне остров Каруа возникает в третий раз за последние сто лет.

Из телеграммы доктора ДЖ. МАЛИКА, Новые Гебриды.

Впечатляющее зрелище представляло собой рождение из глубин Атлантики в ноябре 1963 года острова Суртсей (архипелаг Вестманн-Азйяр, Исландия).

ZHURNALKO.NET

ZHURNALKO.NET

ВОКРУГ СВЕТА

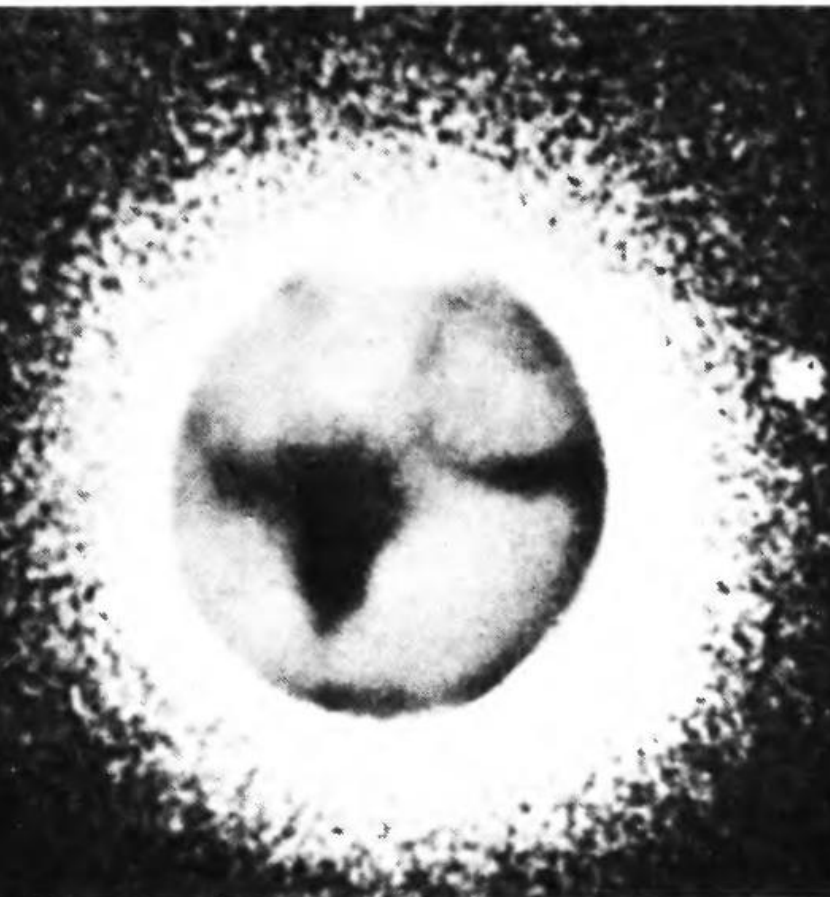
7

1971

июль

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

три загадки МАРСА

космические зеркала·паря- щие «антарктиды»·спор о «страхе» и «ужасе»

В начале августа этого года произойдет великое противостояние Марса, когда багровая планета окажется ближе всего к Земле. Это редкое событие — последнее вслкое противостояние было в 1956 году. Даже невооруженным глазом можно будет заметить возросшую яркость Марса. Десятки, сотни астрономических приборов нацелятся на Марс, и можно быть уверенным, что наблюдения не останутся безрезультатными. Тем более что недавно к нему шли советские автоматические станции «Марс-2» и «Марс-3», а также американская «Маринер-9».

О Марсе, в сущности, пока еще так мало известно, что перечень волнующих астрономов проблем трудно ограничить. Мы расскажем лишь о некоторых, которые демонстрируют, с каким трудом природа открывает истину и с каким упорством ученые ее добывают.

КОСМИЧЕСКИЕ ЗЕРКАЛА

В эту ночь снова наблюдался взрыв на Марсе. Я сам видел его. Он имел красноватый блеск и чуть заметный выступ по краю и появился как раз тогда, когда хронометр показывал полночь. Я сообщил об этом Ожилви, и он занял мое место. Ночь была теплая, и мне захотелось пить. Я ошупью, неловко ступая в темноте, двинулся к столику, где стоял сифон, как вдруг Ожилви вскрикнул при виде несшегося к Земле огненного газа.

Так в романе Г. Уэллса «Война миров» началось вторжение марсиан на Землю.

Любопытно, что вспышки на Марсе не плод воображения Уэллса. 11 декабря 1896 года (время, когда происходили события, описанные в «Войне миров») английский астроном Иллинг заметил на Марсе блестящую точку, которая вскоре потухла...

В августе 1924 года советский исследователь Барабашов обнаружил на Марсе яркую белую полосу, которая не исчезала на протяжении нескольких минут.

Сентябрьской ночью 1956 года вспышку на Марсе отметила алмаатинская обсерватория. Возникшая точка временами наливалась столь сильным голубовато-белым светом, что не уступала в яркости южной шапке Марса.

Но самая мощная вспышка произошла 4 июня 1937 года. Ее наблюдал японский астроном Маэда. Следя за Марсом в телескоп, он вдруг увидел, как вблизи края марсианского диска появилось сверкающее пятно. Его яркость значительно превосходила сияние полярной шапки! Через пять минут пятно исчезло.

Астрономы, понятно, с большим скептицизмом отнеслись к высказанному кое-кем предположению, что марсиане сигнализируют Земле или испытывают ядерное оружие, ибо вера в высокоразвитую марсианскую цивилизацию ныне сошла к нулю. Серьезное отношение встретили два предположения: на Марсе время от времени происходят бурные вулканические извержения; на Марс обрушиваются крупные метеориты.

Сделанные несколько лет назад «Маринером» снимки Марса с близкого расстояния как будто

подкрепили обе эти гипотезы: поверхность Марса оказалась изрытой кратерами. Но расчеты показали: чтобы вспышки извержений марсианских вулканов могли быть замечены на Земле с такой отчетливостью, их интенсивность в десятки и сотни тысяч раз должна превосходить интенсивность извержений земных кратеров. Что, мягко говоря, маловероятно.

Падение астероида на Марс, конечно, могло дать вспышку требуемой яркости, но тут в силу вступает другое соображение. Астероиды, которые могли бы обеспечить такой эффект, падают на Землю крайне редко — раз в тысячелетия, если не реже (см. «Вокруг света» № 12 за 1970 г.). Почему же на Марс они обрушиваются чуть не каждое десятилетие?

Недавно загадочной проблемой заинтересовался московский астроном В. Давыдов. Внимательно проанализировав все данные, он пришел к неожиданному выводу: вспышки на Марсе можно объяснить отражением солнечного света от каких-то деталей поверхности. Но эти детали должны обладать... свойствами зеркала.

Гипотеза, прямо сказать, необычная. Но она сулила еще более удивительный парадокс. Как известно, угол падения светового луча равен углу отражения. Оказалось, что если учесть положение Солнца, Марса и земного наблюдателя во время вспышки 4 июня 1937 года, то получается, что блик шел от вертикально поставленной к поверхности Марса зеркальной стены!

Ну уж это, казалось бы, чересчур! Даже если на Марсе существует цивилизация, что само по себе представляется невероятным, то зачем, скажите на милость, ей воздвигать зеркальную стену? Да и сами размеры стены, очевидно, должны быть фантастическими...

Правда, как это ни странно, размеры «стен», оказывается, не должны быть слишком большими. Не столь уж сложные расчеты показывают, что солнечный блик от боковой стеной поверхности здания секретариата ООН в Нью-Йорке можно невооруженным глазом заметить... с Луны! Если же увеличить стеклянную поверхность этого здания в двадцать раз, то солнечный блик от нее мог бы наблюдаться на Венере как явление, сходное со вспышкой на Марсе 4 июня 1937 года.

Вот так. Как будто бы ясно, что гипотеза подводит нас к весьма фантастической версии гигантских

марсианских городов. Ибо что еще может там служить вертикальным зеркалом?

Но оказывается, что это не единственное решение. Существует явление, которое способно послать с планеты на планету солнечный «зайчик» без участия стеклянного или какого-нибудь иного зеркала.

Морозным зимним днем многим, очевидно, доводилось наблюдать Солнце в центре яркого светлого круга. Это оптическое явление называется гало. В данном случае светлый круг возникает из-за отражения солнечного света от бесчисленных плавающих в воздухе крохотных кристалликов льда (подобный ореол часто возникает и вокруг Луны, и вокруг фонарей).

Формы гало очень разнообразны, но общее в них то, что мельчайшие частички в воздухе (это могут быть и водяные пылинки) играют роль своеобразного зеркала. Расчеты показали, что достаточно большое (но не фантастически огромное!) облако ледяных кристалликов в атмосфере Марса способно создать «вертикальное гало», блик от которого может наблюдаться на Земле как вспышка.

Правда, по современным данным, содержание воды в марсианской атмосфере примерно в сто раз меньше, чем требуется для создания подобного эффекта. Но этот довод не опровергает гипотезу Давыдова. «В среднем» невозможен и ливень над пустынями. Тем не менее ливни в пустынях изредка случаются. Кроме того, сразу выбросить в атмосферу массу воды способно извержение вулкана, а нет никаких оснований считать, что вулканы на Марсе отсутствуют.

Действительно, астрономы не раз наблюдали на Марсе довольно крупные белые пятна — по всей вероятности, облака.

Итак, образование достаточно плотных облаков, состоящих из множества ледяных кристалликов определенной формы, судя по всему, не такой уж редкий случай на Марсе. Так, может быть, верно и то, что именно они время от времени посылают на Землю солнечный «зайчик»?

Согласно подсчетам В. Давыдова, в момент, когда Марс для земного наблюдателя находится в точке, прямо противоположной Солнцу, все облака, которые расположены на обращенном к Земле полушарии и содержат ледяные кристаллы подходящей формы, должны давать яркие блики.

Если это так, то в дни великого противостояния Марса астрономы

сравнительно легко смогут обнаружить «предсказанные» вспышки. Тогда одной загадкой станет меньше. Если же гипотеза не подтвердится, то над природой марсианских вспышек еще придется поломать голову.

В. КОМАРОВ

ПАРЯЩИЕ «АНТАРКТИДЫ»

Впервые их наблюдал еще Кассини в 1666 году; тот, кто смотрел на Марс в телескоп, просто не мог их не заметить. Особенно, когда на Марсе зима; в эту пору сверкающие полярные шапки особенно велики как в северном, так и в южном полушарии. Летом южная шапка исчезает, да и северная значительно уменьшается в размерах.

Весной же... Ну, весной на Марсе творятся чудеса. От тающих полярных шапок к экватору, распространяясь по «каналам» и захватывая «моря», катится волна потемнения. Похоже на весеннее пробуждение растительности, только на Земле оно распространяется от экватора к полюсу, а на Марсе наоборот.

Что же, однако, тает — снег?

Вывод как будто напрашивается сам собой, но астрономы не склонны доверять соблазнительным аналогиям. Может быть, глаза видят не то, что есть на самом деле? Глаза видят темную кайму по границам тающих шапок, но не обман ли это зрения? Ведь существует «эффект контраста» — белое на темном кажется окруженным тенью. Но объективный свидетель подтвердил, что глаз не ошибается: снимок, сделанный через красный светофильтр, удостоверил, что кайма не исчезла, хотя яркость ее и ослабла. Значит, полярные шапки — это все-таки снег (или лед), а кайма — полоска влажного грунта. Значит, на Марсе есть вода, много воды.

Но на Марсе не может быть много воды! Не может, потому что, по последним данным, атмосферное давление у поверхности Марса примерно в сто раз меньше, чем на уровне земных океанов. Жидкая вода при таком давлении закипает совсем холодной. Другое дело лед или снег, они и на поверхности

Марса могут оставаться твердыми, разумеется, при температуре ниже нуля.

Итак, с каймой что-то не совсем ясно. Допустим, у самой кромки тающего снега вода еще могла удержаться некоторое время, придавая почве темный оттенок. Но смачивать почву вплоть до экватора?! Тогда, может быть, «волна потемнения» все-таки растительность? Но почему растительность оживает в направлении от полюса к экватору, а не наоборот? Или, быть может, ее пробуждает не тепло, а влага? Но влага не способна «течь» по поверхности из-за слишком быстрого в условиях Марса испарения.

Полнейший тупик. Но дальше — больше. Недавно с помощью столярного телескопа обсерватории Маунт Вильсон удалось получить спектрограмму, свидетельствующую о наличии на Марсе водяных паров. И больше всего их оказалось как раз в полярных областях.

Казалось бы, прекрасно. Вода на Марсе есть, следовательно, полярные шапки, как мы и предполагали, образованы льдом или снегом. Но не тут-то было! Расчеты показали, что воды на Марсе очень мало. Так мало, что полярные шапки должны быть толщиной... в волос! Попробуйте такой слой снега или инея равномерно наложить на стекло, вряд ли у вас что-нибудь получится. А поверхность Марса отнюдь не зеркало. И все-таки снег в полярных областях лежит равномерно — иначе бы не было сплошной белой шапки, белые пятна перемешались бы серыми и темными. Так, может быть, полярные шапки образованы отнюдь не снегом, а замерзшей углекислотой?

Углекислого газа в марсианской атмосфере немало. Никак не меньше десяти процентов. И температуры на Марсе низкие. Так что вроде бы сама природа велела углекислоте сгуститься в «сухой лед» и осесть вблизи полюсов.

Тем не менее сфотографированные в инфракрасных лучах полярные шапки выглядели почти черными, а «сухой лед» на таких снимках должен был остаться белым.

Ну и что теперь делать? Как примирить противоречия? Ведь полярные шапки — самые крупные, самые броские, легче всего наблюдаемые образования! Если уж и они заводят в тупик...

Если сфотографировать Марс через светофильтр, пропускающий только короткие (ультрафиолетовые) волны света, то на его диске оказываются неразличимы все де-

тали, кроме полярных шапок. Хорошо видны они и в синих (тоже коротких) лучах, тогда как все прочие образования по-прежнему неразличимы. Отсюда можно сделать вывод, что атмосфера Марса «гасит» отраженные от поверхности короткие волны света, пропуская только длинные (зеленые, желтые, красные и инфракрасные). Но почему тогда видны шапки?

А потому, предположил профессор Н. А. Козырев, что они не лежат, как принято было думать, на поверхности Марса. Они... плавают в атмосфере! «Вероятнее всего, в атмосфере Марса носятся также ледяные иголки, подобные тем, которые часто наблюдаются у нас на Севере в очень морозные дни», — заключил исследователь.

На Марсе, судя по всему, есть облака. На некоторых фотографиях отчетливо просматриваются изменчивые белые пятна, которые выглядят яркими в фиолетовых лучах и невидимы в инфракрасных. Предполагают, что это легкие облачка, состоящие из водяных паров или кристалликов льда, которые отражают фиолетовые лучи, но пропускают инфракрасные. Но полярные шапки видны и в фиолетовом и в инфракрасном свете! Значит, это не облака. Значит, они все-таки лежат на поверхности. Значит, гипотеза Н. А. Козырева ничего не объясняет?

Не совсем так. «Весьма сомнительно, — пишет профессор В. И. Мороз, — чтобы материал полярных шапок находился целиком во взвешенном состоянии. В этом случае было бы крайне трудно объяснить их устойчивость, а также строгую регулярность роста и разрушения полярных шапок. Скорей всего в основе полярных шапок действительно имеется лежащий на поверхности осадок из инея или снега, а над ним в атмосфере взвешен туман из ледяных кристаллов».

Представим: иней, как и следует из расчетов, лежит на почве неравномерно, но клочья тумана усредняют яркость шапок. Они же выдают местоположение шапок в коротких лучах и одновременно позволяют их наблюдать в инфракрасном свете. Получается как будто непротиворечивая картина.

Теперь можно разобраться и с движущейся по марсианским «каналам» волной потемнения. Каналов, теперь это ясно, как таковых не существует. Но вполне возможно, что это сеть глубинных разломов, которые образуют на по-

верхности пониженные участки типа долин. Тогда, возможно, происходит следующее: осевший иней лежит на дне долин всю марсианскую зиму. Его так мало, что он не образует белеющую полосу, которую можно было бы заметить в телескоп. Весеннее тепло испаряет иней, сгущая его в туман, который движется от областей, где его больше, туда, где его меньше, то есть от полюсов к экватору.

Не слишком убедительно? Что делать! Иногда кажется, что загадок, связанных как с полярными шапками, так и с весенним потемнением, становится не меньше, а больше. Но это не должно огорчать. Многие явления, предсказанные учеными для Венеры, были затем подтверждены советскими межпланетными станциями. Марс тоже недолго будет хранить свои тайны.

А. САМОЙЛОВ

СПОР О «СТРАХЕ» И «УЖАСЕ»

В 1726 году выдуманный Д. Свифтом Гулливер отправился в никогда не существовавшую страну Лапуту. Беседуя с тамошними астрономами, герой книги узнает, что «они открыли две маленькие звезды или спутника, обращающихся около Марса, из которых ближайший к Марсу удален от центра этой планеты на расстояние, равное трем ее диаметрам, а более отдаленный находится от нее на расстоянии пяти таких же диаметров. Первый совершает свое обращение в течение десяти часов, а второй в течение двадцати одного с половиной часа, так что квадраты времен их обращения почти пропорциональны кубам их расстояний до Марса, каковое обстоятельство с очевидностью показывает, что означенные спутники управляются тем же законом тяготения, которому подчинены другие небесные тела».

ОТКРЫТИЕ

Прошло полтора века, прежде чем астрономы открыли те самые два спутника Марса, о которых писал Свифт. Фобос и Деймос,

что в переводе значит «Страх» и «Ужас», вращались, как выяснилось, совсем неподалеку от планеты: первый на расстоянии 1,4, второй на расстоянии 3,5 ее диаметра. Деймос обегал Марс примерно за 30 часов (марсианские сутки, кстати сказать, близки к земным), Фобос — за 7 часов 39 минут.

И вот тут всем стало ясно, что великий сатирик угадал не только число марсианских лун, но и дал им близкое к истине описание!

ДОМЫСЛЫ

Удивительное совпадение! Насколько удивительное, что в пору задать себе вопрос — как Свифт, решительно ничего не зная о спутниках Марса, не зная даже, существуют ли они, — как он мог так точно приблизиться к истине? Возможно ли такое совпадение фантазии с реальностью? Или Свифт знал нечто нам неизвестное?

Спекуляции на эту тему вот уже не одно десятилетие появляются в печати. Нет, говорят одни, такие совпадения случайными быть не могут: в распоряжении сатирика имелись древние астрономические книги. А откуда, возражали им, данные о спутниках Марса появились у древних, если телескоп был изобретен только Галилеем? Им сообщили о них звездные пришельцы, следовал ответ. И догадку Свифта пытались (и даже сейчас пытаются) поставить в один ряд с такими «неземными» феноменами, как Баальбекская веранда или календарь на «Воротах солнца» у озера Титикака.

ОБЪЯСНЕНИЕ

На деле здесь не было никакого чуда. В XVIII веке великий И. Кеплер неверно расшифровал анаграмму Галилея, в которой заключались сведения об открытии кольца Сатурна. У Кеплера получилось следующее: «Привет вам, близнецы — Марса порождение!» Из этого он сделал вывод, что Галилей наблюдал возле Марса две луны. «...Тоскую по какой-нибудь зрительной трубе, чтобы предвосхитить... открытие двух планет около Марса...» — писал Кеплер.

Свифт, будучи высокообразованным человеком, хорошо знал астрономию. Следил он и за работами Кеплера. Из того же, что спутников Марса не удавалось заметить, он сделал логический вывод: спутники малы и прячутся в сиянии

планеты. Ну, а как относиться к «предсказанию» их обращения и расстояния от Марса? Точность, на первый взгляд, неплохая: Свифт расположил Фобос вдвое дальше, чем он оказался на деле, Деймос — дальше всего в полтора раза. Периоды их вращения он определил с точностью 25—40 процентов. Но что хорошо для догадки, совсем не годится для науки. Располагая Свифт мифическими книгами звездных пришельцев, пришлось бы признать, что инопланетяне были сквернейшими астрономами... Нет, все проще: фантазия — нечто вроде стрельбы с завязанными глазами; при большом числе выстрелов можно угодить почти в яблочко. Никто же не придает значения неоправдавшимся догадкам, которых были тысячи; стоит ли тогда удивляться одному случайному попаданию?

ЗАГАДКА

У Фобоса и Деймоса и так оказалось немало загадок. Ни одна из планет не имеет столь крошечных спутников, которые к тому же держались бы так близко от поверхности. А Фобос, кроме того, демонстрировал единственный в солнечной системе случай, когда период обращения спутника короче планетарных суток. Своеобразные, в общем, у Марса луны...

Но эти загадки, как выяснилось позднее, отнюдь не самые «загадочные». В начале XX века пулковский астроном Г. Струве с большой точностью рассчитал орбиты марсианских лун и составил их «графики движения». Но когда в 1945 году американский астроном Шарплес сравнил результаты своих наблюдений с расчетами Струве, получилось недопустимое расхождение: всего за несколько десятилетий Фобос убежал от расчетной точки своей орбиты на целых 2,5 градуса!

ВЫВОД

Небесная механика — точная наука. Насколько точная, что время солнечных затмений, например, можно рассчитать на столетия вперед, и, будьте уверены, Луна закроет Солнце строго «по графику». История с Фобосом на этом фоне просто скандал! Тем более удивительный, что ни Струве, ни Шарплес в своих наблюдениях и расчетах ошибки не допустили. Поэтому вывод возможен был только такой: Фобос

ведет себя «неправильно». Он ускоряется, следовательно, в прогнозе не был учтен какой-то существенно влияющий на него фактор. Но какой?

ГИПОТЕЗА

В наше космическое время хорошо известен так называемый парадокс спутников. Искусственное небесное тело, приближаясь к Земле, тормозится воздухом. Но это не уменьшает, а увеличивает его скорость: в результате сопротивления атмосферы спутник переходит на более низкую, а значит, и менее протяженную орбиту. Так вот, не происходит ли того же с Фобосом: он ускоряется, снижаясь?

Фобос приближается к Марсу на расстояние 6 тысяч километров. Члена-корреспондента АН СССР И. С. Шкловского расчеты привели к выводу, что для торможения Фобоса в этих условиях нужна атмосфера такой плотности, которую Марс даже теоретически не смог бы сохранить. Ведь Марс не очень-то крупная планета. Возникли на больших высотах атмосфера нужной для торможения плотности, она из-за слабой силы тяготения вскоре рассеялась бы в пространстве. А ведь Марс и его спутники существуют миллиарды лет.

Постепенно И. С. Шкловский отбрасывал один за другим возможные факторы влияния. Торможение межпланетной среды? Притяжение других небесных тел? Но все это сильнее должно влиять на более далекий от Марса Деймос. А он-то не ускоряется. Магнитное поле Марса? Но расчеты показали, что Фобос оно затормозит тоже не в силах.

Оставалось еще одно объяснение: Фобос своим притяжением образует в коре Марса такой приливный «горб», который, в свою очередь, тормозит, заставляя снижаться, сам Фобос. Но тут выявилась такая тонкость: чтобы это явление полностью объясняло происходящее, кора Марса должна обладать меньшей жесткостью, чем земная.

Профессор Н. Н. Парийский, а вслед за ним многие другие астрономы приняли это допущение. Не все, однако, с ним соглашались. Земля и Марс — планеты одной и той же «земной группы». Сходны их размеры, плотности — почему же их кора должна быть настолько разной? Вполне правомерно (пока автома-

тическая станция не установит истину) другое допущение: жесткость марсианской коры примерно равна земной.

Приняв это допущение, И. С. Шкловский установил, что в таком случае Фобос должен был существовать всего 500 миллионов лет. Это как раз то время, которое ему необходимо, чтобы спуститься с предельно высокой орбиты до теперешней (если бы он образовался на орбите выше 20 тысяч километров, то законы механики вообще запретили бы ему какой бы то ни было спуск).

Однако по современным теориям спутник с круговой орбитой мог образоваться лишь одновременно с самой планетой. Значит, Фобос как ни в чем не бывало вращается миллиарды лет! Значит, либо неверна теория, либо приливы здесь ни при чем.

СЕНСАЦИЯ

И вот, чтобы выйти из тупика, И. С. Шкловский предложил в 1959 году весьма радикальную и смелую идею: Фобос, а возможно, и Деймос — творения разума, след былой марсианской цивилизации.

Схема рассуждений, грубо говоря, такова. Причиной векового торможения Фобоса, коль скоро все другие отпали, могут быть верхние разреженные слои марсианской атмосферы. Но лишь в том случае, если плотность Фобоса меньше плотности воздуха! А это возможно при условии, что он полый, тонкостенный, подобно искусственным спутникам Земли.

«Эту, казалось бы, фантастическую идею, на мой взгляд, стоит обсудить серьезно, — писал Шкловский. — Прежде всего, для высокоорганизованных разумных существ создание таких гигантских спутников принципиально возможно. Вряд ли можно сомневаться, что через несколько сот лет Земля будет иметь спутники размером в несколько километров. Пути решения этой проблемы ясны уже сейчас, а общественная потребность в таких гигантских спутниках, несомненно, будет... Наша гипотеза одновременно дает радикальное решение труднейшей проблемы происхождения спутников Марса, перед которой оказались беспомощными все старые и новые космогонические гипотезы. Фобос мог быть выведенным на орбиту много миллионов лет назад...»

ФАКТ

Прошли годы, улеглась вызванная гипотезой буря, когда американской межпланетной станции удалось сфотографировать Фобос. Оказалось, что Фобос похож на картофелину: наибольший его размер — 25 километров, а наименьший — 20. И, что самое главное, он куда темней собственно марсианских пород. Так, может быть, Фобос — это астероид, сотни миллионов лет назад захваченный Марсом? Впрочем, темный цвет Фобоса можно было рассматривать и как довод в пользу его искусственного происхождения...

ИСТИНА?

Не фотоснимок сыграл роль последнего слова в этой длительной дискуссии. Корень всей загадки — необъяснимое ускорение Фобоса; то был краеугольный камень всех гипотез. А что, если этот факт... неверен?

Усомниться в правильности факта дерзнула аспирантка Института теоретической астрономии АН СССР С. Н. Вашковьяк. Почему, предположила она, не вернуться к исходной точке сейчас, когда есть новый материал и о Марсе, и о движении искусственных спутников? В последние годы, например, стало известно, что Марс в полтора раза более сплюснут у полюсов, чем Земля. Что получится, если ввести эти и некоторые другие новые данные в расчет?

С. Н. Вашковьяк учла все это, и у нее получилось, что Фобос отнюдь не ускоряется!

Новый расчет стали сверять с наблюдениями. Институт теоретической астрономии АН СССР представил наблюдения Фобоса и Деймоса за 1877 — 1929 и 1956 — 1967 годы в распоряжение английского ученого профессора Г. Уилкинса. Исследователь провел расчеты, исходя из того, что Фобос движется без ускорения. И на этот раз расчеты хорошо совпали с наблюдениями.

Итак, гипотезу искусственного происхождения спутников Марса теперь можно оставить. Фобос не ускоряется, ничего «не нарушает» и никаких теорий не колеблет. Но не придет ли на смену прежней загадке новая?

Кто знает...

А. ХАРЬКОВСКИЙ

ВОКРУГ СВЕТА

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

1 1971
ЯНВАРЬ

ВОКРУГ СВЕТА

№ 1 ЯНВАРЬ 1971

СОДЕРЖАНИЕ

Д. БИЛЕНКИН — Путешествие по Луне	2
Т. Л. ШЕРРЕД — Попытка	4
Ю. СТЕПАНОВ, В. ОРЛОВ — Ровная земля	12
АРСЕНТИЙ СТРУК — Город узких улиц	14
Разделившие небо на созвездия...	16
О. ЧИЛИКИН — Чеканщики из Красного	19
Кают-компания «Вокруг света». ГАРУН ТАЗИЕВ: Это мои встре- чи с дьяволом	22
РИЧАРД ПЕТРОУ — Дикий Запад Флориды	30
Ю. ФЕЛЬЧУКОВ — Судьи поднимают бокалы	32
АМОС СМОЛЛИ — Мой белый кит	37
ВАДИМ ШКОДА — Черное ожерелье Печоры	40
И. ГОРЕЛОВ — Четыре смерти Джусто Венци, контрабандиста	46
АЛЕН ПРЕВО — Прощай, Булонский лес	52
Л. ОЛЬГИН — Говорящие картинками	56
ДЖЕЙМС ШУГАР — Морские звезды против ББР	60
О. ОРЕСТОВ — Легенды и быль о Короле Артуре	63
ЮВАН ШЕСТАЛОВ — Югорская колыбель	68
РИШАР ШАПЕЛЬ — Я пережил ад Раймона Мофрэ	72
Пестрый мир	77
М. ФИЧУКИНА — Шимпанзе пишет символами...	78
А. МАЛАШЕНКО — «Колумбово яйцо» отправляется в путь	80

На первой странице обложки: **ЯПОНИЯ**. Берег Японского моря в местности Такасаго.

Пустынный берег. Вода, песок и старый рыбак, бредущий с внуком, — скупой пейзаж, лаконичный и выразительный, как трехстрочное японское стихотворение — хокку.

На песках Такасаго
Далекую юность свою
Вспоминаю с внуком.

(Нанрей Кубори, поэт и каллиграф)

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Д. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШ-
КОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок
251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный —
2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстра-
ций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 6/XI 1970 г. Подп. к печ. 10/XII 1970 г. А12110.
Формат 84×108/16. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 1-й завод 2 000 000 экз. Заказ 2223. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушевская, 21.

«КОЛУМБОВО ЯЙЦО» ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Мало того, что открытие Америки не принесло Колумбу при жизни богатства и славы. Мало того, что по сей день не утихают споры о его происхождении. Мало того, что у первооткрывателя Нового Света обнаружился соперник — Лейф Эрикссон. Вдобавок время от времени раздаются голоса, утверждающие, что Колумб заранее знал маршрут своего плавания и, таким образом, его нельзя считать... Колумбом.

Но не убывает и число его защитников. Колумб, утверждают они, действовал самостоятельно. Пусть искал он западный путь в Индию, но приплыл-то в Америку.

Если кто-то и помог Колумбу, утверждают колумбофилы, то только океанское течение, начинающееся у Канарских островов и входящее через Атлантический океан в Карибское море.

Свою правоту колумбофилы решили доказать способом, достойным Колумба. Помните историю о «колумбовом яйце»? Когда Колумбу предложили поставить на стол обычное куриное яйцо, Христофор, не мудрствуя лукаво, решительно кокнул его, придав таким образом закругленному концу плоскую форму и устойчивость. С тех пор выражение «колумбово яйцо» бытует как символ находчивости.

Не так давно в море у Канарских островов скользнуло яйцо (вы его видите на третьей странице обложки) — трех метров в длину, двух в ширину, триста пятьдесят килограммов весом. Скорлупа его сделана из тонких листов алюминия, а желток и белок заменили приборы: точные хронометры и передатчик. Изготовил яйцо швейцарец Герберт Дистель.

Дистель создавал это яйцо просто как скульптуру, с той лишь разницей, что обычные скульптуры скромно стоят на месте, а эта плавала в озере Лаго Маджноре, являя собой дивный образец остойчивости и плавучести.

Яйцу этому суждено было стать «колумбовым», когда его увидел колумбофил Питер Уокер.

По расчетам инициаторов опыта, яйцо, влекомое течением, должно повторить путь Христофора Колумба и достичь тех же берегов, что и великий адмирал.

Если с «колумбовым яйцом» свершится задуманное, считают его создатели, это положит конец «порочащим Колумба измышлениям» с решительностью Колумба.

А. МАЛАШЕНКО

В 1963 году группой армянских геологов в Арагатской долине, у холма Мецамор был обнаружен огромный металлургический комплекс III—I тысячелетий до нашей эры¹. Дальнейшие исследования принесли доказательства того, что Мецаморский холм в полном смысле слова «промышленный центр» неизвестной и чрезвычайно высокой культуры, предшествовавшей появлению одного из первых государств на территории нашей страны — Урарту. Вскоре у Мецаморского холма были найдены следы древнейшей астрономической обсерватории, которая существовала в XIX веке до нашей эры.

А открытия последних лет позволили прийти к выводу, что мецаморская обсерватория — не случайный феномен в истории загадочной культуры, но свидетельство существования развитой астрономической школы, достижения которой могут показаться фантастическими. Об этих новых находках мы попросили рассказать участников экспедиций — армянских исследователей.

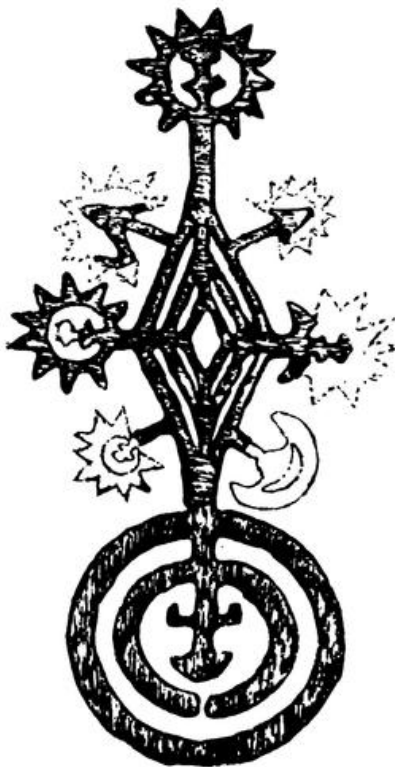
С. Айвазян, геолог, лауреат премии Ленинского комсомола Армении:

Предположение о том, что в числе древнейших очагов зарождения астрономических знаний были территории Армении и Малой Азии, высказывалось давно. Крупнейшие историки астрономии — Маундер, Сварц, Фламарион — считали, что «люди, разделившие небо на созвездия, жили между 36° и 42° северной широты...». Английский астроном В. Олькотт прямо указывает, что, по его мнению: «Люди, придумавшие древние фигуры созвездий, жили, вероятно, в долине Евфрата, а также в области около горы Арарат...»

И теперь появились новые факты, подтверждающие эту гипотезу.

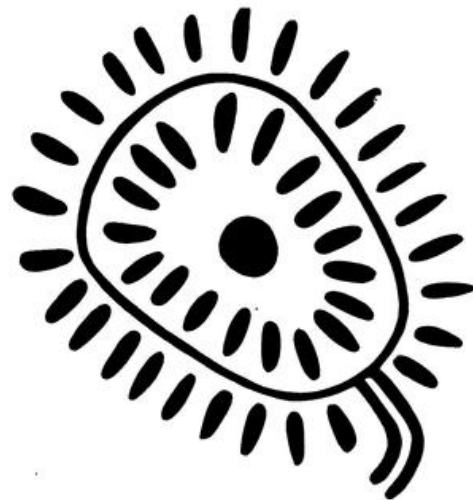
В погребениях II тысячелетия до нашей эры, открытых в Лачашене археологом А. Мнацаканяном в 1967 году, найдено удивительное бронзовое изделие. Удивительное, так как аналогий ему в мировой археологии нет. И как мы считаем — это созданная почти четыре тысячи лет назад модель вселенной. Согласно нашей интерпретации, в нижней части изделия изображена Земля, окру-

женная сферами — водной и воздушной. На противоположном конце модели — солнечный круг с древом жизни внутри. Между Землей и Солнцем расположены Луна и пять планет, видимые невооруженным глазом: Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. Все небесные объекты расположены вокруг трех ромбических сфер. Это напоминает более поздние античные представления о «небесном огне», вокруг которого вращаются все планеты и Солнце. Здесь же, по-видимому, «небесный огонь» окружен воздушными и водяными сферами.

Бронзовое изделие, найденное армянскими археологами, отображающее, по-видимому, представление древних о строении вселенной.

И еще. На Мецаморском холме в 1963 году была обнаружена глиняная табличка начала II тысячелетия до нашей эры с иероглифическими письменами. Таким образом было установлено, что до появления урартской клинописи жители Армянского нагорья пользовались письмом рисунчатим. И вот что поразительно: распространенные в древнем мире и дошедшие до наших дней обозначения двенадцати

**РАЗДЕЛИВШИЕ
НЕБО
НА
СОЗВЕЗДИЯ...**

¹ Об открытии у холма Мецамор см. «Вокруг света» № 6 за 1968 год.

зодиакальных созвездий по своим очертаниям едва ли не буквально совпадают с древнеармянскими иероглифами.

Таким образом, сейчас действительно можно с достаточной долей уверенности сказать — уже четыре тысячи лет назад люди, жившие в Армении, разделили небо на созвездия!

Астрономические знания в древности были бы немислимы

Как считают некоторые исследователи, этот наскальный рисунок — календарь лунного месяца.

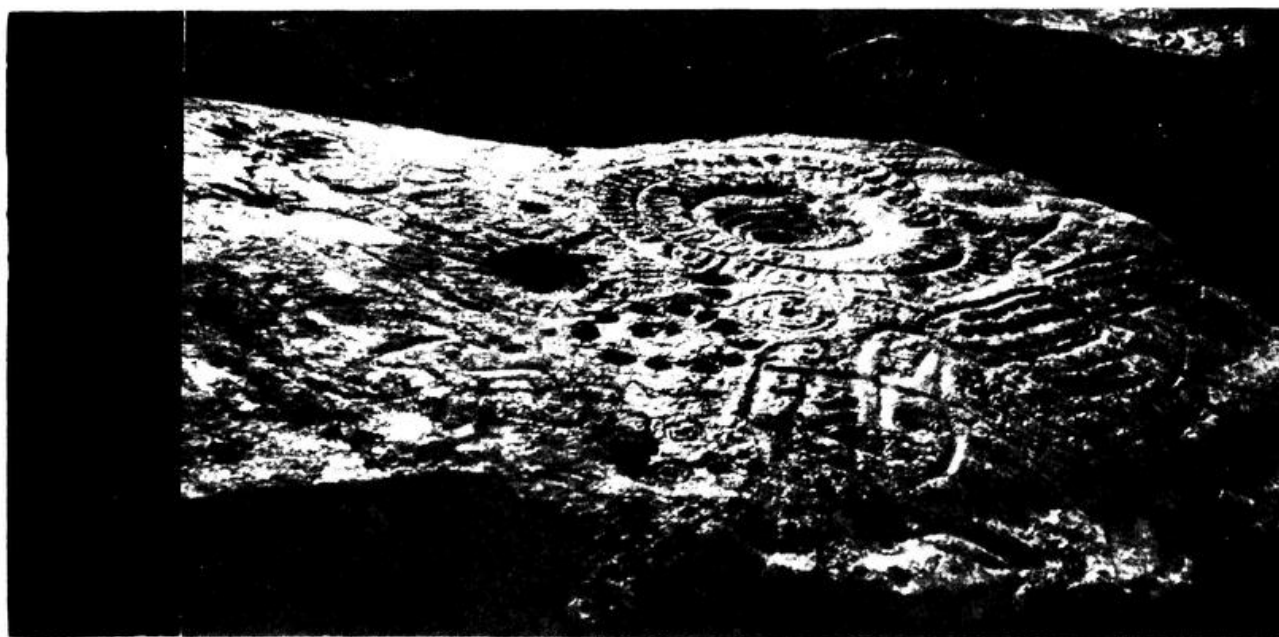
ОТКРЫТИЯ АРМЯНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

известных в древнем мире пунктах: в Сасунских горах, в Агдзнике и в районе Карина.

Многие исследователи отмечают, что богатое полезными ископаемыми Армянское нагорье занимало видное место в древнем мире по вывозу металлов, по снабжению оловом, медью, золотом и железом отдаленных районов вплоть до Индии, Египта, Скифии, Месопотамии, Греции. Армянским металлом, как выяснил кандидат исторических

наше жители Армении оставили не только на глине или в бронзе, но и на камне. Мною за последние годы было обнаружено в горах Армянского нагорья большое число наскальных изображений астрономического характера (на фотографиях — лишь некоторые из них, обнаруженные в Гегамских горах).

На одном из них, судя по всему, изображен месячный лунный календарь. На календаре внешними лучами показаны 27 видимых

Этому изображению четыре тысячи лет... Неужели уже тогда жители Армянского нагорья имели представление об истинной форме Земли?

без определенного уровня развития производительных сил.

На территории Армянского нагорья с древнейших времен были известны и разрабатывались почти все важнейшие виды полезных ископаемых: медь, олово, золото, серебро, железо, свинец, цинк, магнетит, сурьма, ртуть, кварц, соль и т. д. Олово, в частности, считалось дефицитнейшим металлом древнего мира, за ним во II тысячелетии до нашей эры снаряжались далекие экспедиции из средиземноморских стран в Испанию и Англию (Корнуэлл). В Древней Армении олово разрабатывалось в трех широко

наук Е. Н. Черных, в III—II тысячелетиях до нашей эры снабжались также многие страны Восточной и Центральной Европы. Широкие торговые отношения и путешествия в отдаленные страны способствовали расширению геолого-географических сведений, развитию астрономических познаний о Земле, Солнце, Луне, планетах и звездах — ориентирах на далеких караванных путях.

Совершенствование горной металлургии, торговля металлом — прежде всего железом — вот та материальная основа, на которой развивались производительные силы и связанные с ними астрономические знания в пределах Армянского нагорья.

С. Петросян, архитектор:

Свидетельства своих обширных астрономических познаний древ-

Тысячелетия назад были высечены эти изображения созвездий на скалах в Армении.

дней лунного месяца, два с половиной невидимых дня — двумя нижними изогнутыми черточками. А 18 лучей внутри окружности, как предполагают, обозначают, что показана фаза Луны на восемнадцатый день.

...Теперь посмотрите на другой петроглиф, с фигурами людей. Ведь он напоминает схематическое изображение... земного шара с людьми-антиподами! Пока это звучит фантастично: неужели четыре тысячи лет назад — а именно таков, как считают исследователи, возраст этого изображения — люди уже имели представление об истинной форме Земли? Возможно, это и не так. Но другого прочтения рисунка пока нет...

Азаров

ВОКРУГ ГЛОБУСА

2 1979
ФЕВРАЛЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

ZHURNALOKO.NET

ZHURNALOKO.NET

ПЕТР РАССОХОВАТСКИЙ — Корабли шли без огней . . .	1
Н. БАРАТОВ — Джибриль из деревни Авло	5
В. СОБОЛЕВ — Город, в котором живет страх	10
МУРАД АДЖИЕВ — Человек в изменчивой среде	14
Загадки, проекты, открытия	17, 46
БОГУСЛАВ ШНАЙДЕР — Одержимые Андамукой	18
В. ОРЛОВ — Мой медведь с Энмываама	23
С. УСПЕНСКИЙ — «Кочатко» — кто это!	27
И. ЛОБОДА — Алмазные горы	28
М. ДОМОГАЦКИХ — Через пролив — в другую эпоху	30
ОЛЕГ ЛАРИН — Поклонись дереву	34
Л. ЖУРОВА — Чей «автограф» на камне!..	38
З. ДИЧАРОВ — Поднятый из пучины	40
С. АРУТЮНОВ, И. КРУПНИК, М. ЧЛЕНОВ — Китовая аллея	42
И. КЛЕМЕНТ — «Конь — моя забава молодецкая»	44
МОРИС КЕЙН — Ваш знакомый незнакомец	46
Н. ПАКЛИН — Рожденная солью Тузла	50
ВИТ МАСТЕРСОН — Когда наступает полночь	53
М. ГУСАТИНСКИЙ — Все краски севера Суоми	60
Пестрый мир	62
Листая старые страницы	63
АЛЕКС ПАНШИН — Судьба Мильтона Гомрата	64
Л. ОЛЬГИН — Непростая луковица	64

На первой странице обложки: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ. С неба в бой — десантники на учебных маневрах.

Фото Б. ИВАНОВА

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА,
В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора),
Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКО-
ЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

ZHURNALKO.NET

КИТОВАЯ АЛЛЕЯ

Конец XIV века, конец лета, конец долгого северного дня... И с севера, и с юга по легкой ряби бухты к берегу идут четырнадцать байдар. Они большие, но на месте гребцов, обычно низовых общинников, сейчас сидят знатнейшие охотники четырнадцати поселков — к ежегодному празднеству в святилище допускаются только посвященные в тайны союза воинов, прочие даже не имеют права знать, где оно находится.

На всех мысах окрестного побережья стоят столбы из костей китовых челюстей — вехи морских дорог. С того места в море, где сходятся створы этих вех, видны белые скалы. И посвященный знает — надо отсюда править на них...

Такая картина рисовалась нам всю долгую «кабинетную» зиму — после полевого сезона 1976 года. Рисовалась как догадка — перед нами были лишь наспех сделанные фотографии, плоская копия того великолепия, что открылось нам в Силюкской бухте небольшого безлюдного чукоцкого острова Ыттыгран. Нам удивительно тогда повезло — были солнце и ветер, буквально на несколько часов разогнавшие туман словно специально для того, чтобы наш карбас вновь не проплыл мимо. Пять лет назад экспедиция Института этнографии АН СССР на этом острове обследовала остатки древнего эскимосского поселка и его некрополя, но осенний туман, моросящий мелким непрекращающимся дождем, скры-

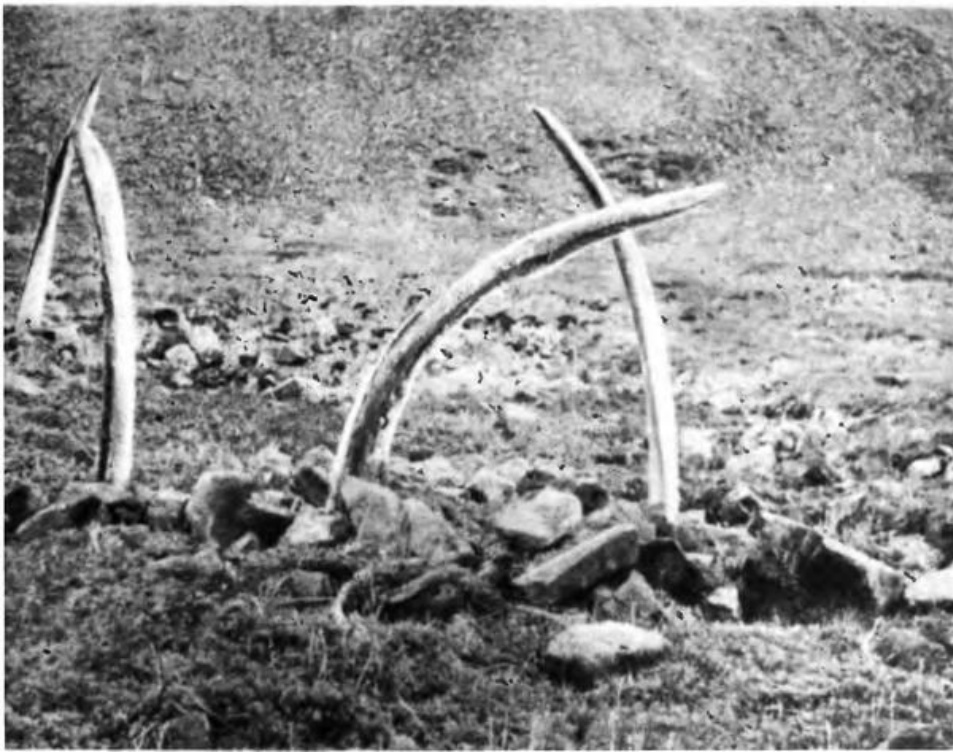
вал находящиеся всего в двухстах метрах... десятки гигантских костей гренландских китов, в строгом порядке врытых в прибрежную гальку! Скрывал то, чего не видел никто из тех, кто занимается историей эскимосской культуры.

Культура эскимосов в том виде, в котором ее встретили европейцы и смогли изучить этнографы, представляла собой весьма противоречивое явление: ряд черт, казалось бы, непосредственно унаследованных из палеолита, — и исключительно сложная техника морской охоты и мореплавания, высокоразвитое религиозно-мифологическое представление, сложный этикет взаимоотношений между людьми — и в то же время крайне упрощенная социальная структура, практически никаких остатков родоплеменной организации. Многие уче-

ные считали, что такая организация в прошлом не могла не существовать, но исчезла в результате малочисленности и разобщенности человеческих коллективов в Арктике. Но когда и где она существовала, какие принимала формы — обо всем этом до последнего времени практически ничего известно не было. Археологическое изучение эскимосской культуры началось сравнительно недавно — и снова клубок противоречий. Остатки древних эскимосских поселений на большей части американской Арктики свидетельствовали: эта культура немногим отличалась от того, что наблюдали этнографы конца XIX — начала XX века. А вот древние культуры Берингоморья, как выяснилось, имели совершенно иной облик.

В результате раскопок стало ясно, что в древнеберингоморском обществе существовали довольно резкие не только имущественные, но и социальные, сословные различия, позволяющие даже предположить уже о начале становления классового общества. Но неужели нечто подобное возможно было в эскимосском обществе, которое жило исключительно морской охотой и собирательством?

По данным этнографии считалось, что нет. Казалось несомненным: морские охотники, по крайней мере до появления у них огнестрельного оружия, с трудом обеспечивали себя пищей, нередко оказывались на грани катастрофических голодовок. Ведь именно так — на грани голодной смерти — жили эскимосы, когда их начали изучать этнографы. И считалось поэтому, что так было всегда. Но выяснилось: климат здесь с VIII по XIV век был значительно теплее, чем сейчас, и, естественно,

промысловые условия были гораздо более благоприятны. И именно в это время, как показывают данные археологии, эскимосские поселки становятся значительно большими, чем прежде, особо развитым становится китобойный промысел.

Итак, природные условия VIII—XIV веков позволяли даже на базе охотничьего, чисто присваивающего хозяйства получать солидный прибавочный продукт — основу основ любого усложнения социальной организации. И археологические данные вроде бы показывают, что оно действительно имело место.

Но снова противоречие. Ведь древние эскимосские поселки, даже в самые благоприятные времена, не насчитывали более 100—200 человек: для возникновения сложной социальной структуры этого мало.

Теоретически подобное противоречие можно снять предположением о том, что существовали какие-то объединения, союзы — военные, охотничьи — между такими небольшими поселками. Как, например, у американских индейцев... Но в отличие от индейцев, у которых имелись четко оформленные племена, со своей определенной территорией, с какой-то общеплеменной и даже межплеменной, охватывающей союзы нескольких племен властью в лице вождей, советов старейшин и так далее, у эскимосов само понятие племени выглядело довольно расплывчато, и, уж во всяком случае, никаких общеплеменных или тем более межплеменных органов власти этнографы не увидели.

Не было абсолютно никаких археологических «знаков» существования союзов и в прошлом... До тех пор пока не открылись нам на несколько часов в предотъездный день экспедиции 76-го года костяные столбы на побережье островка Ыттыгран. Но только лишь как «знак», повод для воображения — до следующего полевого сезона, когда экспедиция начала детальное исследование памятника.

Они стояли на протяжении почти полукилометра вдоль берега, поодиночке, группами по два, целыми скоплениями — несколько десятков огромных, больше пяти метров высотой, челюстных костей гренландских китов. На вершинах их видны зарубки и отверстия, очевидно, для привязывания каких-то предметов.

Правда, столбы из китовых челюстей довольно обычны для старых эскимосских селений, так как на них держались и стены землянок, и помосты для хранения байдар, и сушила для мяса, но в этих случаях они высотой не превышают двух метров и нигде не встречаются в таких количествах.

Ыттыгран и лежащий севернее его более крупный остров Аракамчен

отделены от материка нешироким проливом Сенявина. В период, когда через пролив можно перейти по льду, на них пасут свои олени стада инуитские чукчи. В начале XX века на островах имелось несколько очень небольших, по четыре-пять семей, эскимосских поселков, но в наши дни оба острова необитаемы.

Самое удивительное — крупнейший и дольше всего просуществовавший на этих островах поселок Сикмок (правда, и в нем было не больше 50 человек, и они в 1950 году переместились на материк) расположен непосредственно рядом с памятником, в каких-нибудь 200 метрах от него, однако ни местные жители, ни команды заходивших сюда катеров на памятник внимания не обращали. С ним не было связано никаких легенд и преданий. Эскимосы, которые вообще очень бережно и почитательно относятся к могилам и остаткам жилищ своих предков, по столбам этого памятника пристреливали винтовки, а матросы катеров чалили на них канаты, отчего несколько столбов было повалено.

В «Китовой аллее» мы насчитали более пятидесяти китовых черепов. Конечно, там, где есть челюсти, почему бы не быть и черепам, тем более что они тоже всегда использовались в строительстве. Но расположены черепя совершенно необычно: аккуратными, попарно выровненными группами по четыре, по два, причем вкопаны в галечный грунт своими узкими, носовыми частями, а широкие и массивные затылочные части высоко поднимались над землей. При этом примечательно и то обстоятельство, что эти челюсти и черепа (напомним, не менее как от 50 крупных китов!) были привезены откуда-то издаleка. Китов явно били и разделяли не в бухте, так как иначе весь берег был бы забит ребрами и позвонками, как это и бывает всюду, где разделяют китов, а между тем здесь их практически вовсе нет. Кроме того, в черепах тоже просверлены дыры, очевидно, для транспортировки: значит, их везли сюда уже очищенными от мяса, скорее всего, буксируя за байдарой на поплавах.

Задние столбы Китовой аллеи, стоящие самой многочисленной, как бы тесно столпившейся группой, находятся у подножия каменистой сопки. На ее склоне были обнаружены сооружения, не столь бросающиеся в глаза, но не менее любопытные.

Прежде всего, оказалось, что весь склон, по существу, одна огромная кладовая мяса. Мясные ямы для хранения запасов продовольствия для людей и корма для собак — непременная принадлежность любого эскимосского поселка. Обычно ям в старину бывало примерно столько же, сколько и жилищ, то есть, как правило, не более 10—15. Здесь же, тесно

прижавшись одна к другой, находилось около полутораста мясных ям! Поселок, который нуждался бы в таких запасах и был бы в состоянии их сделать, представить просто невозможно. Да здесь и не было в те времена поселка: самые старые землянки в Сиклюке на несколько сот лет моложе Китовой аллеи — это было видно хотя бы из того, что кости из развалин этих землянок выглядели несравненно свежее. Никакого другого поселка поблизости быть не могло, ему и негде было быть: и справа и слева вдоль берега тянутся одни только отвесные скалы.

Но ведь все это — теперь уже с несомненностью — означает, что Китовая аллея действительно неизвестное доселе в эскимосской культуре явление: сооружение, которое не связано ни с каким конкретным поселком и, судя по его масштабам, воздвигнуто совместными усилиями нескольких поселков. Сооружалось оно, несомненно, в культовых целях, как межпоселковое, междоковое, возможно и межплеменное святилище. Обряды, совершающиеся возле таких столбов с отверстиями, в общих чертах известны: сам столб считался вместилищем духа, ему совершали жертвоприношения — куски мяса на деревянных блюдах. И совершались они еще сравнительно недавно: на другом берегу острова среди руин оплывших землянок древнего поселка и каменных колец, оставшихся от яранг более позднего времени, мы нашли одинокий столб с лежащими у его подножия выбеленными дождями и солнцем блюдами. По наблюдениям этнографов конца XIX — начала XX века, в отверстия таких столбов подвязывались ремни, на которых висели богато изукрашенные изображения культовых птиц и животных. Вполне возможно, что отдельные столбы и группы столбов, разбросанные по Китовой аллее, принадлежат остальным родам или поселкам. Но в самой структуре аллеи как бы записан «социальный код» того межпоселкового объединения, олицетворением которого она являлась.

Среди мясных ям по склону каменной осыпи идет вымощенная камнем довольно гладкая и прямая дорога — само сооружение ее, безусловно, потребовало коллективного труда. Она начинается от центрального густого скопления столбов и кончается у довольно широкой круглой площадки, окруженной кольцом из больших каменных глыб. В одном краю кольца вделан камень ярко-белого цвета, а под ним прослеживается пятно золы от очага. Очевидно, здесь было центральное святилище всего объединения, где отправлялись общие обряды представителями всех входивших в объединение поселков. Если посмотреть на план аллеи, то это святилище находится как бы на

вершине пирамиды, и оно действительно является самой высокой точкой всего комплекса. А основание пирамиды — это группы китовых черепов, протянувшихся вдоль линии берега: таких групп, достаточно стандартных, как бы повторяющих друг друга, около 15. Наверно, они и представляют те полтора десятка поселков, которые входили в местный племенной союз. Более того, возможно, что этот союз был открыт для присоединения к нему в будущем и других поселков.

И теперь ту картину, что рисовалась в нашем воображении, мы можем уже назвать не догадкой, а настоящей реконструкцией.

...Последней прибывает байдара из Киги. В этом году старейшины Киги получили право быть хозяевами общего праздника, они запасли с весенней охоты мясо, построив для него три новые большие ямы. И сейчас они ведут за своей байдарой на поплавах большой китовый череп. В память об этом дне они вколают его в причальном месте байдары Киги, где уже висят пять таких же черепов, поставленных в прошлые годы.

Будет пир, будут танцы, состязания в ловкости и силе. Пестрыми фигурками из дерева и перьев на поводах из китового уса украсятся столбы. Но среди веселья вожди найдут время поговорить о делах серьезных и совсем невеселых: в последние годы и китов удастся добыть все меньше, и все чаще приходится отражать набеги сивуканцев, племена некогда дружелюбного, а сейчас в скудеющем добычей море ставшего враждебным... А самые старые и опытные, может быть, чувствуют уже наступление и таких времен, когда распадется островной союз, некому будет закладывать мясо в хранилища на Сиклюке; и обряды, и смысл святилища, и само его имя будут забыты...

С тех пор прошло более полутысячи лет, но столбы-вехи, указывающие путь к Китовой аллее, по-прежнему высятся на мысах Аракамчене. Кое-где рядом с ними встали автоматические ацетиленовые маяки, по которым современные моряки держат курс уже в другие места и совсем с другими целями. Но кости Китовой аллеи не могут оставить нас равнодушными. Они говорят о сложной и богатой истории каждого, даже самого далекого уголка нашей Родины, они говорят о действии всеобщих исторических закономерностей, проявляющихся на любой почве, как только производительные силы общества достигают определенного уровня.

С. АРУТЮНОВ,
доктор исторических наук;
И. КРУПНИК, М. ЧЛЕНОВ,
кандидаты исторических наук

И. КЛЕМЕНТ,
научный сотрудник Музея игрушки в Загорске

Фото В. ОРЛОВА

«КОНЬ — МОЯ ЗАБАВА МОЛОДЕЦКАЯ»

Летом прошлого года сотрудники Историко-художественного музея-заповедника в Загорске и Музея игрушки, обследуя дома, предназначенные на снос, обнаружили гипсовые заготовки для игрушек. Найдены эти формы были случайно и в самом подходящем для открытия месте — на чердаке. О них специалистам по игрушке было ранее известно все, кроме одной «мелочи»: их реального существования. Среди обнаруженных заготовок большинство оказалось формами для лошадок, которые когда-то делали из папье-маше мастера Сергиева посада.

Безусловно, это не «находка века». Игрушка — вещь настолько обыденно-привычная, что понятие сенсации к ней вряд ли подходит. Но она всегда вызывает детское и бескорыстное любопытство: как и из чего сделана? Безобидная жажда оторвать лошадке мочальный хвост и засунуть нос в образовавшееся отверстие не проходит бесследно. В зрелом возрасте многих людей, не говоря уже о специалистах, начинает интересовать — откуда появилась на свет одна из самых популярных игрушек детей многих поколений? Русская литература второй половины XIX — начала XX века полна упоминаний об этом прирученном «существе». Именно «существо», потому что человеческой памяти свойственно одушевлять любимое. А эту игрушку любили все.

Она производится и сейчас, но, конечно, другими, более совершенными средствами. В формах, найденных в Загорске, в первую очередь ощущается прикосновение человеческих рук. Формы небольшие, сероватые, с нечетким силуэтом, с углублениями разной величины... Из этих углублений затем появлялись кони... Когда мы выставили формы на солнце, они внезапно заполнились жизнью: светлое мерцающее пятно гипса растворялось на наших глазах в полутенях зыбких, словно удаляющихся коней. Коней-марев, коней-намеков... Мы знали, что это был намек на сотворение игрушки, и знали, как создавалась игрушка. Но ощущение причастности к первоосновам творчества не проходило. Тень, легшая в глубину гипса, была тенью наскальных фресок и тенью Сивки-бурки, всемогущего уродца.

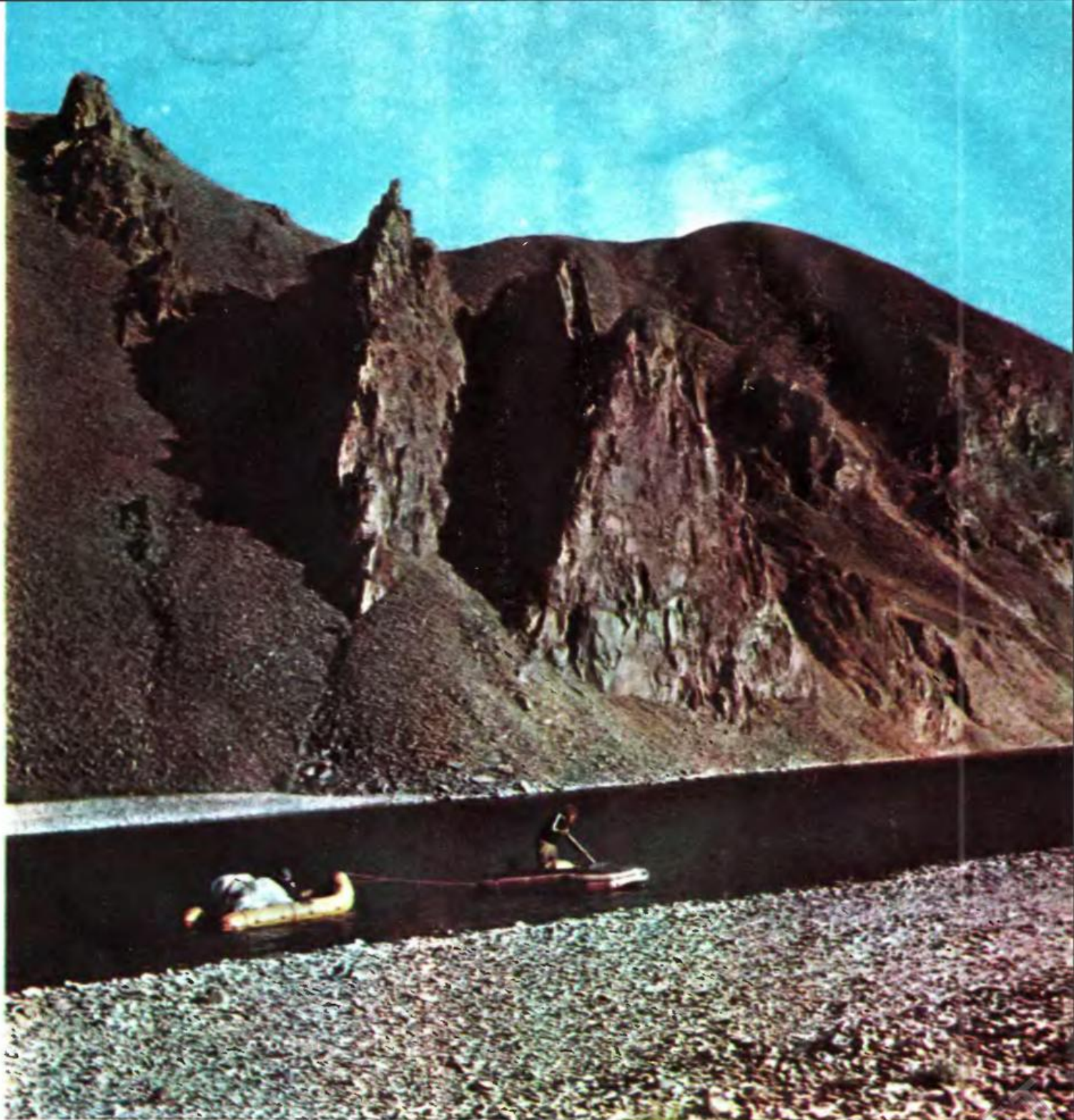
Мы рассматриваем находки, понимая, что они — исток и завершение одновременно. Исток облика, по-своему совершенного, памятного для нас всех, в который годы не принесли изменений. И в то же время гипсовые формы были своеобразным

итоговым моментом в развитии игрушечного промысла в Сергиевом посаде. Со времени их появления рынок сбыта сергиевской игрушки необычайно разросся. Партиями привозили перекупщики этот веселый товар на сибирские ярмарки, семиреченские базары, рынки Закавказья. Сергиевские лошадки были поистине народной игрушкой. Они стояли и в крестьянских избах, и в городских квартирах, крутились в разноцветных каруселях. Именно благодаря изобретению гипсовых форм, сделавших это производство массовым, сохранялась веками добрая память о них.

Приходили мы к потомственным игрушечникам, спрашивали их о технике изготовления гипсовых форм, пытались узнать имена изобретателей. Принимали нас радушно, но схема ответов на вопросы была примерно одинаковой: «Я-то помню мало, а вот отец (или дядя, или старший брат) — они знали...» Сведения доставались нам отрывочные, неполные. Чуть больше было в книгах, вышедших в двадцатые годы. Но — самое главное — теперь существовали гипсовые формы, настоящие, старые, конца XIX — начала XX века, собратья тех, первых, что послужили причиной своеобразного «промышленного переворота» в производстве сергиевской игрушки.

Производство лепных игрушек началось в Сергиеве еще в начале XIX века. Сначала слои бумаги наклеивались вокруг деревянных «большешек», затем разрезались, снимались и вновь склеивались половинками. «Большешки» делали настоящие мастера, они хранятся теперь в музеях Загорска, Москвы, Ленинграда. Но потребности рынка все росли, и заказы буквально сыпались на хозяев мастерских. В 60-е годы прошлого века в Сергиевом посаде появляются гипсовые формы. Сразу резко возрастает количество и, как сейчас бы сказали, ассортимент изделий местных игрушечников. Одних лошадок производилось двадцать семь видов! Именно тогда начался триумфальный бег игрушечных скакунов по просторам России.

За внешней простотой найденных в Загорске гипсовых слепков — память о нелегкой работе мастеров. Эти формы покрывались изнутри лаком, в них затапливали куски оберточной бумаги, которую предварительно сушили после кипячения, промазывали клейстером и рвали на кусочки. Край одного куска бумаги должны были выходить за края другого, а концы высовываться за границы формы. И так слой за слоем,

В. ОРЛОВ
Фото автора

МОЙ МЕДВЕДЬ С ЭНМЫВААМА

— **З**верь был огромным... — рассказывал охотник. Разговор происходил на берегу реки Анадырь, неподалеку от старинного казачьего села Марково, в котором жил еще сам Семен Дежнев. Мы сидели на колхозной тоне, где шла разделка рыбы и на вешалах вялились янтарные балыки. Охотника звали Иван Максимович Перепелица. Рядом бегал черный вислоухий сеттер Синопс, из-за которого мы, собственно, и разговорились.

— Медведей я видывал всяких, —

не спеша выкладывал Перепелица. — За свою жизнь не одного взял. А тут опешил. Жутко стало. Огромный, да и все остальное вроде сходится: узкомордый, светлый. Ну, думаю, не иначе как тот, о котором Куваев писал «самый-самый большой».

Не впервые мне доводилось слышать на Чукотке подобные рассказы. То следы «самого-самого» видели у северных берегов Чукотки, на речке Кузквунь, то в материковой части, за сотни километров от морских побережий.

Гипотезу о том, что самый большой медведь на земле, экземпляр которого (1200 килограммов) удалось добыть лишь однажды, в 1898 году близ Аляски, на острове Кадык, может существовать и сейчас в малоисследованных уголках Анадырского плоскогорья, выдвинул, как известно, писатель Олег Куваев в 1968 году. Припомнив, как в бытность своей работы геологом он слышал рассказы чукотских пастухов о светлом узкомордом звере, встречавшемся будто бы им в горах, опираясь на доводы бельгийского ученого Эйвельманса, который утверждал, что на земле есть еще неизвестные науке очень большие млекопитающие, и на легенды эскимосов, записанные канадским натуралистом Фарли Моузом, писатель сделал смелое предположение, что медведь-кадык вполне мог перекочевать на Аляску, оттуда на Чукотку и таится до сих пор где-нибудь в уединенных горах.

О поисках этого медведя в районе озера Эльгыгытгын он написал интереснейший рассказ¹. Однако за прошедшее десятилетие гипотеза не подтвердилась. В тех местах и в самом деле встречались очень большие медведи, но все они не шли ни в какое сравнение со светлым гигантом и науке были известны достаточно хорошо.

И вот вновь рассказ-подозрение о самом большом медведе!

— Со мной был пес, копия Синопса, родитель его, — продолжал Перепелица. — Я его из Владивостока привез. Хотел на уток приспосособить, но он на все шел без разбору, уж очень рьяным охотником себя показал. Росомех ловить мне помогал. Медведя увидел — и тут ни секунды не промедлил.

Стрелять бы мне надо — сеттер ведь не лайка. Но уж больно светлым мне этот медведь показался. Не белый ли?! Так я подумал. Белых-то стрелять запрещено. Вот и не рискнул...

— Ну а сеттер что? — нетерпеливо перебил я.

— А что сеттер? Рыцарь! Нет что-бы извернуться, схватить сзади за

штаны, как шел — так и прыгнул на морду. Медведь и уложил его одним ударом. Постоял-постоял и обратно пошел. След прямехонько на север проложил. Будто компас какой его вел. Я потом следы промерил. Вот, в блокнот записал — 39—41 сантиметр каждый следок. Зверище!

И тут меня осенило. Конечно же, узкомордый светлый гигант страшило, которого видели чукотские пастухи, был не кем иным, как... белым медведем! Но... Однако именно это Куваев как раз и отрицал. На озере Эльгыгытгын геологи рассказывали ему, что их склады разоряет большой белый медведь. «Белый медведь здесь, за сотни километров от побережья? — размышлял Куваев. — Нет, не может быть. Что ему здесь делать?!» Это заблуждение, подумалось мне, было для тех лет вполне понятным. Тогда наши ученые только приступали к основательному изучению экологии белого медведя, жизнь которого во многом казалась загадкой. Но теперь-то хорошо известно, что белые медведи могут заходить и на тысячи километров в глубь материка, а их путешествия через Чукотку, хотя и нечасты, но довольно регулярно.

Весной звери заходят из Чукотского моря в Берингово и охотятся на тюленей. Нередко льдины приносят их к берегам Камчатки. И тогда белые медведи, словно держа в уме план-карту, отправляются напрямую через материк в свой родной Ледовитый океан.

Чаще всего люди встречают их в долинах рек — можно предположить, что хозяевам Арктики известно о существовании водоразделов, по которым легко попасть из долины одной реки в другую. Механизм ориентировки белых медведей для ученых все еще продолжает оставаться загадочным, но то, что зверю вполне под силу пересечь горный хребет, где нет привычной для него пищи, не вызывает сомнений. Медведь может идти по сто километров в день и неделями голодать.

Я был уверен, что мое предположение верно. Смущало одно: почему чукотские пастухи не могли во всем сами разобраться? Трудно предположить, что, постоянно обитая в горах, они не знали о существовании белых медведей, которых добывали их сородичи у побережья. Какая-то загадочность здесь оставалась. Следовало либо самому посмотреть на этого медведя где-нибудь в горах, в центре материка, либо поговорить об этом с пастухами. Но как это сделать?

Я узнал, что хозяин черного сеттера, Слава Харитонов, рыжебородый альголог Марковского биологического стационара, собирается ле-

теть на озеро Эльгыгытгын, чтобы оттуда пройти на лодках по рекам через горы Анадырского плато до самой Усть-Белой. Вот уж, как говорится, на ловца и зверь бежит. Об этом в свое время не смел даже мечтать Олег Куваев. Правда, в экспедиции Харитонova уже имелся рабочий, спокойный и рассудительный преподаватель из Харькова, Борис Кононов, и Слава ни на кого не хотел менять его. К тому же и летчики вначале наотрез отказались везти трех пассажиров. Но за неделю, пока ожидали погоды, я успел добиться своего. Пилоты наконец согласились, и Славе пришлось вручать мне как полноправному члену экспедиции резиновые сапоги, спальный мешок — кукуль и ватную куртку. «Берите, берите, — сказал он. — Поздно вылетаем. Может случиться так, что возвращаться придется зимой».

Озеро Эльгыгытгын встретило нас ясной солнечной погодой. Оно синело, как осколок Черного моря, чудом затерявшийся в этих голых, пустынных горах. Сверху озеро казалось идеально круглым. Должно быть, из-за ясного неба мрачных мыслей о безжизненности этого уголка, отмеченной прежними исследователями, у меня не возникло. Да и спутники мои не скрывали радости, что наконец-то добрались сюда.

На берегу озера, по обеим сторонам долины, будто боксеры, разбежавшиеся по углам ринга, стояли два домика. В синей глади воды отчетливо просматривались пунктиры поплавков заботливо расставленных сетей, а по озеру, распуская за собой буруны, мчалась красная моторка. По всему чувствовалось, что озеро обитаемо и известно людям хорошо. Мы приземлились на площадку рядом с вытекающей из озера единственной рекой. Отсюда начинал знакомство с Эльгыгытгином и Олег Куваев. Тогда, в июне, он увидел здесь снег. Жить ему пришлось в палатке рыбака, печурку топить травкой кассиопеи. Нам повезло. У нас имелся дом, брошенный, как это водится на Севере, со всем хозяйством. В доме была печь, а вокруг валялось немало всякого барахла, способного гореть, так что внезапное наступление зимы нас пока не волновало.

...Зафрахтовать вертолет и отправиться в столь дальнюю дорогу Харитонova заставило желание узнать, что за водоросли населяют озеро и прилегающие к нему бассейны рек. Эти исследования входили в программу работ магаданского Института биологических проблем Севера, научным сотрудником которого был Слава.

¹ См. «Вокруг света» № 1, 2, 5 за 1968 год.

Мир водорослей еще не до конца познан, особенно в северо-восточных водах нашей страны. Водоросли — самые древние жители планеты. Именно они насытили кислородом нашу атмосферу, не без их участия появился озон, вся жизнь на Земле. Но познакомиться с ними не так-то просто. Большинство главных водорослей микроскопично, невидимо глазом. К их изучению приступили лишь около двухсот лет назад, когда появилось увеличительное стекло — лупа и были изготовлены первые микроскопы Левенгука. Ученые уже тогда убедились, что водорослей на земле — как звезд на небе и что они живут всюду. В горячих источниках, в снегах и льдах, в лужах и капле воды, в океанах и в земле, где ничтожно количество влаги. Знание водорослей давало ключ к решению и пониманию многих проблем. По типам обнаруженных водорослей можно судить о состоянии, в котором находится тот или иной бассейн, о степени загрязненности, скорости самоочищения и даже о происхождении водоема...

Когда-то побывавший на Эльгыгитыне ученый С. В. Обручев предположил, что озеро образовалось в результате извержения вулкана. У современных ученых родилась новая версия — метеоритная. Представить, что озеро глубиной до полукилометра и шириной до семнадцати километров образовалось в результате удара метеорита, согласиться, не просто. Группа ученых уже занимается изучением этого вопроса, и Харитонов считает, что его исследования тоже могут пригодиться.

— Если в пробах окажутся реликтовые водоросли, можно установить возраст водоема, — говорил он, загораясь. — Если же найдем эндемиков — водоросли, которые обитают только в этом озере, — то вправе предположить, что озеро образовалось не так, как все водоемы Чукотки. Тут и удар метеорита можно считать вероятным. Но исследования наши важны и сами по себе; появление электронных и сканирующих микроскопов показало, что в мире водорослей предстоит сделать еще множество открытий...

Еще с вертолета, увидев моторную лодку, Слава решил, что нам здорово повезло. У нас были только надувные лодки; на одной из них стоял слабосильный моторчик, с которым плавать по озеру было небезопасно. Мы не сомневались, что встретим на озере геологов либо рыбаков и те, конечно, в нашей просьбе — дать на денек моторку — не откажут. Но владельцы моторки были какие-то чистые, холеные и расписывали преферанс в уже обжитом домике отнюдь не «корявы-

ми» руками рыбаков. По разбросанным аэрофлотовским журналам мы поняли, у кого оказались. Летчики ближайшего авиапредприятия устроили себе на озере профилакторий. Лодки нам, конечно, не дали. Не отказали напрочь, а сказали — самим нужна, вот разве что завтра вечером, да и то часика на два.

— Вот тебе и трофическая связь, — глубокомысленно изрек наш педагог, когда мы возвращались к себе домой. — Так, кажется, говорят биологи? Водоросли выкормили зоопланктон, на нем отъелись чирьи, чирьи стали пожирать гольцов. Разъелись, зажирили, могли бы спокойно и умирать, но и на них нашлась управа в лице сих молодцов.

— Шут с ними, — сказал Слава. — Браконьерят, наверно, вот и жадничают. Будем жить, как будто их тут и нет.

В тот же час мы надули «Пеликан», установили мотор. Слава, опасаясь, что испортится погода, не хотел терять ни минуты. В лодке можно было разместиться только двоим, меня оставили на берегу, и я с грустью смотрел, как удаляется надувной ковчег. На середине озера ребята все время останавливались, вращались на месте, таская за собой белую планктонную сетку, и Слава красными, замерзшими руками тщательно сливал в пробирки ее содержимое.

Я решил не терять времени напрасну и подняться в горы. Может, найду пастухов или — вдруг повезет! — медведя, ради которого оказался здесь.

Стоило углубиться в горы, как пейзаж помертвел: исчезли пуночки, трясогузки, камнешарки, кулики. За рекой рос сухой черный мох с редкими яркими цветами. Кое-где встречались норки, но трудно было решить, кому они принадлежат: леммингам или евражкам. Попадались и следы оленей, но, сколько я ни всматривался в бинокль, не было видно ни одной живой души.

Все окружающие горы были покрыты осыпями. Должно быть, от сильнейших морозов, достигающих здесь пятидесяти градусов, и постоянных ветров, так разрушались породы. С трудом мне удалось взобраться на одну из вершин, но неожиданно налетел сильный ветер. При ясном небе это был нехороший признак. Погода вот-вот могла испортиться. Если шторм застанет моих альгологов на середине озера, им придется несладко. Я решил вернуться, чтобы быть готовым просить о помощи наших соседей.

Пилоты разделявали рыбу. Никогда еще я не видел таких жирных и больших гольцов. Каждая рыбина была величиной с поросенка. «С нормом она тут, — объяснял мне курчавый пилот. — В сети идет, только когда начинает портиться по-

года, да и то при северном холодном ветре. Колхозные-то рыбаки, видно, об этом не знали, бросили дело. Но разве можно такую рыбу бросать? Икрой, сволочь, питается. Не вру, ребята видели. Друг за дружкой ходят и икру жрут».

Поздно вечером к берегу подплыл наш тихоходный «Пеликан». Слава рассказывал, что временами было жутковато. Особенно на середине озера, когда скрывались берега и казалось, что ты в океане...

Еще день мы работали на озере. К соседям дважды залетал вертолет. Слава мотал в удивлении головой, припоминая, что ему просить вертолет пришлось почти два года.

— Ловил бы ты гольцов, — подтрунивал над ним Борис, — а то взялся за водоросли. Их и увидеть-то нельзя.

На утро следующего дня мы отправились в путь. Слава сказал, что сейчас начинают размножаться самые молодые и красивейшие водоросли земли — диатомовые, и что самое время брать пробы.

Над водой стался туман. У берега кружилась большая стая бургомистров — крупных серебристокрылых чаек. Вначале появилась одна птица, затем другая, и вскоре я насчитал уже сорок шесть... «Со всем как на море. Корабли провозажают», — с этими словами Слава дернул шнур мотора. Сорвавшаяся петля хлестнула меня по спине. Я сидел с фотоаппаратами на носу, готовый в любую минуту запечатлеть показавшегося на берегу моего медведя...

Наше плавание по скалистому ручью Энмываам могло бы быть более удачным, не задумай альгологи вернуться в Марково к первому сентябрю. Это нужно было Дяде, как ласково называл Слава нашего преподавателя, которому не терпелось взяться за указку и обратиться с приветственной речью к своим ученикам. Вот почему мы спешили.

У нас были две надувные лодки. В «Пеликане» мы сидели со Славой, вторую с Дядей и со всем скарбом по плану должны были тащить в поводу. Скорость течения, сила мотора — мы рассчитывали мчаться как курьерский поезд. Поначалу так и было. Но едва караван вышел из озера, как пришлось быстро расцепляться и двигаться самостоятельно. Энмываам растекалась по долине множеством рукавов и становилась порой столь мелководной, что приходилось вылезать из лодки и волочить ее по песку. При этом Слава воздевал руки к небу, умоляя не продырявить дно лодки, которое было штопано-перештопано.

Иногда впереди возникали кусты. Мы удивлялись — кусты в тундре!

Но когда подплывали ближе, кусты вдруг оживали, и от реки убегали огромные рогачи. Вообще в первый день пути олени встречались часто. Они стояли на вершинах гор, отлеживались на берегах. Попался облезлый черный песец, которого я успел сфотографировать, прежде чем тот скакнул в сторону. Впереди все время маячила одна и та же стая гусей. Подпустив нас на выстрел, они взлетали, перелетали чуть дальше и продолжали нас поджидать, словно играли в догонялки.

К ночи налетел ветер с дождем и снегом. Едва успели укрепить палатку, втиснувшись в нее втроем и всю ночь проворочались в тесноте без сна. К утру снег и дождь кончились, но ветер не переставал.

Мы спустились по реке всего километров на двадцать, график ломался, и лучше было, пожалуй, поискать укрытие да переждать непогоду. Но мои спутники об этом и слышать не хотели. Они надеялись, что дальше можно будет идти на моторе — в Эмываам уже принес воду первый приток, река должна была стать полнее. Но через сотню-другую метров винт чиркал о камни, лопалась шпонка. Слава менял ее, и мне приходилось снова браться за весла. Памятуя о дряхлом дне «Пеликана», на перекатах я вставлял в полный рост, чтобы издали разглядеть предательские камни. Прыгая на волнах, мы неслись им навстречу: поворачивать было бесполезно. Слава стонал, будто о камнях било его самого.

К концу вторых суток мы были лишь в восьмидесяти километрах от озера Эльгыгытгын. Почти ночью наконец-то остановились на ночлег. Вытащили лодки, развели костерок. Заприметив на небе звезды, решив, что дождя не будет, я расстелил свой кукуль у костра, чтобы не тесниться в двухместной палатке. И долго не мог заснуть, глядя на звезды, слушая неумолчный шум реки, вспоминая Олега Куваева и пытаясь разобраться в таинствах человеческой души, где помимо нашей воли живет тяга к бродяжничеству и странствиям.

Меня разбудили птицы, они заплакали прямо над головой. За ночь спальник покрыло белой изморозью, как и лодки и камни вокруг. И когда я выбрался из мешка, осторожные гагары замолкли от неожиданности. Отражаясь в тугой зеленой поверхности реки, они замерли, боясь пошевелиться. Видно было, как стекали капли воды с клювов. Придя в себя, птицы ударили крыльями по воде и, высоко подняв шею, тяжело взлетели, недоважно гогоча и, должно быть, переругиваясь друг с другом.

День, не в пример предыдущему, был ясным и солнечным. Впервые за это время мы, не торопясь, по-

завтракали, загрузили лодки. Я даже успел поснимать оленей, пасущихся на другом берегу, а Борис порыбачить со спиннингом. Кажется, наконец-то до всех дошло, что спешить бесполезно, реки не перегоняешь. Впереди был небольшой перекат, дальше начинались скалы, глубина. Слава сразу же накрепко привязал Дядину лодку к «Пеликану», и мы тронулись.

Я устроился поудобнее на носу, повесил на грудь широкоформатный фотоаппарат, готовясь снимать пейзажи. Как вдруг, еще не понимая, в чем дело, почувствовал: произошло что-то непоправимое. Мы стояли, а мимо бешено мчалась река.

Я обернулся. Лодка Бориса, которая была у нас на буксире, влетела в нишу скалы, и течение зажал ее там. Борис беспомощно отталкивался от скалы, пытаясь выскочить. Когда заливала лодку, шумным потоком подбиралась и к нам. Мотор сразу же заглох. Мы тонули...

В прошлом году в конце экспедиции у меня сгорели все пленки и аппараты на таймырском озере Аян, пропали редкие кадры, и теперь, кажется, несчастье повторялось. Я схватил кофр, где лежали пленки и телевики, и озираясь, как загнанный зверь, обдумывал, как бы их сохранить, если придется плыть. «Где нож... нож где?» — кричал озверело Слава, перекрывая шум воды. Нож всегда висел у Славы на поясе, но сегодня, как нарочно, он куда-то запропастился.

Внезапно я увидел в скале небольшую приступочку, на которой можно было стоять. Не отдавая себе отчета в том, что делаю, держа в руке кофр, я выскочил из лодки. В то же мгновение Слава нашел нож, ударил по красной нейлоновой бечеве. Освободившись, залитая водой лодка исчезла за выступом скалы. Следом за нею пронесся резиновый ковчег Дяди, подхваченный течением. Я остался в одиночестве на узеньком карнизе.

Ощупывая рукой камни, почувствовал, что они держатся довольно прочно. Опираясь на них, я постепенно взобрался на скалу, примерно на высоту второго этажа. Здесь была хотя и узкая, но довольно длинная площадка, где можно было уже поставить кофр, сесть. На этом пятчке я мог прожить хоть неделю. Но радость, что удалось выйти из переделки сухим, сохранить фотоаппараты и пленку, тут же улетучилась. Ребятам ведь и так тяжело, а теперь им придется выручать меня... И я снова полез наверх, рассчитывая сам выйти к тому месту, где они пристанут.

Продолжая отталкиваться от камней, держа в одной руке сумку с фотоаппаратами, я поднимался все

выше и выше. Но вот выскользнул из-под ноги один камень, другой, вслед за нижними двинулись верхние камни. Осыпь пришла в движение, и я забился на ней, как попавшаяся на липучку муха. Внезапно со всею отчетливостью понял, что попался и уж отсюда-то мне не выбраться.

Не размышляя, отставил в сторону кофр. Все, кроме жизни, потеряло цену. Я слышал, как кофр с аппаратами полетел вниз и шлепнулся в воду. Рванул вбок, увернувшись от огромного, катившегося сверху черного камня, затем оперся на недвижимый обломок, который сразу же стал уходить из-под ноги, прыгнул вверх. Что-то больно ударило по ноге, но сверху, с края скалы, ко мне тянулась тонюсенькая веточка какого-то растения. Задышавшись, я вцепился в нее...

Стебелек, слава богу, удержал. Удержал на какое-то мгновение, но его оказалось достаточно, чтобы перенести тяжесть тела, оттолкнуться от ушедших вниз камней и прочно вцепиться в дерн. Подтянувшись, я выбрался наверх.

Внизу, на другом берегу реки, увидел лодки и сидящих в изнеможении Славу и Бориса. Они смотрели на меня и, наверное, раздумывали, как снять со скалы этого искателя приключений. Самое страшное было позади, и я беспечно помахал им рукой. Подо мной шумела река, гремя порогами, в синем небе нежно кудрявились облака. Пронзительно яркий свет солнца заливал тундру до самого горизонта.

И тут я увидел Его. Это было как наваждение — полусон, полужив. Надо же, в такой момент! И как здорово, что на груди у меня болтался хоть плохонький, но все же аппарат, случайно уцелевший. Я нацелился.

Медведь стоял на задних лапах, поднявшись из невысоких кустов голубики, и внимательно, как сурок, смотрел на меня. Лихорадочно я нажал на спуск. Было далеко, и я знал, что медведь получится очень маленьким, но все-таки это была награда. Нет, это был не узкомордый, не огромный и страшный медведь-кадьак, но, честное слово, медведь был светлый! Не белый, а именно светлый, будто седой. Слово бурого медведя накрыли белой полупрозрачной тканью. Нижние части лап и живот оставались темными, а спина была светлой.

— Медведь! — что есть силы заорал я, не зная, что делать. У меня уже не осталось пленки. Медведь, озираясь и нюхая воздух, неторопливо уходил в горы.

Слава продолжал сидеть, и я опять закричал: «Светлый медведь! Светлый...» Но Слава продолжал сидеть, не обращая на меня внимания. Потом снял сапог, стал выливать из

него воду. Мне было до слез обидно за его равнодушие. Ведь, значит, есть все же светлый бурый медведь. И пастухам было с кем спутать настоящего белого медведя. Олег Куваев не придумал эту легенду. И, выходит, оказался прав, не поверив, что это просто белый медведь? Теперь можно было порассуждать, откуда взялся здесь такой светлый медведь. И не отпрыск ли это любви бурых и белых мишек, что, видимо, допустимо? Но здесь слово за исследователями, которые уже нанесли на карту маршруты белых медведей, проходящих через Чукотку...

Я еще не знал тогда, что мы остались без хлеба, без патронов, курева и многих других нужных вещей. Что Слава в растерянности подумывал, как одолеем мы страшный Леоновский порог, о котором предупреждали все карты. И он крикнул, наконец покончив с сапогами: «Да что ты орешь, будто мы не слышим: медведь да медведь. Ну и что? Будто мы светлых не видели. У меня вот сетка планктонная пропала — и то молчу».

А медведь уходил, поднимаясь к вершине. Неторопливо, переваливаясь с боку на бок, не обращая на нас никакого внимания. Я вспомнил наконец, что остался без пленок, фотоаппаратов, телеобъектива, и подумал, как нелегко даются порой такие простые открытия.

Чукотка, Анадырское плоскогорье

«КОЧАТКО» — КТО ЭТО?

В чукотском фольклоре действительно хранится немало преданий о фантастическом медведе «кочатко» — шестиногом, невероятно крупном, свирепом и очень опасном для людей.

Легенды во многих случаях оказываются основанными на реальных фактах, каких-то предпосылках к ним, и мне в свое время тоже, как и писателю Олегу Куваеву, пришлось призадуматься, что же за зверь мог послужить прообразом «кочатко»? Наблюдательные от природы охотники-чукчи называли его самым большим.

В этой части земного шара все медведи крупны. На Аляске, Камчатке, живут самые большие бурые медведи, среди которых и был однажды добыт рекордсмен с острова Кадьяк. Можно было бы предположить, что огромные бурые медведи бродили и в горах Анадырского плато, пугая оленеводов, которые зачастую не выходили к побережью, проводя в горах всю жизнь.

Но Чукотский полуостров — одно из немногих мест в северном полушарии, где вдали от морских побережий, в глубине материка, можно встретить и белого медведя. Так, к примеру, с 1939 по 1962 год их встречали здесь около пятидесяти раз. В общем-то, белый медведь небольшой охотник путешествовать по суше. Отправляться в подобные странствия его заставляет дрейф льдов. Со льдами медведи попадают в Берингово море; принесенные к берегу, они, легко ориентируясь, как все далеко мигрирующие звери, кратчайшим путем отправляются к Ледовитому океану. За последние годы установлены их излюбленные пути передвижения. Это бассейны рек Анадыря, Пенжины, Белой.

В то же время белый медведь — самый крупный хищник на Земле. Длина его достигает трех метров, а экземпляры весом в тонну не так уж редки. И выглядит он, надо сказать, по-свирепее и пострашнее бурого медведя. Что, конечно же, не могло не броситься в глаза жителям Чукотки.

Но они не рисковали называть его белым. В пути, страдая от гниуса, медведи отлеживаются в ямах, зарываются в землю, белая шкура зверя становится грязной. Оказавшись в непри-

раздражительными, не страшатся нападать на людей. Являясь эпизодически, они запоминались людям надолго, как присутствие злых духов, порождали о себе легенды.

Интересно, что шестиногий «кочатко» изображался обычно с очень длинной шеей, маленькой острой головой, без ушей с хорошо прорисованными черными когтями на лапах. Если «удалить» пару ног, рожденных легендой, то получится очень наблюдательно выполненное изображение белого медведя. Так что «самый-самый большой» медведь, которого пытался осып- сать Олег Куваев, а потом и В. Орлов, был скорее всего просто-напросто обычным белым медведем. В какой-то мере это подтверждает и наблюдение охотника Перепелицы, приведенное В. Орловым. Бросающиеся в глаза следы «с бочку» могут принадлежать только белому медведю, ступня которого напоминает снегоступы — приспособление для хождения по снегу.

Что же касается медведя, встреченного на Энмывааме, то тут стоит посоветовать автору очерка, оставшемуся без дальнейшей фотоаппаратуры. Медведь на слайде получился мелковатым. Даже в лупу невозможно определить его вид. Но то, что он светлый, отчетливо видно. Пожалуй, шкура его светлее, чем шкура самого светлого бурого медведя.

В практике зоопарков в настоящее время действительно получены вполне жизнеспособные гибриды от скрещивания бурых и белых медведей. Мне доводилось видеть их. Это очень светлые звери, телосложением напоминающие бурых. Но предполагать, что как раз такой медведь повстречался автору на Энмывааме, у меня нет достаточных оснований. Во-первых, по снимку этого не определишь, биологам нужны более веские доказательства: череп, шкура и т. д. А во-вторых, природа очень строго позаботилась о сохранении чистоты видов, и то, что удается иногда в зоопарках, на воле практически неосуществимо. Период спаривания у белых и бурых медведей по срокам не совпадает, разница в два месяца не дает надежды увидеть на Чукотке гибридов. Скорее следует предполагать, что медведь с Энмываамы был все-таки белым медведем.

С. УСПЕНСКИЙ,
доктор биологических наук

ту старую легенду. И, прямо вам скажу, ничего у меня из этого не вышло. Десять ударов топором — и то в лучшем случае!..

Сквозь голый кустарник обозначилась рваная цепочка огней: поселок задышал запахом жилья, озвучился треском мотоциклов, собачьим лаем. На фоне одноэтажных построек замком возвышался тесовый монолит петуховской избы. Ее окна полыхали голубым подмигивающим светом — видимо, Валерий уже устроился у телевизора.

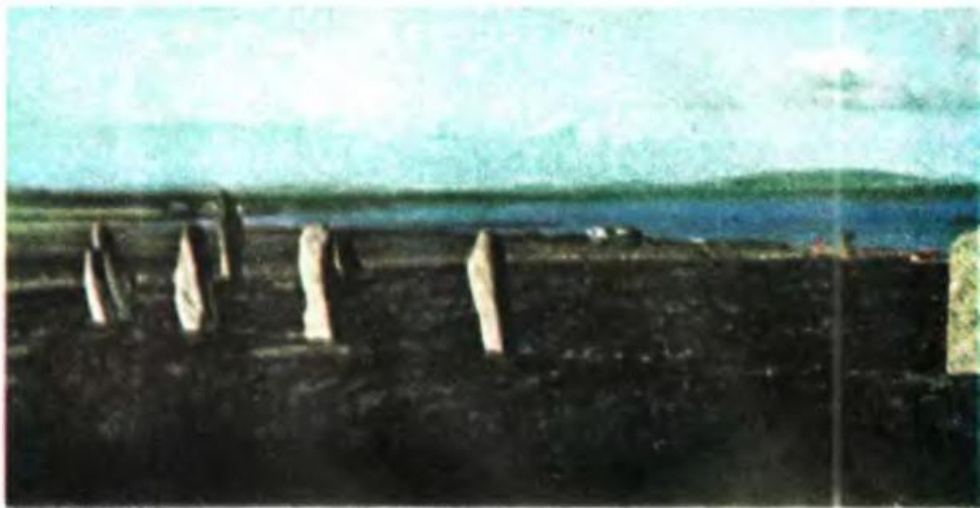
Александр Иванович открыл дверь в переднюю, я шагнул вслед за ним и буквально зажмурился от неожиданности... Надо мной реяли птицы, целая стая сказочных резных птиц с золотистыми, распушенными веером хвостами. Легкий сквознячок из сеней привел их в движение, и они плавно кружились вокруг оси.

Птицы были сделаны с великим тщанием. В стремительных изгибах тулова и хвоста, в легком ажуре крыльев угадывалась гордая сила. Были здесь птицы-солнца и птицы-вестники, птицы «добрые» и птицы «злые». И каждая из них принадлежала лесу, из которого все они вышли... Своими скульптурами мастер как бы утверждал: красота дерева заключена в самой его фактуре. И чтобы это увидеть, нужно завершить резцом движение природы. Завершить так, чтобы не нарушить ни собственного замысла, ни изящества текстуры, ни тонких переходов от одного цвета к другому. Иначе резба превратится в грубое насилие над материалом...

Петухов равнодушным оком взирал на свои рукоделия, выказывая всем видом, будто они не имеют к нему никакого отношения. Он даже легонько подтолкнул меня в сторону горницы: нечего, мол, задерживаться, чай на столе, утро вечера мудренее...

Я повесил свой дождевик на фигурную вешалку, и в глаза мне бросилась добрейшая морда льва, вырезанная на деревянной панели. В углу комнаты в окружении виноградного узорочья резвились глухари вместе с жар-птицами... Дальше шли розетки, Пегасы, мифические и чуждающие звери... На полках стояли внушительные короба, туеса, солоницы-утушки, енды из березового капа... С потолка пикировали птицы... А на стенах, похожие на лица праведников, застыли резные маски близких и дальних родственников Петухова...

— Хватит о дереве! — отрешенно сказал мастер, как бы пресекая дальнейшие мои расспросы. Он почти наполовину высунулся в окно, глядя на блещущие в ночи яркие и крупные звезды, и, казалось, слушал музыку небесных сфер. — Вы о пи-ме-зонах-то имеете представление? А о кварковой модели? Ну и хорошо... Будем говорить о строении вселенной, о тайнах звездного вещества...

ЧЕЙ «АВТОГРАФ» НА КАМНЕ?..

Обратите внимание на эти орнаменты — спиральные линии почти в точности повторяют друг друга. Даже кажется, что их выводила одна и та же рука. Но между орнаментами — сотни и тысячи километров. Один высечен на плите древнего храма острова Мальта в Средиземном море, второй — на надгробии раскопанном в легендарных Микенах, в Греции, третий же был найден в... Ирландии.

И ответ на вопрос, — когда создавался каждый из узоров? — еще недавно был однозначен, так как

считалось, что движение европейской цивилизации началось в районе древнего Средиземноморья и, поднимаясь «по ступеням веков», распространялось все дальше и дальше от своей прародины. И потому казалось несомненным, что вначале появились микенские спирали, потом — мальтийские, и лишь спустя долгие века узор перешел на территорию Ирландии.

Этот так называемый «диффузионный» принцип анализа применялся для всей истории культуры, начиная с древнейших времен. Так, например, в Испании были

открыты величественные памятники каменного века — мегалиты, до сих пор еще во многом загадочные сооружения из тяжелых каменных плит. Позже подобные находки были сделаны по всему побережью Атлантики — от Испании и Португалии до Франции и Британии, вплоть до Оркнейских островов. И когда на Крите были обнаружены памятники, аналогичные испанским, родоначальником таких сооружений признали Крит, а испанские мегалиты сочли делом рук переселенцев из восточного Средиземноморья. А потом мегалиты появились во Франции, откуда они «шагнули» на Британские острова, а затем уже на Оркнейские. Казалось бы, все логично...

Но новые естественнонаучные методы датировок и последующие открытия нарушили этот стройный ряд. Оказалось, что даты «рождений» множества европей-

ских памятников просто не укладываются в «диффузионную логику» истории европейской культуры.

Как выяснилось, мегалиты Оркнейских островов появились почти одновременно с критскими,

ся к 3500 году до нашей эры, нашли великолепные золотые украшения — одни из самых древних в мире. Выходит, задолго до расцвета средиземноморской «колыбели» европейской цивилизации здесь уже были знакомы с метал-

а испанские были сооружены вообще почти на тысячелетие раньше.

Этот исторический «хаос» увеличился после недавних находок медных орудий в Восточной Европе. Раньше считалось, что древнейшие из них относятся к третьему тысячелетию до нашей эры. Оказалось же, что на территории современных Румынии, Болгарии и Венгрии медные изделия существовали уже в середине пятого!

А недавно болгарские археологи среди захоронений, относящих-

ся к 3500 году до нашей эры, использовали золото для изготовления украшений.

И поэтому теперь, возвращаясь к спиральным орнаментам, разве можем мы назвать древнего мастера с территории нынешней Ирландии лишь учеником, повторившим то, что родилось в Средиземноморье? Конечно же, нет, как не можем категорическим утверждением ответить на вопрос: так была ли она, эта единая «колыбель» европейской цивилизации?..

Л. ЖУРОВА

Назаребд

ВОКРУГ ГЛОБУСА

3 1979
МАРТ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

Н. НЕПОМНЯЩИЙ — Жаркие дороги Замбезии	1
ОЛЕГ ЛАРИН — «Паспорт» Красивой Мечи	5
К. КАПИТОНОВ — Взрывы не смолкают...	8
Новости экологии	13
АНАТОЛИЙ ЕРШОВ — Укрощение «горного духа»	14
Л. ОЛЬГИН — За невестой в Имишиль на базар	16
Р. ОСЬМИНИНА — Тайна «годуновской» карты	20
АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ — Юрта для Манаса	24
К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — Поддельный мандарин	28
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ — Торнадо	32
В. ИВАНОВ — И снова Земля Санникова...	36
В. БАБЕНКО — Солнечные колеса индейцев	41
СЕРГЕЙ БУЛАНЦЕВ — Беловодье, Тебу, Шамбала!..	44
Л. ШАПОШНИКОВА — Реальность и легенда	46
С. ПРОЖОГИН — Футбол по-флорентийски	48
П. СЛАВСКИЙ, С. ФЕДОРОВ — Шары над Атлантикой	50
ВИТ МАСТЕРСОН — Когда наступает полночь	55
Пестрый мир	62
Листая старые страницы	63
РОБЕРТ БЕНЧЛИ — Тпру!	64
Н. БАРАТОВА — Сударыня-боярыня масленица	64

На первой странице обложки. ПЕРУ. Сорок километров отделяют горное селение Уанту от города Аякучо. Путь неблизкий, но Аякучо — центр департамента, а значит, там и магазины и лавки не чета деревенским, и большой базар. Впрочем, дальние пути-дороги для перуанских женщин не в тягость: приучаются ходить по горам с детства. И собственных детей учат тому же.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Р. ОСЬМИНИНА

ТАЙНА „ГОДУНОВСКОЙ” КАРТЫ

В конце прошлого века была обнаружена «Роспись против чертежу Сибирской земле» — находка чрезвычайной важности, если учесть, что «росписи» были текстовым приложением к картам XVII ве-

ка, дополняли и расшифровывали географическое изображение и вместе с ним составляли единый документ.

А в 1958 году было опубликовано обнаруженное свидетельство современника «Росписи», автора первой

истории Сибири, крупнейшего картографа того времени Семена Ремезова. Он писал: «...В лето 7176 (1667 г.) по указу великого государя (Алексея Михайловича) по грамоте в Тобольску учинен

сей чертеж снисканием и самотру-
днем и географством стольника и вое-
воды Петра Ивановича Годунова...
граду Тобольску и окресным сибир-
ским градам, странам и землям и се-
лению по рекам и между ними рас-
стояние пути...» И именно ради этой
цели, как явствует из самой «Роспи-
си», в тобольской съезжей избе
опрашивали «всяких чинов людей, и
иноземцев тобольских, и приезжих
бухарцев, и татар, которые в сибир-
ских и во всех городех и острогах
кто где бывал, и городы, и остроги,
и урочища, и дороги, и земли знают
доподлинно...».

Сколь насыщена была географиче-
скими сведениями эта «Роспись», мож-
но представить даже по маленькому
отрывку из нее: «...от Тобольска ж
вниз по реке Иртыше мимо Демьян-
ских ям до Самаровского яму доща-
ником ходу 2 недели, а от Самаров-
ского яму вниз же до устья Иртыша
реки ходу полднища. А от устья
Иртыша реки вверх по реке Обе до
Сургута ходят дней по 9, а от Сургу-
та до Нарыму ходят недели по 3 и
4... От Якуцкого острогу по Лене ж
реке вниз до моря ходу 3 недели. И
промеж Леною и Киренкою реками
монастырь да погост, а промеж мо-
настырем и погостом 3 версты... А от
Ушуры реки по Амуру живут даур-
ские люди, и городки у них во мно-
гих местах построены, и яровой вся-
кой хлеб сеют, и яблоки, и груши, и
арбузы, и дыни, и огорцы, и всякий
русский овощ по Амуру родитца.
А от устья Хамуна реки вниз же по
Амуру-реки до моря до Гилянские
земли ходу 2 недели...»

Знакомство с богатейшим геогра-
фическим содержанием приложения к
карте делало очевидным значимость
самой карты, которая, по словам Ре-
мезова, была «всем сибирским жите-
лям первое вново, сибирский чертеж
в великое удивление, яко много лет
при житии их проидоша, и неведомы
орды сосед жилища».

И вот наконец были найдены в
разное время и в разных странах
копии самой карты, причем в не-
скольких вариантах — на русском,
шведском, немецком и голландском
языках.

...И сразу — разочарование. Копии
оказались маловыразительными, схе-
матичными чертежами, значительно
уступающими по своей содержатель-
ности приложению.

На картах не оказалось не только
многих мелких перечисленных в
«Росписи» объектов, но даже некото-
рых крупных населенных пунктов.
Не было и обозначений, «где меж
слобод Тобольского и Верхотурского
уездов построить какие крепости». Не
отмечен открытый путь в восточ-
ные страны и «сколько ж водами до
Китая ходу». Авторы чертежа забы-
ли даже использовать «азбуку по
чему знать городы, и остроги, и сло-
боды, и реки, и озера, и волости, и

зимовья, и кочевья». Это должна бы-
ла быть впервые употребленная в
русской картографии система услов-
ных обозначений. Только напрасно
обещала нам эту «азбуку» «Рос-
пись» — на копиях ничего подобно-
го не было.

И вот уже не одно десятилетие
мысль исследователей ищет разгадку
этих несоответствий. Отправной точ-
кой всех предположений является со-
общение о том, что в самом начале
января 1667 года из далекого Тоболь-
ска в Москву прибыла почта. Почте
из Сибири придавалось значение го-
сударственной важности, поэтому при-
казной дьяк сразу же своей личной
подписью засвидетельствовал прибы-
тие бумаг «176 года января в 3 день
тобольским сыном боярским з Давы-
дом Бурцевым». В числе этих бумаг
была и карта Годунова вместе с
прилагающимся к ней текстовым опи-
санием — «Росписью», на которой по-
мечено: «чертеж каков прислан с сею
росписью к великому государю взнес
околыничей Радион Матвеевич Стреш-
нев».

Это факт. Далее же гипотезы.

ПЕРВАЯ ГЕНЕРАЛЬНАЯ КАРТА СИБИРИ?

...В тобольской съезжей избе уже
не один месяц шла напряженная ра-
бота. Разбирали груды скопившихся
чертежей, целыми днями опрашивали
«всяких чинов людей, и иноземцев
тобольских, и приезжих бухарцев, и
татар».

Завершалось составление карты,
о которой Ремезов сказал: **И се пер-
вое чертежное описание Сибири** от
древних жителей.

Оказывается, никогда и никому
прежде не предоставлялась возмож-
ность окинуть единым взглядом новые
русские земли. И вот теперь, укла-
дываемые в условные линии годунов-
ского чертежа, они красноречиво го-
ворили о необъятных ее просторах,
вплоть до Ледовитого моря на севере
и Теплого на востоке. Кроме того, на-
личие карты облегчило бы выполнение
обширных задач по обеспечению но-
вых городов хлебом, поиску пашен-
ных мест, разведке полезных иско-
паемых, установлению нового пути в
Мангазею, приведению в российское
подданство сибирских народов и т. д.
Это, конечно, прекрасно понимал и
тобольский воевода Петр Иванович
Годунов — человек, судя по докумен-
там, деловой, энергичный и государ-
ственно мыслящий.

Было ясно, что с картой затягивать
нельзя. Но, несмотря на все стара-
ние, несмотря даже на грозные пред-
упреждения из Москвы, окончание
работы задерживалось. Все-таки это
была во многом не познанная и тая-
щая на каждом шагу опасности новая
земля — Сибирь! Какие-то важные
сведения могли не подоспеть вове-

мя. Что-то вызвало сомнение или
требовало уточнения, ведь недаром
первым и наиглавнейшим требованием
к географическим документам была
«доподлинность». А может, и еще ка-
кие неведомые причины могли задер-
жать работу. И тут, в этой напря-
женной ситуации, Годунов принимает
единственно возможное и спаситель-
ное для себя решение. Он отчитывает-
ся перед государем в огромной проде-
ланной работе «Росписью» и посы-
ляет вместе с ней ту карту, которая
и была «взнесена» в палаты. Только
это была не сама ожидаемая карта,
а ее эскиз. Эскиз упрощенный, сде-
ланный лишь для того, чтобы дать
общее представление о Сибири и о го-
товящейся подробной карте.

Косвенно этот вывод подтверждает
и указание «Росписи», что ей соответ-
ствует слово в слово текст на карте,
заклученный в круги — «клеймы». Эти
«клеймы», по-видимому, обра-
мляли оригинал, как это иног-
да в то время делалось. А на обнаруженных копиях «годунов-
ского» чертежа этих «клейм» нет.

«Но, — возражают другие уче-
ные, — на наш взгляд, найденные
копии «годуновской» карты сделаны
все же с оригинала «чертежа» всей
Сибири! Только оригинал этот — не
тот, который обещала «Роспись». И
вот почему.

...Итак, в январе 1677 года был
«взнесен» к государю «годуновский»
чертеж...

ИТОГ ДО НАС НЕ ДОШЕДШЕГО?

Хотя как сводная карта «годунов-
ский» чертеж и был первым, но ко
времени его составления было накоп-
лено уже так много сведений о Си-
бири, русская картография имела
столь богатые и давние традиции, что
создателям «годуновской» карты было
на что опереться.

«И пребывает сей первоначальный
Годуновский печатный чертеж с 176
(1667) года и по нынешний 205-й год
(1696) без прилогов селищ и воло-
стей и немирных землищ», — отмечал
Семен Ремезов. Значит, когда-то «го-
дуновский» чертеж существовал вме-
сте с «прилогами», т. е. приложения-
ми — серией так называемых регио-
нальных чертежей. Если это так, то
дошедшая до нас в копиях карта бы-
ла частью многолистного географиче-
ского документа. Тогда становится
понятным и назначение обзорной
карты-схемы: дать общее представ-
ление об обширности сибирской тер-
ритории и впервые показать ее рас-
положение относительно двух океа-

нов (отметим это исключительно важное открытие, сделанное землепроходцами). У региональных чертежей было иное назначение.

Большой знаток сибирской истории и архивов Н. Н. Оглоблин, обнаруживший оригинал «Росписи», писал, что в делах Сибирского приказа встречались ему указания на сотни чертежей уездов, городов, волостей, речных систем, выполненных в виде региональных карт.

Начиная со второй половины XVI века, одновременно с продвижением «промышленных» и «служивых» людей к востоку от Уральских гор началось картирование присоединяемых к России сибирских территорий. Подтверждение тому — «Наказ князю Петру Горчакову, посланному в Сибирские города... присмотреть под город место, где пригоже, где быти новому городу..., заняты город и на чертеже начертити и всякие крепости выписать». Составление этого «наказа» датируется 1594 годом.

Есть и еще более раннее свидетельство, восходящее... к Ивану Грозному! «Якож в древние лета, преже Ермакова взятия Сибири, в лета 7075 (1567 г.) посланы были с Москвы в Сибирь, по указу великого государя, царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси самодержца, атаман Иван Петров... с товарищи 20 человек на восток и юг для проведения земель соседних царств, и язык орд, и волостей в каком состоянии от Москвы и сколь далеко подлегли к Московскому государству». Эти люди «отчасти в путях вразумишася и видеша прилежащие страны» выполнили указание царя, «подаша доезд» — отчет. Хотя в этом документе и нет прямого указания на то, что была составлена карта, но именно в это время на западноевропейских картах стали впервые появляться реальные, а не вымышленные, как прежде, географические объекты Сибири. Вне всякого сомнения, информация, получаемая западными картографами, была добыта русскими землепроходцами.

Контроль за сбором сведений и описанием проведенных «землиц» был весьма строгим. Из Москвы требовали отчетов и чертежей с воевод, а те — с руководителей отрядов, снабжая их при отправке в дальние походы разработанными (каждый раз специально) инструкциями — «наказными памятями». «С устья Куты реки в верх по Лене, покамест можно дойти, описать и сметить пашенные места и сennie покосы, и Лене реке до вершины и падушим в нее сторонним рекам зделать чертеж», — приказывал Василию Витязеву воевода. «Брацкому острогу и Байкалу и Ламе озере и иным падушим рекам оставить

чертеж», — напоминалось открывателю Байкала Курбату Иванову. «И тебе Ерофейку, с тою ясачною и казенною казною послать в Якуцкий острог... рекам чертеж, и отписать в съезжую избу», — напутствовал воевода Хабарова, провожая его в легендарный поход на Амур.

Возвращаясь из своих трудных и опасных путешествий, землепроходцы-первооткрыватели, понимая всю важность и ответственность возложенной на них задачи не только «подводить под яsak» сибирские народы, но и «проведавать землицы», описывали увиденное в своих «скасках» и «отписках», прилагая к ним пусть примитивные, но достоверные чертежи. И думается, делали они это не столько под «нажимом» начальства, сколько по собственной инициативе, трудолюбию и природной любознательности. Ведь как часто эти отважные люди сами просили отпустить их в неизведанное и уходили, ничего не имея за душой, даже «казенного довольствия»!

Вот и какой-то Лука, о котором мы почти ничего не знаем, в самом начале XVII века на свой страх и риск совершил беспрецедентный по смелости поход на восток, пройдя на своем коче гигантское расстояние вдоль арктического побережья Сибири, оставил позади устье Енисея и открыл реку Пяси́ну. Этот подвиг стоил Луке жизни, но он успел составить отчет и чертеж, которые дошли до Москвы. Их видел в 1602 году голландский картограф Исаак Масса, который и опубликовал карту Луки в Амстердаме, сопроводив ее таким комментарием: «Путешественники нашли много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей — все это далеко за Енисеем».

Сама карта не дошла до нас, как безвозвратно погибли во время тревожных событий нашей истории и многие-многие другие. Нередко причиной этому были и пожары — известный бич деревянных русских городов. Только во время одного такого грандиозного пожара в Москве в 1626 году и только в одном Сибирском приказе погибло около двух с половиной сотен чертежей Сибири! А ведь они были еще в Разрядном и Межевом, Посольском и Царском приказах. Горели Тобольский, Якутский, Иркутский и другие сибирские архивы. Исчезали частные собрания любителей древностей. И были среди этого картографического богатства также и многолистные чертежи. Историк и географ В. Н. Татищев в середине XVIII века держал в руках чертеж «...по одно Казанское владение, как мне помнится, на 16 листах сделан без масштаба...».

Из всего этого исторического наследия до нас дошла лишь его малая толика. А теперь сопоставим все вышесказанное с сообщением «Росписи»,

что по приказу Петра Годунова в Тобольске «был збиран на листе» чертеж. То есть **сборан**. Сборан на основе многих уже имевшихся и специально заказанных для этой цели региональных чертежей. То есть «Роспись» относилась не к отдельной карте, а к многолистному географическому своду, собранному из множества подробных региональных чертежей. Но свод этот открывала обобщенная, не перегруженная деталями, «збиранная на листе» карта всей Сибири. Она, по замыслу авторов, должна была показать впервые ее масштабы и также впервые ее расположение относительно двух океанов. Эта вводная карта и оказалась тем единственно дошедшим до нас документом, который мы называем «чертежом Годунова».

Но оппоненты возражают — не слишком ли таинственно исчезновение всех карт, кроме одной, вводной? Ведь не могли же все они храниться в разных местах.

И тут мы должны познакомиться с еще одной гипотезой.

...Итак, гонец из Тобольска доставил в Москву карту, которая тотчас была «внесена» к государю...

«СОБЛЮДЕНИЕ СТРОЖАЙШЕЙ ТАЙНЫ»

Царь Алексей Михайлович всегда проявлял большой интерес к географической науке. Недаром же кровлю дворцовых палат венчал гигантский медный глобус, подаренный ему голландцами (его и сейчас можно видеть в Историческом музее). Еще одно свидетельство этому и огромная проводимая по его указу в 60-х годах картографическая работа. Но не ради чистой науки она проводилась. Обороноспособность государства и безопасность его границ, основанные на знании российских земель и народов, их населяющих, — вот что было наиглавнейшим. И не случайно в эти годы прибыл в Тобольск со своим полком воевода Петр Годунов — человек, на которого можно было положиться. А годы эти для Западной Сибири были очень неспокойные. На русские еще не окрепшие поселения участились набеги из-за Урала башкирских феодалов, объединившихся с вониственными племенами на юге. Разведка путей их продвижения, строительство крепостей, охрана водных дорог, волоков, переправ — коротко, обеспечение безопасности Сибири — было для Годунова первоочередной задачей. Это подтверждает и сама «Роспись» к «годуновской» карте. Недаром она начинается с самого главного: «Роспись против чертежу... Сибирской земле, городам и острогам, и слободам, и где меж слобод Тобольского и Верхотурского уездов построить какие крепости... и сколько

где у крепостей... посадить драгун». Это была карта прежде всего стратегического назначения! «От Тобольска ж вверх по Тоболу реке до острожку на усть Тарханки реке 120 верст, на которые места приход воинским людям кучумовым внучатам с калмыки **быть драгуном роте...** А от Елуторские слободы по Исете реке до Исецкого острогу **быть драгуном роте...** а по сказке Доматова монастыря старцев, что де у них драгун **не надобно**, потому что де монастырь их далеко за реки и за озера, и за болоты и воинским людям проходу на монастырь не бывало и ныне не будет...» И так далее.

Понятно, что такую карту должны были пуще жизни оберегать от «чужого глазу». И все-таки она ушла за границу. И может быть, причину этого следует объяснить следующим.

Попав в Москву, карта стала сразу объектом особого внимания иноземных «гостей». Вот строки из дневника секретаря шведского посольства Приютца: «Приложенную ландкарту Сибири и пограничных с ней стран я скопировал 8-го января в Москве... с оригинала, данного мне на несколько часов князем Иваном Алексеевичем Воротынским, с тем чтобы я ее только посмотрел, но отнюдь не чертил».

Попала эта карта и к самому послу Кронеману, который сделал свою копию и отправил с неприкосновенной дипломатической почтой ценный пакет, сопроводив такими словами: «Карту всех этих стран, которую прислал недавно по указу Его Величества Тобольский воевода Годунов, показали мне, и я снял копию, получив позволение продержат у себя ее одну ночь».

Таким образом, получается, что приближенные царя сами давали в руки соперников важный стратегический документ, наивно полагая, что просьба продержат его у себя одну ночь, «но отнюдь не чертить», непременно будет выполнена. Неужели государственные мужи того времени ничего не знали о древней и прекрасно разработанной науке шпионажа, следовавшей всегда, как тень, за наукой открытия Земли?

Карты, привозимые из далеких походов, содержали не только географические сведения об открытых землях. В них содержалась информация о действительной или возможной мощи соперника, его политическом, экономическом и военном потенциале. И «энтузиазм», с которым стремились добыть подобные сведения в России, не мог сравниться ни с чем. Так было и до описываемых нами событий, и позже. Чтобы не быть голословным, приведем лишь несколько примеров из этой своеобразной «летописи».

Известно, что некий курляндский гражданин Рейтенфельс предлагал

Ватикану за соответствующую плату продать сведения о землях к востоку от Урала при условии соблюдения строжайшей тайны. Известно также, что члены ордена иезуитов даже письменно разработали «инструкцию», которой снабжали отправляющихся в Московию, чтобы те выведывали сведения о русских путях в страны Востока — «с осторожностью, как бы мимоходом, вылавливать новости сетью хитрости, чтобы не обращать внимание москвитов» на интерес чужеземцев. Еще известно письмо британского посла, просившего держат в строжайшей тайне похищенную им русскую карту, — как бы виновному не пришлось «отбывать наказание в указанных местах». И так далее...

Интерес к Сибири далеко выходил за рамки чисто географической любознательности европейских политиков.

Среди прочих дел европейские монархи находили время, чтобы обсудить проекты вторжения в Сибирь. Корабли Голландии, Швеции, Англии и других стран стремились проникнуть к ее арктическому побережью.

А что же русские? Не понимали угрожающей опасности? Понимали. И старались предотвратить ее. Вот этому доказательство.

Не раз под любым благовидным предлогом иностранные торговые и дипломатические посланники просили пропустить их посмотреть Сибирь или хотя бы проехать через нее в страны Востока. И всегда получали твердый отказ: «Русским людям изъезн будет». Еще в 1619 году вышел грозный указ: «Чтобы немецкие (т. е. чужеземные) люди в Мангазею отнюдь дороги не проскивали, а будет кто с немецкими людьми ездит или в Мангазею дорогу учнет указывать, и тем людям быти от нас в великой опале и в смертной казне».

Как же все это увязать с фактом непонятной доверчивости русских правителей и их верой в порядочность чужеземных «гостей»? Ведь они же сами отдавали важнейшую карту в руки немцам, шведам, голландцам. И ее показывали открыто, чем, кстати, не преминул воспользоваться шведский военный атташе Пальмквист, в альбоме которого и были обнаружены три копии карты Годунова.

А дело в том, что показывали... вовсе не **ту карту**, что была «внесена» государю, а какую-то упрощенную схему, сделанную в уменьшенном размере. Вот почему на копиях, что сняли Приютц, Кронеман и другие, не было «обещанных» клейм, резко разнились масштабы, удивительно бедна была географическая номенклатура копий, да и само техническое исполнение их значительно уступало даже более ранним образцам русской картографии. Трудно даже отделаться от впечатления, что демонстрировали иностранцам схематический чертеж

Сибири, в котором скрывалось то, что нужно было скрыть и показывали лишь то, о чем хотели сказать. В частности, об обширной территории Сибири, а следовательно, о мощи Русского государства и нашем приоритете на открытые земли. К слову заметим, что несколько позже опубликование некоторых сибирских карт вызвало в западноевропейской прессе сомнение: уж не умышленно ли русские удлинняют на картах свои границы с целью запугать другие страны?

А в это время полная и подробная карта Сибири лежала, как ей и подобало, в надлежащем месте и тщательно охранялась.

Итак, три гипотезы — три разных пути поиска. Есть еще и другие гипотезы, и другие пути. Основное же нам ясно.

...В начале января 1667 года в числе бумаг, прибывших в Москву из Сибири, находилась **первая в истории сводная карта открытых и исследованных сибирских земель** и текстовое приложение к ней — «Роспись». Как выглядел этот чертеж, который был «збиран» старанием стольника и воеводы Петра Ивановича Годунова, сказать невозможно. Может быть, долготерпение поиска исследователей и будет наконец вознаграждено всепроявляющей находкой: ведь немало еще открытий сулят русские и западноевропейские архивы. Но самое главное нам очевидно: в XVII веке русские землепроходцы вписали яркую страницу в летопись мировых географических открытий, создав карту неизведанной и труднодоступной части самого большого континента.

К давнему спору о существовании Земли Санникова возвращается геолог Владимир Иванов, работавший начальником экспедиции Научно-исследовательского института геологии Арктики на Новосибирских островах. В свете новейших данных, добытых сегодня геологами, автор очерка анализирует идеи известного русского ученого Эдуарда Толля, чье имя навсегда связано с исследованием Севера и гипотетической Земли Санникова.

В. ИВАНОВ

И СНОВА ЗЕМЛЯ САННИКОВА...

13 августа 1886 года в жизни Эдуарда Васильевича Толля произошло событие, определившее всю его дальнейшую судьбу. Стоя на северном берегу острова Котельного, в устье ручья Могур, он своими глазами увидел по азимуту 14—18 градусов «ясные контуры четырех столбовых гор с прилегающим к ним на востоке низким остроконечием».

На современных картах я не нашел ручья под названием Могур. Это мог быть любой из ручьев, прорезающих скальные обрывы северного берега Котельного, а ручьи тут похожи друг на друга. Но я легко могу представить себе Толля, как он стоял на бровке обрыва с сильным морским биноклем в руке...

Картина, открывшаяся Э. В. Толлю в тот солнечный день, была настолько четкой, что он не только определил расстояние до гор — около 150 верст, или полтора градуса по широте, но и заключил, что горы сложены трапповыми массивами, подобно островам Земли Франца-Иосифа.

С этого момента все дни, какие Толлю еще оставалось прожить на свете, были подчинены мечте о достижении увиденного острова...

Но сделаем еще некоторое отступление во времени — в год 1810-й, когда усть-янский «промышленник» (охотник и сборщик мамонтовой кости) Яков Санников, будучи участником первой официальной русской экспедиции на Новосибирские острова, возглавляемой коллежским регистратором Матвеем Матвеевичем Геденштромом, увидел с северной оконечности острова Котельного доселе неизвестную землю. «...на северо-запад, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы», — записал М. М. Геденштром.

Здесь берет завязку феноменальный сюжет: как «зёмли», на которые никогда не ступала и не ступит нога человека, в течение полутора столетий вызывали к жизни исследования, давшие бесценные результаты...

Санников Яков (отчество, а также даты рождения и смерти до нас не дошли) был человеком редкой энергии и пытливости ума. Ему непосредственно принадлежит честь открытия, по крайней мере, трех островов Новосибирского архипелага — Столбового, Фаддеевского, Земли Бунге. Именем Санникова названы пролив, река, полярная станция, а также знаменитая Земля, которая, хотя и не существует в природе, известна гораздо шире, чем эти объекты.

История открытия Новосибирских островов начинается где-то в XVII столетии. 22 апреля 1647 года казак Михайло Стадухин, первым из россиян достигший Колымы, докладывал в Якутском остроге, что, ежели идти морем от Лены к Колыме, то от Святого Носа на левой руке открывается остров — «...и горы снежные, и пади, и ручьи знатны все...» — и тянется тот остров против Енисейского и Ленского устья; называют его Новую Землю, ходят на него с Поморья, с Мезени, а чукчи зимою переезжают на оленях на тот остров одним днем... Что здесь истинно? Остров Большой Ляховский с траверза мыса Святой Нос виден лучше, чем Кронштадт с Лисьего Носа под Ленинградом. Отчетливо выделяется гора Эмий-Тас высотой 311 метров, с пятнами снега даже летом. Видны долины ручьев. Но дальше в описании Стадухина все смешано в кучу... Очевидно, поэтому он и не удостоился чести считаться открывателем Новосибирских островов. Большая Советская Энциклопедия утверждает: «Первые сведения о Новосибирских островах сообщил в начале 18 в. казак Я. Пермяков, в 1712 г. о. Б. Ляховского достиг отряд казаков во главе с М. Вагиным».

На рубеже XVIII — XIX столетий за дело взялись промышленники, ведущие добычу мамонтовой кости, и к 1815 году были открыты почти все острова, входящие в состав Новосибирского архипелага, если не считать островов Де Лонга — группы крошечных скалистых островков, затерянных далеко на севере в просторах Восточно-Сибирского моря. К этому времени было известно одиннадцать островов из... семи, существующих сегодня. Это не опечатка, дальше читатель узнает, почему так случилось.

Экзотические полярные острова вызвали интерес в обществе, однако после экспедиции М. М. Геденштрёма стало ясно, что особых богатств, если не считать мамонтовой кости, на Новосибирских островах нет. Да и «вид их еще угрюмее Сибирского берега», сообщал М. М. Геденштром. Почему же тогда архипелаг продолжал притягивать умы? А потому, что на карте Геденштрёма к северу от уже обследованных островов были нанесены

«Кигиляхи», «каменные люди» — результат выветривания гранитов на острове Большой Ляховский.

Символическая могила Э. В. Толля и его спутников на острове Беннетта.

Северный берег острова Котельный. Начало лета, самые интересные для геологов обнажения еще закрыты снежником.

ны еще два, никем пока не посещенные, и написано: «Земли, виденные Санниковым». Собственно, Санников видел три «земли», (одну — с острова Котельного и две — с Новой Сибири), но третью Геденштром не нанес на карту, решив, что это «гряда высочайших ледяных громад».

В 1820 году была снаряжена экспедиция под началом лейтенанта флота П. Ф. Анжу, имевшая целью проверить открытия Санникова. 5 апреля 1821 года Петр Федорович Анжу вышел в точку на севере Котельного, откуда Санников наблюдал свою Землю. Горизонт был открыт, но на северо-западе ничего, кроме ровного льда, не просматривалось. Два дня, прорубаясь через торосы, отряд двигался в указанном Геденштромом направлении и, осилив около 44 верст, вышел на край припайного льда на границе с Великой Сибирской полынью. «Предполагаемой земли не было видно». Анжу взял пробы донного грунта (это оказался «жидкий ил»), глубина моря составляла около 34 метров — ничто не указывало на близость суши. П. Ф. Анжу в отличие от Санникова имел хорошие зрительные трубы. Он пришел к выводу, что предшественник видел «туман, похожий на землю».

После этого о Новосибирских островах не вспоминали шестьдесят лет — до тех пор, пока в 1881 году американец Джордж Де-Лонг не открыл далеко на севере от острова Новая Сибирь архипелаг небольших островов, названных его именем. В следующем году ученый секретарь Императорского Русского Географического общества А. В. Григорьев опубликовал статью, где высказал мысль, что острова Беннетта и Генриетта, открытые Де-Лонгом, — это «земли», виденные Геденштромом и Санниковым с Новой Сибири. Расстояние (до Генриетты — 260 верст!) не смущали А. В. Григорьева, он ссылаясь на случаи аномально далекой видимости в Арктике, особенно в ясные весенние дни. В такие дни над островами часто держится облачность, которая зрительно приподнимает их над морем, а феноменальная прозрачность воздуха в высоких широтах увеличивает видимость.

«После этого, — писал Григорьев, — не может быть сомнений в действительности существования земли, виденной Санниковым же в 1810 году на NW от северной оконечности Котельного острова». Между прочим, А. В. Григорьев первым употребил в печати словосочетание «Земля Санникова».

В 1885 году Академия наук организовала, по существу, первую в истории научно-исследовательскую экспедицию на Новосибирские острова. Начальником был назначен медик, впоследствии флагманский врач Балтийского флота, Александр Александрович Бунге. В помощники ему

был приглашен кандидат зоологии барон Эдуард Васильевич Толль.

Лично мне писать о Толле трудно. Это не просто один из исследователей геологии Новосибирских островов, это основоположник. Геологический язык Толля отличается от языка его предшественников, как язык стихов Пушкина — от языка Тредиаковского. Мы говорим на этом же языке. Только в последние годы, взяв на вооружение геофизические методы, позволяющие увидеть земную кору не в горизонтальном срезе, а в объеме, мы вступили в следующую стадию...

За лето Э. В. Толль обошел маршрут берега острова Котельного, обследовал Фаддеевский и Новую Сибирь... Ему удалось выделить главные возрастные комплексы пород, слагающих острова. Датировка мало изменилась и сегодня, разве уточнились детали. А на следующий сезон произошло то, с чего мы начали рассказ: ученый увидел остров, который принял за Землю Санникова.

В 1893 году исследователю представилась возможность вновь посетить архипелаг. Академия командировала его исследовать труп мамонта в районе устья Яны. Прибыв на место еще ранней весной, Толль убедился, что останки не слишком интересны, однако решил еще раз осмотреть их после таяния снегов, а пока побывать на Новосибирских островах, благо в задании экспедиции был пункт, дававший свободу действий: «изучение неизвестных частей Сибири»...

19 апреля Толль, его помощник лейтенант Евгений Иванович Шилейко и четверо каюров на собаках двинулись на остров Большой Ляховский. Поездка оказалась трудной, так как готовилась наскоро, а каюры, привыкшие к оленям, не умели обращаться с собаками. Тем не менее успели обойти Большой Ляховский и Котельный, описать множество обнажений, пополнить астрономические и магнитные наблюдения, устроить «продовольственные депо» для Нансена, который тогда готовился к рейсу на «Фраме»...

В последующие годы Э. В. Толль в публичных выступлениях и в академической печати с активностью, доходившей до фанатизма, пропагандирует идею экспедиции на Землю Санникова. Его убежденность подчиняет себе факты и выстраивает их в свою систему. Анжу не видел Землю? Но ведь промышленники не сомневаются в ее существовании. Ф. Нансен, пройдя 19—20 сентября 1893 года в районе Земли Санникова, ее не обнаружил? Значит, он прошел севернее, а Земля ориентирована в широтном направлении. Густой туман, стоящий всегда над Великой Сибирской полынью, помешал заметить ее. Позже этот мотив продол-

жал развивать другой энтузиаст Земли Санникова — академик В. А. Обручев. Он ссылаясь на парадоксальный факт: реально существующий, огромный архипелаг Северная Земля не был замечен ни Норденшельдом с «Веги», ни Нансеном с «Фрама», ни Толлем с «Зари»...

Что влекло Эдуарда Толля на Север? Он искал разгадку тайн недавнего геологического прошлого Арктики: существовал ли материк в районе современных Новосибирских островов? Когда и почему он распался? Почему вымер «мамонтный комплекс» млекопитающих? Толль стремился добраться до первопричины явлений, а это счастье и мука подлинного исследователя.

Идея экспедиции встретила отклик в передовых слоях русского общества. В числе ее активных сторонников были академики Д. И. Менделеев, А. П. Карпинский, Ф. Б. Шмидт, адмирал С. О. Макаров. В это же время стал известен и план канадской полярной экспедиции под руководством Бернье, который своим опорным пунктом выбрал Землю Санникова. Возможно, подстегнутые этими сообщениями («...залежи мамонтовой кости и предполагаемое обилие промысловых животных привлекают уже внимание немецких и американских торговых фирм...» — говорилось в письме Академии наук, адресованном министерству финансов), правительственные круги поддержали инициативу академии. Было принято решение об организации Русской полярной экспедиции. Подготовка сразу повелась с размахом, с широким освещением в прессе — это должно было символизировать интерес к отдаленным арктическим владениям России и охладить аппетиты иностранного капитала. Министерство финансов отпустило 150 000 рублей золотом, в Норвегии приобрели китобойное судно водоизмещением около 1000 тонн, которое назвали «Зарей». Оно имело машину в 228 индикаторных сил, но могло ходить и под парусами. Э. В. Толль лично подобрал научный состав из молодых многообещающих специалистов-энтузиастов и укомплектовал экспедицию лучшим отечественным и зарубежным снаряжением, аппаратурой, продовольствием... 21 июня 1900 года «Заря» торжественно покинула Петербург. Началось плавание, рассчитанное на три года.

Нет нужды в деталях описывать это путешествие — сохранился и издан в 1959 году подробнейший дневник Толля...

Более чем через год после выхода из Петербурга, 9 сентября 1901 года, «Заря» достигла района предполагаемой Земли Санникова. «Малые глубины говорят о близости земли, — записывает Толль в дневни-

ке, — но до настоящего времени ее не видно...» Матрос из «вороньего гнезда» разглядел только подковообразный ледяной пояс, а за ним — полосу свободной воды. («...у меня закрадываются тяжелые предчувствия... но довольно об этом!») На следующий день сгустился тяжелый туман, сделав дальнейшие поиски бессмысленными и принеся Толлю неожиданное облегчение: «Теперь совершенно ясно, что можно было десять раз пройти мимо Земли Санникова, не заметив ее».

16 сентября судно встало на зимовку в лагуне Нерпалах, у западного берега острова Котельного.

В течение зимы «Заря» работала как стационарная метеорологическая и геофизическая станция. А 5 июня, когда было еще далеко от освобождения «Зари» из ледового плена, Э. В. Толль, астроном Ф. Г. Зееберг и двое местных охотников-промысловиков — Василий Горохов и Николай Дьяконов — вышли по маршруту Котельный — Фаддеевский — мыс Высокий на Новой Сибири, а далее — больше ста верст почти прямо на север по льду Восточно-Сибирского моря — на остров Беннетта. Целью похода было изучение природных условий этих островов, но в глубине души Э. В. Толль тайл мечту, что с острова Беннетта удастся увидеть Землю Санникова, а может быть, и пройти на нее. Планировалось, что летом «Заря» снимет группу с острова Беннетта...

Но ледовая обстановка летом 1902 года сложилась крайне тяжелой. После трех неудавшихся попыток пробиться к острову Беннетта «Заря» вынуждена была уйти в Тикси. Таков был приказ Э. В. Толля, оставленный командиру судна. «Предел времени, когда Вы можете отказаться от дальнейших стараний снять меня с острова Беннетта, определяется тем моментом, когда на «Заре» израсходован весь запас топлива до 15 тонн угля...»

Вещественных следов пребывания «Зари» у острова Котельного почти не осталось. В одном месте на косе наши геологи видели вкопанное вертикально бревно и в створе с ним несколько металлических колышков — устройство для определения астропунктов. Может быть, колья вбивали люди с «Зари»? Есть также древняя избушка на берегу; в ней не мог не побывать Э. В. Толль, однако реальных свидетельств опять нет. Недалеко от избушки мы нашли чугунный утюг. Это была большая радость, но потом, оттерев ржавчину, прочли дату изготовления: 1903. Поздно. Впрочем, один бесспорный памятник есть: крест на могиле врача экспедиции Г. Э. Вальтера, умершего 3 января 1902 года.

Летом 1973 года я был на мысе Вальтера. Крест стоит, хотя сильно поржавел...

Землю Санникова искали моряки и полярные летчики. Над ее загадкой ломали голову ученые множества специальностей. К предвоенным годам, после многочисленных советских высокоширотных экспедиций и походов, на карте Арктики не осталось необследованных мест, куда можно было бы спрятать Землю Санникова. Так что же видели Я. Санников и Э. В. Толль — скопление торосов? Ледяной остров, айсберг, как думал известный полярник В. Ф. Бурханов? Мираж? Туман над полыней, как считал знаток Арктики профессор А. Ф. Лактионов?

В 1948 году сотрудник Арктического института В. Н. Степанов высказал мысль, что Земля Санникова существовала и лишь в самом недавнем прошлом исчезла, растаяв, так как была сложена ископаемым льдом. Эта идея мне кажется настолько очевидной, что поразительно, как она не пришла в голову Э. В. Толлю. Тем более что в истоках идеи, по существу, лежат геологические представления Толля: его учение об ископаемых льдах и его концепция «мамонтового материка».

Попробуем заглянуть в недавнее геологическое прошлое.

С какого рубежа начать отсчет? Геологические события, естественно, не начинаются с 1 января. Цепочка тянется из прошлого и уходит в будущее. Заглянем, к примеру, на несколько десятков тысяч лет назад, в плейстоцен. Уровень Северного Ледовитого океана был тогда на 100 метров ниже, чем сейчас. Для такой низменной страны, как север Восточной Сибири, это имело огромное значение: практически весь шельф морей Лаптевых и Восточно-Сибирского — то, что на географических картах закрашено бледно-голубым, — было сушей, бескрайней равниной. Через равнину протягивались величественные долины Анабара, Лены, Индигирки, Колымы в их нижнем — тогда — течении. Сейчас эти низовья затоплены и доступны для наблюдения только фрагмент древней долины Пра-Яны — песчаная пустыня Земли Бунге, «полярная Сахара». В южном направлении равнина захватывала площадь сегодняшних Яно-Индигирской и Приморской низменностей. Длительное время на всем этом едином пространстве накапливалась толща озерно-проточных отложений. Верхняя часть толщи заключает в себе уникальный геологический объект — слои ископаемого льда мощностью в десятки метров. Горизонт развит на материке по всей низменности и занимает огромные пространства на островах Новой Сибири, Фаддеевском, Малом и Большом Ляховских. Как образовался каменный лед? Более полувека образцом научного изящества считалась теория Э. В. Толля, согласно

которой ископаемые льды Новосибирских островов суть погребенные древние снежно-ледяные поля, вроде глетчеров Гренландии. Однако в цепи доказательств не было одного, возможно, самого главного звена — нигде на севере Восточной Сибири не было найдено обязательных следов покровного оледенения: морен, «бараньих лбов» и т. п. Сам Толль ощущал эту слабость и пытался увидеть ледниковые образования в других, внешне похожих геологических объектах. Сейчас происхождение льдов объясняют иначе, но сохранили силу мысли Толля о том, что образование льдов происходило в интервал времени, отвечающий максимальному оледенению Сибири, и что толща льда послужила своего рода фундаментом громадной равнины — «мамонтового материка».

Ледниковые эпохи в Сибири не сопровождались широким покровным оледенением, как это было в Европе, но глубокое похолодание поставило перед органическим миром альтернативу — приспособиться к холоду или погибнуть. Это был колоссальный рубеж. Вымерли теплолюбивые звери третичного периода. Древний человек научился жить в пещерах, пользоваться огнем и одеваться в шкуры. На севере Восточной Сибири прочно обосновались не боящиеся холода и неприхотливые к пище млекопитающие «мамонтового комплекса». «Там они бродили, — пишет Толль, — по обширному свободному пространству, которое, соединяясь с нынешним материком, достигало, быть может, через полюс американского архипелага и, несмотря на глетчеры, не было бедно пастбищами».

«Мамонтовый материк» начал распадаться, когда закончилось последнее оледенение и стал повышаться уровень моря. Где здесь причина и где следствие?

Знакомо ли читателю понятие «эвстазия»? Это комплекс процессов, обуславливающих периодические колебания уровня Мирового океана. Процессы разные: планетарные, внутриматериковые, климатические... Различают, в частности, тектоноэвстазию — вертикальные движения земной коры, обусловленные глубинными причинами, и гляциоэвстазию — процессы, связанные с оледенениями. Понижение уровня океана в эпоху плейстоценовых оледенений определялось тем, что огромные массы воды были переведены в твердое состояние — в форме покровных или погребенных ледников. Последующее таяние льдов вызвало повышение уровня океана. Гляциоэвстазия! — скажет читатель. Но почему происходили сами оледенения? Потому, что прерывалось поступление в Арктический бассейн теплых атлантических вод: вследствие тектонического подъема участка земной коры где-то далеко на западе образовался порог, который воды из Атлантики не могли преодолеть. Тектоноэвстазия! Что же было раньше — курица или яйцо?

Потепление плюс колебания уровня моря привели к тому, что от «мамонтового материка» осталось лишь несколько островов. Все остальное... растаяло.

...Мы ехали на вездеходе по южному берегу Большого Ляховского, от Кигиляха на восток. Полуостров Кигилях — это царство гранита. От воды идет почти ровная гранитная стена (как будто на Неве, с лодки, смотришь на отвес Дворцовой

набережной), выше камень лежит ступенями, как остатки трибун стадиона великанов, а вершину венчают сами великаны — «кигиляхи», по-якутски «каменные люди», — причудливо обработанные ветром гранитные останцы. В солнечный день, при мареве «кигиляхи» слегка покачиваются, словно разговаривают друг с другом. Иллюзия полная, немудрено, что охотники-якуты по традиции оставляют у подножия «каменных людей» символические жертвоприношения: мелкие деньги, конфеты, какие-то ленточки... Когда в свое время А. А. Бунге пытался отбить образцы кигиляхских гранитов, местные обитатели решительно воспротивились, опасаясь гнева великанов...

Около Ванькиной речки мы поднялись на кромку берегового обрыва и встали на свой прошлогодний след. След — хороший ориентир, он снимает тягостную необходимость быть все время начеку, чтобы не сбиться с маршрута. Слева по ходу отлого и длинно уходили вверх склоны горы Халтагай-Таас, а справа, то приближаясь, то удаляясь от следа, тянулась кромка берегового обрыва. Сам обрыв сверху не был виден, просто тундра кончалась, и там, этажом ниже, блестела поверхность моря. Вдруг водитель резко остановился, и я увидел, что колея под углом уходит за край обрыва, в никуда, словно рельсы у края взорванного железнодорожного моста. Мы проехали немного вдоль обрыва, и след вновь появился, как будто прошлогодний вездеход пролетел по воздуху над морем и вернулся на твердую землю. Вся эта мистика означала только то, что за год добрый кусок берега успел разрушиться.

Разрушающийся берег. Огромные ниши. Карнизы. Трещины, которых не перепрыгнуть. Обвалившиеся блоки диаметром в десятки метров загромаждают подножия уступов. Картина наводит на мысль о катастрофических явлениях природы, возможно, о землетрясениях. Трудно поверить, что все это сделало беззвучное и постепенное таяние льда под солнечным теплом...

...Острова Семеновский и Васильевский лежали в море Лаптевых западнее Столбового. Зимой 1823 года первый из островов имел параметры 14 816 на 4630 метров, второй был вытянут на 4 мили, при ширине в четверть мили. Экспедиция на «Вайгаче» в 1912 году зарегистрировала следующие размеры острова Семеновского: длина 4630 и ширина 926 метров. В 1936 году к островам подошло гидрографическое судно «Хронометр», имевшее задание установить на них навигационные знаки. Увы, острова Васильевского уже не существовало, а Семеновский уменьшился вдвое. Знак на нем установили в 180 метрах от западного берега, а в 1945 году, когда остров посетил

И. П. Григоров, он уже стоял в метре от обрыва, грозя вот-вот упасть в воду... Остров прекратил свое существование в 1950 году.

Весной 73-го нашей экспедицией было пробурено несколько мелких скважин со льда пролива Дмитрия Лаптева. Оказалось, что на дне пролива лежат те же плейстоценовые породы, что и на островах, и на прилегающем материковом берегу, но без слоев каменного льда вверху разреза. Этот лед растаял. Зато на глубине, в самих породах, сохранились реликты «вечной» мерзлоты. Мерзлота и море несовместимы. Значит, пролив образовался совсем недавно. Действовал тот же механизм, что и при разрушении острова Семеновского, а еще раньше — острова Фигурин, лежавшего в прошлом столетии к северу от Фаддеевского, и островов Меркурия и Диомиды в проливе Дмитрия Лаптева...

Наши исчезающие острова ломают представления о геологическом времени. Принято считать, что геологические процессы, кроме землетрясений и извержений вулканов, идут настолько медленно, что их невозможно наблюдать. Однако это, по крайней мере, для тех районов, о которых идет речь, не так. «Лик Земли», как красиво выражались в старину, меняется на наших глазах.

Мой товарищ по работе геофизик В. А. Литинский, занимаясь глубинным строением акватории морей Восточной Сибири, заинтересовался Землей Санникова. Это было вроде разминки для ума: любопытно попробовать приложить к старой задачке новейшие геологические и геофизические данные. Сразу же обнаружилось, что, определяя азимут на виденную им Землю, Э. В. Толль не учел вариаций магнитного склонения во времени. Взяв в Институте земного магнетизма и распространения радиоволн все данные по магнитному склонению за прошлое столетие, Литинский рассчитал, что истинный азимут на Землю Санникова составлял не 29—33 градуса на северо-восток, как это было принято считать, а 22—26 градусов. Проложив это направление на карте донных осадков моря Лаптевых, составленной морскими геологами Ю. П. Семеновым и Е. П. Шкатовым, нетрудно было убедиться, что линия прямо попадает на участок развития песчаных грунтов среди поля илов. Пески сформировались в условиях мелководья — сегодняшнего или совсем недавнего. (Второй такой же участок располагался на месте бывших островов Семеновского и Васильевского.) Наконец, по геофизическим данным, на этом же месте был выделен интенсивный максимум поля силы тяжести, отвечающий блоку древнего фундамента шельфа, перекрытого лишь тонким чехлом молодых морских осадков. Это значит, что блок

имел устойчивую тенденцию к воздыманию, которое только в недавнем прошлом сменилось погружением. Участок отличается повышенной тектонической активностью, здесь было зафиксировано несколько землетрясений. Правда, интенсивность их невелика, только высокочувствительные сейсмографы могли уловить толчки...

Все рассказанное свидетельствует о том, что недавно — не в геологическом, а в данном случае в человеческом смысле слова — к северу от островов Анжу существовали еще острова, и путешественники могли видеть их.

Как далеко от Котельного располагалась Земля? Санников и Геденштром оценивали расстояние в 70 верст. Э. В. Толль впоследствии «отодвинул» ее на 150 верст или даже дальше. Остается загадкой следующее: Э. В. Толль сделал свое наблюдение в 1886 году — всего за полтора десятилетия до плавания «Зари». Могла ли Земля исчезнуть за такой короткий срок? Остров Семеновский за 14 лет «до смерти» имел размеры всего 2 на 0,5 километра. Выходит, остров, виденный Толлем в 1886 году, был примерно такого размера и должен был располагаться совсем близко, чтобы быть увиденным? Правда, как мы уже говорили, расстояния и размеры объектов, оцененные в Арктике на глаз, очень обманчивы.

...Спасательная партия пробилась к острову Беннета только 17 августа следующего, 1903 года. В 17 часов вельбот подошел к берегу у мыса Эммы, и в тот же момент матрос Василий Железников, стоящий с крючком на баке, увидел у уреза воды крышку от алюминиевого котелка, каким пользовался Толль. На берегу лежали ящики с коллекциями, а в поварне, наполовину заполненной смерзшимся снегом, нашли кое-какие приборы, листы из астрономии Циглера, обрывки платья, кожаную портупею для геологического молотка... Под кучей камней лежал обшитый парусиновый ящик, в нем находился круг Пистора и документ, адресованный президенту Академии наук. В записке приводились краткие сведения о геологии острова Беннета, о его современных обитателях, о птицах, пролетавших над островом с севера на юг. «...Вследствие туманов земли, откуда прилетели эти птицы, так же не видно было, как и во время прошлой навигации Земли Санникова...» (И здесь он не забыл о Земле!) «Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14—20 дней. Все здоровы. 26.X, 8.XI Э. Толль».

Они отправились на юг по живому, подвижному, коварному дрейфующему льду...

Адмирал С. О. Макаров писал: «Все полярные экспедиции... в смысле достижения цели были неудачны, но если мы что-нибудь знаем о Ледовитом океане, то благодаря этим неудачным экспедициям».

Все научные труды Толля базируются на результатах двух его первых поездок. Материалы последней экспедиции обработать не довелось. Большая потеря для науки! Но остались дневниковые записи. Остались коллекции: четыре ящика на мысе Высоком, еще четыре и корзина — на острове Беннетта. Полностью они были вывезены оттуда только в 1914 году экспедицией на ледокольных транспортах «Таймыр» и «Вайгач». Участники экспедиции поставили деревянный крест над символической могилой Толля и его спутников. В 1956 году, побывав на Беннетте, мои друзья геологи Д. С. Сороков и Д. А. Вольнов вместе с зоологом С. М. Успенским укрепили крест, успевший к тому времени наклониться. Коллекции Э. В. Толля много лет изучались, служа важным источником информации о геологии Новосибирского архипелага, они жили уже самостоятельной, отдельной от их собирателя жизнью...

Кем был Э. В. Толль по своей научной специализации? В свое время А. А. Бунге писал, что помощником ему был назначен «кандидат зоологии» барон Толль. Во всех последующих источниках Э. В. Толль именуется геологом. Толль окончил естественноисторический факультет Дерптского университета, где изучал сначала минералогию, затем увлекся медициной, а на последних курсах — зоологией. Работая на рубеже XIX и XX столетий, в еще отдаленном преддверии научно-технической революции, Э. В. Толль обладал всесторонней эрудицией естествоиспытателей прошлых эпох, одновременно умудряясь держаться на уровне самых последних достижений науки своих дней. Толль одинаково профессионально мог выполнить магнитные наблюдения и определить встреченных птиц или растений.

«...Вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом...»

Не знаю, читал ли Э. Толль работы Ф. Энгельса, но в своем подходе к познанию геологических явлений он следовал этому принципу, стараясь охватить всю сложную и противоречивую совокупность причинно-следственных связей в эволюции земной коры.

...Толль не нашел Землю Санникова как конкретный географический объект. Но его научные исследования помогли приблизиться к решению этой загадки природы.

В. БАБЕНКО

СОЛНЕЧНЫЕ КОЛЕСА ИНДЕЙЦЕВ

Их найдено около пяти миллионов. Они встречаются на всем пространстве американских Великих Равнин — от Техаса до южной Канады. Это следы полукочевых древних жителей здешних мест — индейцев прерий. Оставленные ими кольца из камней бывают разных размеров — от полутора до десяти метров в диаметре. Археологи

называют их «кольца типи» — большинство ученых считает, что камни прижимали к земле края шкур животных, покрывавших «типи» — индейские вигвамы. Когда племя снималось с места, шкуры и каркасы вигвамов уносили с собой, а камни оставляли: не таскать же каждый раз тяжесть. Объяснение выглядит вполне убедительно (вспомним аналогич-

ное: кольца от юрт в Монголии, хорошо видимые с самолета), тогда почему «большинство ученых» считает, а не все? Есть тут одна загадка.

Наряду с кольцами малого диаметра встречаются и несравненно большие: тридцати-, даже шестидесятиметровые. Это уже, понятно, не вигвам: таких типов «дворцов» и быть не могло. У некоторых из этих гигантских колец (им присвоили термин «магические», или «лекарские», колеса, а почему, станет ясно несколько позже) есть «спицы» — радиальные линии, выложенные опять-таки из камней. Число спиц варьируется, иногда они вовсе отсутствуют. Но в центре колеса всегда обнаруживается «ступница» — каменная пирамидальная насыпь. В иных случаях общий вес насыпанных там булыжников достигает сотен тонн.

Возраст магических колес разный. Например, когда археологи обнаружили внутри большого кольца, расположенного на равнине в центре канадской провинции Альберта, кое-какие рукотворные изделия и установили время их изготовления, то выяснилась удивительная картина. Колесо начали выкладывать... 4–5 тысяч лет назад. Тогда же, когда в Египте возводились знаменитые пирамиды! А самым «свежим» колесам лет примерно триста.

Есть особенности, свойственные всем этим сооружениям без исключения. Безвестные строители выкладывали их на возвышенностях — говоря военным языком, на высотах, господствующих над местностью, — откуда открывается отличный обзор во все стороны. А если колесо имело «спицы», то они указывали на соседние колеса, удаленные порой на сотни-пятнадесят километров. Может быть, это система ориентиров, без которой кочевникам было бы затруднительно путешествовать по безлесным холмистым равнинам? Не исключено. Центральная пирамида — гурий вполне могла быть «триангуляционной вышкой» древности. Но какой тогда смысл в небольших пирамидах, часто расположенных по «ободу» колеса? Наверное, все здесь не так просто.

Итак, кто соорудил магические колеса и зачем? Вот в этом и попытаемся разобраться.

Впервые колесо со спицами было обнаружено «бледнолицыми» в Вайоминге, в горах Биг-Хорн. Оно располагалось на плоской вершине, на высоте трех километров, и сохранилось очень хорошо. Диаметр явно не вигвамный — около двадцати пяти метров. От пирамидальной «ступницы» в центре разбегались двадцать восемь лучей — «спицы». По ободу через неравные промежутки размещались шесть пирамид поменьше. Вся конструкция напоминала гигантский чертеж обыкновенного колеса от фургона пионеров. С тех пор название «уил» — «колесо» прижилось, а кольцо в Вайоминге стали именовать Магическим Колесом Толстороба («биг-хорн» в переводе означает «толстороб», «снежный баран»).

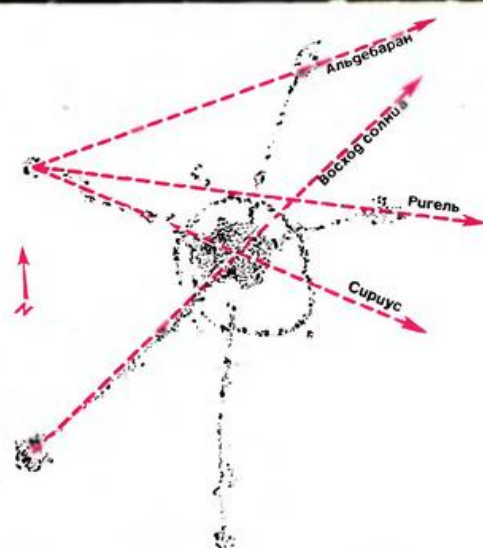
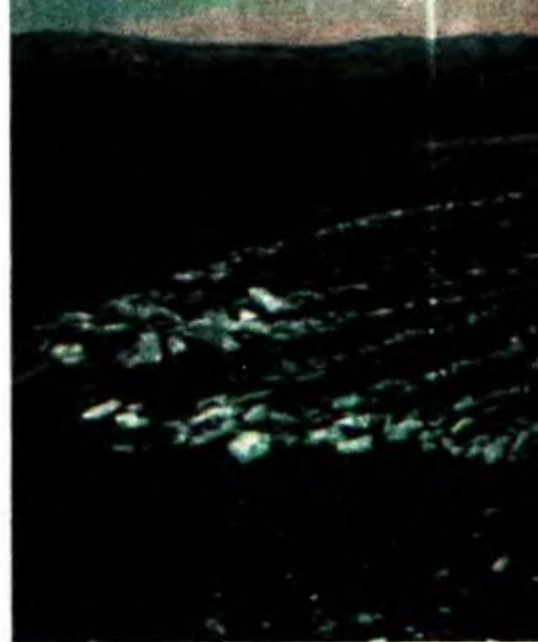
Издавна в этих горах охотились индейцы — кроу, чейены, шошоны, арапахо. Поэтому первые белые разведчики недолго думая приписывали постройку колеса какому-нибудь из этих племен. Значительно позже, в начале нашего столетия, археологи предприняли более тщательное исследование. Увы... индейцы и понятия не имели, кто же все-таки автор магического колеса.

Наконец, в двадцатые годы этнограф Гриннелл заметил, что рисунок Колеса Толстороба напоминает проекцию на землю каркаса знахарского вигвама чейенов — там тоже было двадцать восемь шестов, расходящихся от центрального столба. Вигвам этот сооружался только летом, в день летнего солнцестояния, и на заре колдун племени исполнял в нем «танец солнца». Считалось, что эта ритуальная церемония изгоняет злых духов, а следовательно, служит здоровью людей. И подобные колеса стали называть «медсин уилс», что можно перевести как «медицинские», «лекарские», «знахарские» или «магические».

Находили в Колесе Толстороба наконечники копий и бусины — исследование показало, что кто-то зарыл их меж «спицами» еще до появления бледнолицых в Новом Свете. В одной из пирамидок обнаружили давным-давно обломленный сук дерева. Дендрологический и радиоуглеродный анализ утвердил: сук не мог попасть сюда раньше 1760 года. И все. Больше никаких намеков. Со временем шум вокруг магических колес как-то стих. Пока...

Пока не занялся ими астроном Джон Эдди, уроженец города Боулдер, штат Колорадо. А побудили его заняться этой столь далекой на первый взгляд от основной профессии проблемой два мотива: какая-то неясная пока, но любопытная связь между колесом, «танцем солнца» и летним солнцестоянием — и количество «спиц» — 28. На число 28 обратит внимание любой астроном: оно очень близко к продолжительности лунного месяца в днях. Правда, в действительности лунный месяц длится в среднем 29,53 суток, но древние часто отбрасывали одну-две ночи, когда Луна вообще не видна, и считали, что у ночного светила именно 28 фаз. (Здесь можно вспомнить совсем постороннего Новому Свету человека — Плутарха, который писал: «...жизни Зевсиса было... 28 лет, ибо это есть число меняющихся фаз Луны».) А если учесть, что основной единицей исчисления времени у североамериканских индейцев была «луна», то, право, догадки Джона Эдди имели под собой основания. Догадки же были таковы: может быть, Колесо Толстороба — это нечто вроде ритуальной обсерватории, более примитивной, чем знаменитый Стоунхендж в Англии, но служившей похожим целям? Может быть, пирамиды на кольце поставлены с умыслом и являются собой маркеры точек солнечного восхода и захода? Может быть, индейцы прерий, о которых мы знаем довольно мало, гораздо больше разбирались в небесной механике, чем принято о них думать?

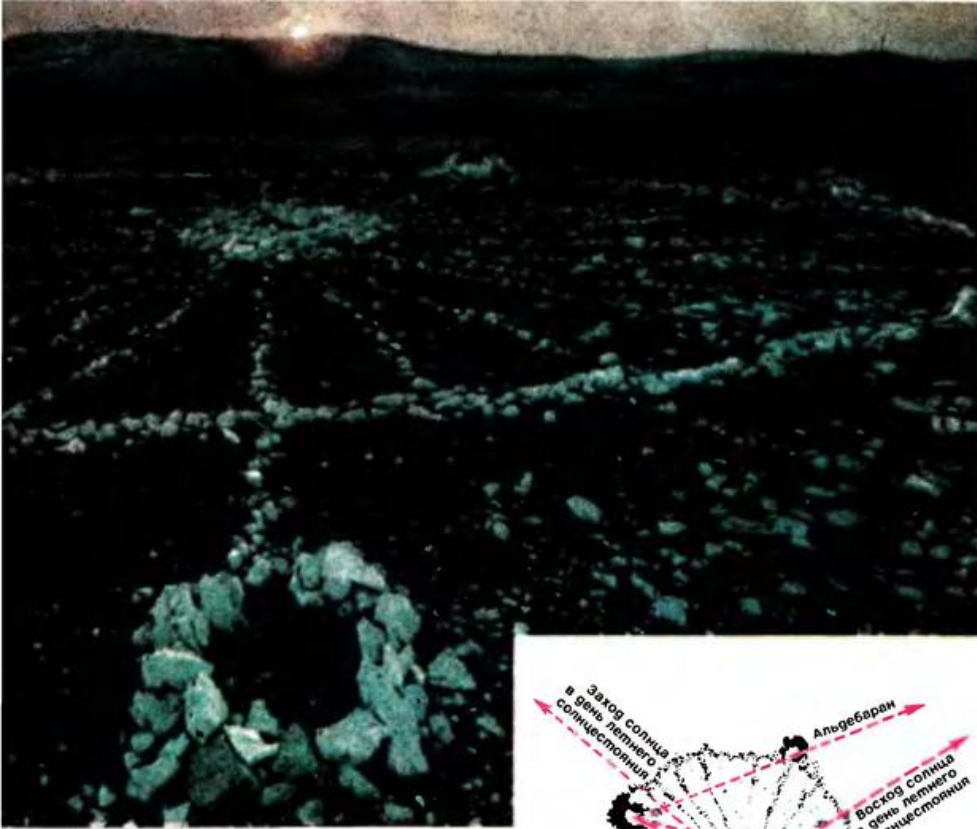
И Джон Эдди отправился в Вайоминг, чтобы проверить свои предположения на месте. Следовало точно

измерить размещение пирамидок, провести от каждой векторы через центральную насыпь и посмотреть, в какие точки горизонта они упрутся.

Небольшой экскурс в астрономию. Известно, что точки солнечного восхода и захода перемещаются в течение года по линии горизонта. В дни осеннего и весеннего равноденствий солнце всходит точно на востоке, заходит на западе. Весной точка восхода отодвигается на север, в июне движение замедляется, 21 июня — в день летнего солнцестояния — восход останавливается и начинает свой путь на юг. Точно то же происходит осенью и зимой, только зимнее солнцестояние означает крайнюю точку движения восхода в южном направлении. Важно здесь вот что: дни солнцестояний — единственные «твердо закрепленные» дни в году, когда восходы и заходы свершаются в точно указанном направлении. Раз отметив его, можно быть уверенным, что и в будущем году, и через два, и через много лет важные моменты перелома весны на лето и осени на зиму не будут пропущены. Это основа солнечного календаря. А перекидных календарей ни у индейцев — создателей магических колес, ни у строителей Стоунхенджа, ясное дело, не было.

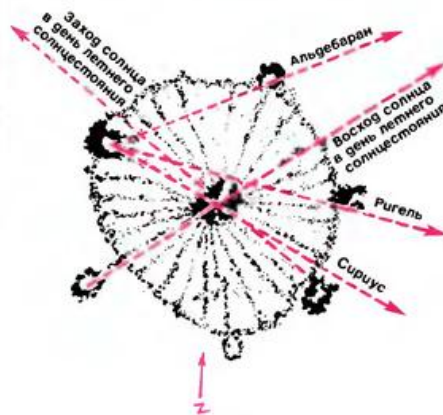
Джон Эдди с женой и детьми отправился в горы Биг-Хорн в июне, за несколько дней до летнего солнцестояния (на зиму нечего было и рассчитывать: декабрьская непогода в

этих суровых краях скорее всего лишит возможности наблюдать солнце). И сразу же неудача: выпал снег, целых двадцать пять сантиметров за ночь, дороги на вершину горы Медсин, как ее стали называть «с легкой руки» магического колеса, не было. И все-таки к нужному дню путь открылся. Пробившееся солнце растопило снег, а ветер сдул остатки влаги с голой вершины. Так получила объяснение одна из загадок колес: их обязательное местопребывание на высоких безлесных холмах и горах. Джон Эдди тщательно отметил на плане направления, взятые от каждой пирамидки через «ступицу» колеса. И вот наконец заветный рассвет.

«На следующее утро в темноте, — пишет астроном, — мы снова тащились по снежному склону. Накануне мы промокли и теперь шли по собственному следу в ботинках, так и не высохших за ночь. Через три часа, когда розовое небо уже медленно светлело, мы, совершенно околочен, скрючились за одинокой, стоявшей вне кольца пирамидкой в ожидании приближавшегося восхода. Уже направление на первые лучи солнца показало, что мы не слишком-то ошибались. А затем, в величественной тишине, появился огромный красный шар — точно в створе пирамид. На жгучем морозе нам было тепло от счастья. Все годы, с тех пор как колесо было построено, восход двигался по горизонту, чтобы являть это поразительное зрелище солнцестояния — только наблюдать его было некому».

В тот же вечер еще одно направление с не меньшей точностью указало на точку захода солнца. Колесо «работало», как работало оно в те времена, когда собравшиеся здесь индейцы ждали начала «танца солнца», только сигнал к нему подавал не колдун, а само светило — вставая из-за горизонта в нужном, заранее определенном месте и в нужный день. Тогда

можно было праздновать начало лета, изгонять злых духов и делать еще много важных для племени дел, потому что в этот день, как утверждали индейцы, «солнце самое высокое, а растущая сила мира самая крепкая».

Эдди сделал и еще один вывод. Видимо, мнение о том, что магическое колесо копировало план знахарского вигвама, было ложным. Скорее наоборот: типы знахарей племени чейенов с давних времен строились по чертежам солнечных колес.

Вернувшись домой, астроном засел за расчеты. Работа была кропотливая и длительная: следовало проверить прочие направления, линии визирования через остальные пирамидки. И открылось удивительное. Прямые, проведенные из одной пирамидки (Эдди назвал ее «прицельной») через три других, безупречно выходили на точки восхода трех ярчайших звезд небосклона: Альдебарана в созвездии Тельца, Ригеля в Орионе и Сириуса в Большом Псе. Важность этих звезд вот какая. В период с 1500 по 1900 год (а именно в начале XVI века, как считают, было построено Колесо Толстороба) Альдебаран мог служить предвестником летнего солнцестояния: он всплывал на небе

как раз незадолго до восхода солнца и очень быстро исчезал, «съеденный» сиянием рассвета первого летнего дня. То же самое происходило с Ригелем через 28 дней после солнцестояния, и еще через 28 дней — с Сириусом. Опять магическое число... А может быть, у индейцев был еще и звездный календарь с неизвестными нам пока звездами-ориентирами? Нет ответа. Как нет ответа и на другой вопрос — о роли отдельных звезд в представлениях древних людей, роли, нами еще не оцененной...

Как бы то ни было, а наблюдения с помощью колеса на горе Медсин родили пока что гипотезу, а не теорию. Гипотеза требует новых и новых проверок, а теория может строиться лишь на воспроизводимости опыта, и ученый Джон Эдди это прекрасно понимал. Поэтому он отправился на поиски новых магических колес, астрономическая ориентация которых совпадала бы с Колесом Толстороба.

К несчастью, далеко не все колеса сохранились до наших дней: часть потеряла «спицы», часть лишилась пирамидальных насыпей. Но вот — удача! Найдено интереснейшее магическое кольцо на вершине горы Мус — Лосиной горы, в южной части канадской провинции Саскачеван. До сих пор среди местных индейцев ходят смутные легенды, что оно каким-то таинственным образом связано с солнцем и звездами. Хотя горы Мус и Медсин разделены чуть ли не тысячей километров, ориентация обоих колес настолько совпадает, что, кажется, будто их строили одни и те же люди. Правда, в Колесе Лосиной Горы осталось всего пять «спиц», но все они заканчиваются каменными пирамидками, и визирные линии те же! Колесо недвусмысленно указывает на восход в день летнего солнцестояния, на Альдебаран, Ригель и Сириус!

Правда, «направления, обозначенные створами «звездных» пирамидок, — пишет Эдди, — на несколько градусов не соответствовали нынешним положениям трех ярких звезд, но ранее это было не так: время сдвинуло их относительные позиции».

Если мы предположим, что Колесо Лосиной Горы было сооружено около 1700 лет назад, то створы были практически безупречны. И в то время, около 300 года нашей эры, Альдебаран мог служить отличным предвестником летнего солнцестояния в этой местности».

Астроархеология — новая наука, в последнее время очень быстро развивающаяся. Широко известны исследования профессора Джеральда Хокинса, обнаружившего точную астрономическую ориентацию многих памятников человеческой культуры — мегалитических сооружений, культовых

построек, храмов¹. «Астроархеология приоткрыла завесу над идеями, — это слова самого Хокинса, — над некой движущей силой, над напряженным интересом к Солнцу и Луне. Сознание человека подпало под могучее воздействие этих космических тел уже 20 000 лет назад, когда с помощью насечек на мамонтовом клыке он запечатлевал фазы Луны. В эпоху резьбы по кости он уже интересовался числами, числа и геометрия владели его мыслями со времен мегалитических строителей до ученых античной Греции... Человек осознавал сложность небесных явлений и окружающей его природы. Он осознавал ход времени».

Пути этого осознания нам еще далеко не ясны. Представим: пещерный человек вглядывается в Луну и последовательно зарисовывает охрой на стене пещеры еженощные превращения небесного тела — непонятные, может, страшные и пугающие, но зачем-то позарез ему нужные. Загадочное «зачем-то»...

Зачем индейцам прерий нужны были яркие звезды неба? Кто они были, эти строители магических колес? Индейцы прерий — общее название для множества племен. Большая часть их — именно те, кто соорудил колеса, — не имела письменности, развитого искусства тоже. Основательных построек почти не возводили, оставили лишь миллионы «колес типа», сколько-то магических колес, ориентированных на Солнце и звезды, и непонятные гигантские фигуры, вычерченные на земле. В XVI веке они встретились с европейцами. Века контактов с пришельцами из-за Большой Воды — смертоносных и «цивилизационных» — уничтожили культуру многих племен индейцев прерий, и бывшие знания, не подкрепленные письменностью, канули в бездну памяти. Нынешние индейцы не знают, как и зачем их предки «вращали» магические колеса. А знать это надо.

Как писал американский естествоиспытатель Генри Бестон, в целях психологического эксперимента проживший год в полном одиночестве на берегу океана, «год на лоне самой природной природы — это свершение могучего ритуала. Чтобы участвовать в нем, надо обладать знаниями о паломничестве Солнца, уметь его чувствовать, обладать тем его ощущением, которое заставляло даже самые примитивные племена отмечать летний предел его пути и последнее его декабрьское отступление... Мне кажется, потеряв это чувство, это ощущение Солнца, мы утратили очень многое...»

¹ Книга Дж. Хокинса «Кроме Стоунхенджа» вышла в русском переводе в издательстве «Мир» в 1977 году. Отрывок из нее под названием «Амон-Ра» мы публиковали в № 4 нашего журнала за 1976 год. (Примеч. ред.)

СЕРГЕЙ БУЛАНЦЕВ

Беловодье, Тебу, Шамбала?..

В зимний день автобус, выкрашенный желтой и коричневой краской под цвет окружающей местности, доставил большую группу индийских и иностранных журналистов в один из северных городов Индии. Сутки назад вспыхнул вооруженный пограничный конфликт, и индийское правительство организовало для журналистов, среди которых был и я, поездку в район боевых действий. В гостиницу мы приехали в сумерки и, измученные многочасовой дорогой, мечтали о горячем душе и теплом верблюжьем одеяле. Поднимаясь в номер на второй этаж, я краем глаза заметил неподвижную фигуру на каменном полу открытой веранды.

Рано утром, спускаясь в ресторан завтракать, я вновь увидел эту фигуру и теперь мог рассмотреть ее хорошенько. На джутовой циновке сидел, бормоча какие-то молитвы, буддийский монах средних лет, в яркой шафрановой тоге, с полускрытыми глазами и отрешенным лицом.

Вскоре к гостинице подкатили «джипы», и мы двинулись в сторону границы. День был крайне насыщенный: нас возили на передовую, мы беседовали с индийскими солдатами и офицерами, посетили полевой госпиталь. Впечатление от всего увиденного было очень тяжелое, и я совершенно забыл о неподвижной фигуре на веранде гостиницы. Каково же было мое удивление, когда вечером я обнаружил монаха на том же месте и в той же позе. Казалось, он даже не поднимался с пола, чтобы переменить позу или размять затекшие ноги. Я подошел ближе и разобрал слова буддийской молитвы «ом мани падме хум» и повторяющееся слово «шамбала».

— Он молится, чтобы мудрые жители Шамбалы остановили кровопролитие, — ответил на мой вопрос знакомый индийский журналист.

ПАЛОМНИКИ В ДОЛИНУ БЕССМЕРТНЫХ

...Есть в горах прекрасная долина, защищенная от холодных ветров. Для того, кто вступает в эту

долину, колесо смерти останавливается, он достигает нирваны и становится бессмертным. Жители Долины Бессмертных мудры и прекрасны обликом. Они способны путешествовать по вселенной и жить на самых отдаленных звездах. Владыка этой долины — бог милосердия Чен-ре-зи — пристально следит за всем, что происходит в мире... Так гласит тибетская легенда.

Горы Куньлунь — место обитания бессмертных. Именно там согласно восточной традиции родились Ну и Куа — азиатские Адам и Ева. В одной из живописных горных долин стоит девятиэтажный дворец королевы Си Ванг Му, целиком построенный из нефрита. Дворец окружен великолепным садом, в котором растет персиковое Дерево Бессмертия. Только люди высшей добродетели удостоиваются права вкусить чудесный плод, после чего становятся вечно юными и бессмертными. В воздухе звучит музыка, хотя нигде не видно ни певцов, ни музыкантов. Достойнейшие утоляют жажду эликсиром юности из бьющего возле дворца источника.

Тебу — это самая прекрасная в мире страна, затерянная в Тибете, повествует даосское поверье. Заснеженные пики гор окружают чудесные долины с реками и водопадами. Обитатели этих долин достигли физического совершенства, обладают высокой мудростью и живут полной духовной жизнью.

Древнейший индийский эпос «Махабхарата» гласит: «На севере Молочного моря есть большой остров, известный под именем Швета-двипа (Белый остров)... Там живут мужи, удаленные от всякого зла, к чести-бесчестию равнодушные, дивные видом, преисполненные жизненной силой...» Другой древнеиндийский источник «Пураны» описывает остров Шамбала, который расположен в центре озера нектара: там высются дворцы и благоухают священные рощи... Достичь его можно на спине божественной золотой птицы.

Во многих тибетских манускриптах таинственная страна также называется Шамбала.

«Есть на свете такая диковинная страна, называется она — Беловодье. И в песнях про нее поется и в сказках называется. В Сибири она, за Сибирью ли, или еще где-то. Сквозь надо пройти степи, горы, вековую тайгу, все на восток, к солнцу, путь свой править и, если счастье от рождения тебе дадено, увидишь Беловодье самолично. Земли в ней тучные, дожди теплые, солнышко благодатное, пшеница сама собою круглый год растет — ни пахать, ни сеять, — яблоки, арбузы, виноград, а в цветистом большетравье без конца, без счета стада пасутся — бери, владей. И эта страна никому не принадлежит, в ней вся воля, вся правда искони живет, эта страна диковинная».

Молода бабка Афия — безрукий солдат при медальях ей быдто сказывал: «Беловодье под индийским царем живет». Врет бабка Афия, врет солдат: Беловодье — ничье. Беловодье — божье».

Так знаменитый В. Я. Шишков описывал старообрядческие поверья о некой таинственной стране.

Красивые сказания, не правда ли? Подождем, однако, отнести их целиком к фольклорному эпосу, к поэтическому выражению извечной мечты всякого народа о мудрых правителях и совершенном государственном устройстве.

Португальский миссионер Стефан Каселла, который прожил в Тибете 23 года и умер там в 1650 году, писал о существовании таинственной Шамбалы. Тибетские ламы прониклись к нему таким глубоким уважением, что даже предлагали ему совершить путешествие в эту запретную страну. Венгерский философ Чома де Кереш провел в одном из буддийских монастырей Тибета четыре года, с 1827-го по 1830-й, и проникся такой горячей убежденностью в реальном существовании Шамбалы, что даже указывал ее географические координаты: от 45 до 50 градуса северной широты, севернее реки Сырдарьи.

Некоторые исследователи Шамбалы полагают, что древнекитайский философ Лао-цзы, автор знаменитого трактата «Дао дэ-цзин», в котором излагается учение о дао — абсолютном, неопределимом, лежащем в основе мира, написал свой труд под влиянием паломничества в Шамбалу. Считается также, что уже на склоне лет Лао-цзы вновь отправился в Долину Бессмертных. Кое-кто из биографов новопифагорейского философа I века нашей эры Аполлония Тианского высказывает мнение, будто бы он тоже посетил Шамбалу. Есть подобные сведения и о некоторых других известных личностях древности и средневековья. На этом пока и остановимся...

«О, СОКРОВИЩЕ В ЛОТОСЕ»

Совсем недавно, в 60-х годах, тибетские беженцы, спасавшиеся от преследований китайских властей, опубликовали в Индии несколько книг по древней тибетской религии бон. В одной из этих книг — «Тибетско-шаншунском словаре» — была приведена некая загадочная карта. Советский исследователь Б. Кузнецов нашел к ней ключ. Оказалось, что на карте изображены страны глубокой древности — государство Элам, Страна саков, Бактрия, Вавилон, Иерусалим, Египет, а также побережье Каспийского моря. Кроме того, на карте обозначена страна Шамбала.

Мне довелось раздобыть репродукцию одного тибетского панно, на котором изображен город Шамбала. Он расположен за двойным кольцом заснеженных гор, причем между кольцами изображены замки и строения в живописных роках, а

в самом центре помещен дворец правителя Шамбалы. Эта картина поразительно напоминает распутившийся лотос, и при первом же взгляде на нее у меня возникла ассоциация с буддийской мантрой — магическим заклинанием — «ом мани падме хум», что в приблизительном переводе значит «о, сокровище в лотосе». Посвящена ли эта молитва Шамбале — не берусь судить, но открывшееся мне совпадение навсегда осталось в памяти.

Алтайские старообрядцы так описывали знаменитому художнику и ученому Николаю Константиновичу Рериху, побывавшему на Алтае во время Центрально-Азиатской экспедиции, путь в Беловодье: «Через Кокуши горы. Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан...»

Время донесло до нас легенду о Хуан-ди, «сыне неба», который осуществлял в долине реки Хуанхэ цивилизаторскую миссию. В третьем тысячелетии до нашей эры, гласят древние памятники китайской письменности, Хуан-ди и его сподвижники, будто бы прилетевшие на Землю из созвездия Большой Медведицы, построили в горах Куньлунь дворец, откуда совершали экспедиции в долину Хуанхэ на удивительных самодвижущихся колясках и делились знаниями с местными жителями.

Старинная легенда особо отмечает, что дворец в горах Куньлунь абсолютно недоступен для сторонних людей, а среди тибетцев до сих пор бытует мнение, будто бы попасть в Шамбалу невероятно трудно.

Многие европейские путешественники приводили случаи, когда проводники из местного населения готовы были скорее пойти на смерть, чем вести экспедицию по намеченному маршруту, оказавшись хоть часть его на некой запретной территории. Если же безрассудный путник все-таки идет вперед, путь ему преградит снежная лавина. Едва он одолеет препятствие, как произойдет оползень или камнепад. Если смельчак и тут не повернет назад, то впереди он обнаружит бездонную пропасть, которая заставит его откатиться от дальнейшего путешествия, ибо ни один нежеланный гость не может попасть в Шамбалу.

«У подножия Гималаев много пещер, и, как говорят, от этих пещер далеко идут подземные проходы. Некоторые видели даже каменную дверь, которая никогда не открывалась, потому что еще не пришло время. Глубокие проходы ведут к великолепной долине», — писал Н. К. Рерих в книге «Гималаи — обитель света». Во всех сказаниях о Шамбале есть общая деталь: жители чудесной страны общаются с окружающим миром, но для этого им не приходится совершать изнурительные переходы по горам, они пользуются разветвленной системой подземных дорог. Поверья старообрядцев гласят, что царство праведных защищено заснеженными хребтами, попасть же в него можно «по особым ходам».

Но пусть человеку дано вступить в Шамбалу, тогда после долгого изнурительного пути взору его откроется прекрасная долина. Забыв на время о легендах, зададимся вопросом: мыслимо ли в принципе подобное в суровых высокогорных краях? И опять свидетельство Н. К. Рериха. Он писал, что во время путешествия по Тибету его экспедиция не раз наталкивалась на живописные долины в таких районах, где обнаружить их казалось совершенно невероятным. В этих оазисах, затерянных среди колоссальных снежных массивов, бьют горячие источники, благодаря которым буйно развивается разнообразная растительность. А вокруг только лед и скалы.

Много времени и энергии посвятил Николай Константинович Рерих изучению народных преданий о Шамбале. По его мнению, сказание о Беловодье у русских старообрядцев и восточное поверье о долине или острове Шамбалы суть родные братья. Рерих считал, что «весть о Беловодье» пошла от калмыков и монголов, то есть из буддийского мира. Интересно, однако, вот что: предание о стране мудрецов в горах существовало не только в буддийской традиции.

ЭКСПЕДИЦИЯ ОТЦА СЕРГИЯ

Эта интереснейшая история была записана в русских летописях, хранящихся в старинном Вышенско-Успенском монастыре на Тамбовщине.

Во времена киевского князя Владимира некий русский монах Сергей провел несколько лет в византийских монастырях. Когда Сергей вернулся в Киев, он рассказал своему повелителю предание о загадочном государстве на Востоке — Королевстве Белых Вод, стране справедливости и добродетели. Князь Владимир был настолько очарован этой легендой, что в 987 году снарядил большой отряд на поиски Беловодья во главе с отцом Сергием — тому было тогда около 30 лет. Князь надеялся, что русская миссия в Королевство Белых Вод вернется в Киев через три года. Однако ни через три года, ни через десять отряд не вернулся. В Киеве решили, что в дальних краях экспедицию постигла злая судьба, и со временем о ней забыли.

Но вот в 1043 году в Киеве появился глубокий старец, который объявил себя монахом Сергием — тем самым, которого покойный уже князь Владимир когда-то послал на поиски чудесной восточной страны. И пришедший поведал пораженным слушателям удивительную историю о своем долгом путешествии в Беловодье.

Отец Сергей рассказал, что к исходу второго года пути многие участники экс-

педиции умерли от болезней либо погибли, животные пали. В какой-то обширнейшей пустыне путникам попало множество скелетов людей, лошадей, верблюдов, ослов. Возможно, именно эту зловещую пустыню описывал академик В. А. Обручев через девятьсот с лишним лет после путешествия отца Сергия: «Фантастические формы скал, по которым, извиваясь, пересекая ложбины, шла дорога, действительно производили впечатление чего-то сверхъестественного, а попадавшиеся изредка отдельные кости, черепа верблюдов и других животных и целые скелеты их, отполированные песчинками до блеска, усиливали мрачный вид местности, лишенной какой-либо растительности».

В конце концов участники экспедиции были так напуганы этими жуткими пейзажами, что наотрез отказались идти дальше. Только двое — самые отважные и выносливые — согласились продолжать путь вместе с отцом Сергием.

К концу третьего года изнурительного путешествия и этих двоих — еле живых от лишений и болезней — пришлось оставить в каком-то селении на попечение местных жителей. Отец Сергий сам был на грани полного истощения, тем не менее путь назад он себе отрезал: либо дойти до цели, либо умереть — третьего не дано.

Еще через три месяца монах достиг границ Беловодья — озера с белыми от солей берегами. Здесь проводник отказался идти дальше, чем-то неизъяснимо напуганный. Отец Сергий остался в полном одиночестве и... все-таки двинулся в глубь запретной территории.

Через несколько дней пути перед изможденным Сергием внезапно возникли два человека. Монах понимал, что они от

него хотят, хотя и не знал языка, на котором говорили незнакомцы. Они ответили Сергию в селение, где после некоторого отдыха он получил работу. Спустя время его перевели в другой поселок, обитатели которого приняли Сергия как брата. Шли месяцы и годы, русский монах приобретал все новые и новые знания...

Как Сергей поведал киевлянам, огромное количество людей из разных стран настойчиво пытались проникнуть в Беловодье, но попытки их крайне редко завершались успехом.

Киевский монах не был единственным русским, отправившимся на поиски сказочного Беловодья. Поверье о «Беловодском царстве» бытовало у русских старообрядцев так называемого «никудашного» толка. Известно, что «никудашники», не признававшие священства греко-католической церкви и не примкнувшие ни к одному из «поповских» старообрядческих соглашений, не раз отправлялись в Беловодье, надеясь найти там дониконовское православие «во всей его чистоте и благодати». В 1903 году Русское географическое общество выпустило брошюру «Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». Ее написал уральский казак Г. Т. Хохлов, который в 1898 году вместе с двумя товарищами совершил далекое путешествие в Палестину, на Цейлон, в Индокитай и

Японию в поисках Беловодья. В предисловии к этой брошюре писатель В. Г. Короленко отмечал, что легенда о Беловодье «не нова и давно уже потрясает простые сердца своей заманчиво-мечтательной прелестью». По его сведениям, на протяжении всего прошлого века «были известны случаи, когда из деревень Алтайского округа (Бухтарминской волости) люди уходили за... границу для отыскания «Беловодья». Далее В. Г. Короленко пишет: «Некоторые из статистиков, исследовавших Алтайский округ, уже в последние годы сообщали пишущему эти строки, что и в настоящее время известны еще случаи этих попыток проникнуть в Беловодию через таинственные хребты и пустыни Средней Азии. Некоторые из этих искателей возвращаются обратно, перетерпев всякие бедствия, другие не возвращаются совсем. Нет сомнения, что эти «другие» погибают где-нибудь в Китае или в суровом, негостеприимном для европейца Тибете. Но наивная молва объясняет это исчезновение иначе... По ее мнению — эти пропапаше без вести остаются в счастливом Беловодском царстве. И это обстоятельство манит новых и новых мечтателей на опасности и на гибель».

Л. ШАПОШНИКОВА,
кандидат исторических наук,
лауреат премии
имени Джавахарлала Неру

РЕАЛЬНОСТЬ И ЛЕГЕНДА

Легенда о Шамбале, Беловодье, Белом острове, о таинственной земле обетованной, полной чудес, вот уже много веков живет и не умирает на просторах Азии. Она привлекала неослабное внимание русских путешественников и ученых. Н. М. Пржевальский в одном из своих трудов писал: «Другой весьма интересный рассказ, слышанный нами... было предсказание о Шамбалыне... обетованной земле буддистов... Вышеназванная

страна есть остров, лежащий где-то далеко на Северном море. В нем очень много золота, хлеб родится необыкновенной величины, бедных нет вовсе».

Известный русский художник, крупный ученый и путешественник Н. К. Рерих во время своей Центрально-Азиатской экспедиции, длившейся с 1923 по 1928 год, собрал большой материал об этой таинственной стране. Тщательно проанализировав его, он пришел к выводу о типологической общности легенд о Беловодье, Шамбале, Белом острове. Различные же названия страны, упоминаемой в сказаниях, свидетельствуют лишь о разнообразии и обширности регионов распространения этой легенды: Индия, Тибет, Алтай... Доктор исторических наук Н. Н. Покровский в докладе, прочитанном им в 1976 году, сообщил о том, что археографические экспедиции, проводимые Сибирским отделением АН СССР, зафиксировали легенду о Беловодье в Восточном Казахстане, а также в долинах верхнего Енисея. В связи с этим академик А. П. Окладников обратил внимание на предание о земле «бородастых людей», распространенное на востоке Сибири. Такая широкая география легенды ставит ее в один ряд с преданием о потопе, реаль-

ность которого подтверждена археологическими исследованиями.

Рассматривать легенду о Шамбале, или Беловодье, однозначно нельзя. Она крайне многослойна, что свидетельствует о ее значительном возрасте. На заре какой исторической эпохи она появилась? Ответить на это трудно. Мы только знаем, как правильно сообщает С. Буланцев, что о ней есть упоминания в буддистских источниках Тибета. Есть много вариантов этой легенды, существует значительное количество подробностей самого разного характера, связанных с ней. Но основная канва может быть найдена в любом варианте.

Н. К. Рерих вскрыл в легенде о Шамбале один из ее древнейших пластов, связанный с эпохой переселения народов. Ученого натолкнули на эту мысль многочисленные сказания о подземных ходах и пещерах, в которые якобы уходили и навсегда исчезали целые племена и народы. Таким образом, заповедная страна превращалась в подземное царство, куда устремлялись эти племена и народы. «Каждый вход в пещеру, — писал в связи с этим Н. К. Рерих, — предполагает, что кто-то уже вошел туда. Каждый ручей — особенно подземные ручьи — побуждает к фантазии о подземных ходах».

Теперь подведем некоторые итоги. Из всего сказанного становится ясным, что легенды о Шамбале — это переплетение вполне земных, реальных представлений (например, о тех же «оазисах» среди горных пиков) с фантастическими рассказами, всплывшими из глубин восточных мифологий. В Шамбале будто бы существует «лекарство правды», приняв которое человек очищает душу от лжи и впредь говорит только правду. Чувствуя приближение старости, жители Шамбалы постятся некоторое время, затем пьют чудесный напиток из родника вечной юности и вновь становятся молодыми. Тибетская молва повествует об «орлиных камнях» Шамбалы, которые исправляют зрение, могут излучать тепло и холод, освещать и свергать окрестности в тьму.

Может быть, все-таки еще раз вспомним ставший уже банальностью древний афоризм о том, что новое — это хорошо забытое старое. Дети XX века, возмевшие фантастическую технику, подчас с изрядной долей снисходительности говорят о своих далеких предках, считая их примитивными созданиями с каменными топорами в руках.

А между тем эти «примитивы» создавали литературно-философские шедевры, которые поражают нашего современника глубиной проникновения в тайны бытия. Вот фрагмент одного из космогонических гимнов Ригведы:

«Тогда не было ни сущего, ни не-сущего; не было ни воздушного пространства, ни неба над ним. Что в движении было? Где? Под чьим покрывалом? Чем были воды непроницаемые, глубокие? Тогда не было ни смерти, ни бессмертия. Не было различия между ночью и днем».

Представления авторов этого гимна о становлении мироздания вписываются и в наши сегодняшние воззрения. А между тем гениальные творцы Ригведы, столь «современно» излагающие происхождение вселенной, жили, как утверждают некоторые ведологи, в пятом или даже шестом тысячелетии до нашей эры. Что касается лам, посвященных в тайну Шамбалы, то они по сей день детально рассказывают о геологических катаклизмах, которые в незапамятные времена разрушили неведомые

теперь континенты в Атлантике, Индийском и Тихом океанах...

Каким образом сохранились эти сведения и насколько они истинны — неизвестно. Но подобная память о «делах давно минувших дней» служит прежде всего предостережением против новых катаклизмов в будущем. А что может быть страшнее катаклизма, которым грозит нашему миру накопление запасов смертоносного термоядерного оружия? Таким образом, символика Шамбалы и в этом смысле вполне современна.

Сольем воедино мифы и легенды о Шамбале — и мы получим, что главная суть их — мечта об избавлении человечества от кошмара суеверий, социальной несправедливости и насилия, мечта о великой судьбе, уготовленной «человеку разумному» на нашей Земле, о добре и искоренении величайшего зла, которое когда-либо знали цивилизации, — войн. В конечном итоге мечта о сохранении для себя и для потомков замечательной голубой планеты, на которой мы живем.

А ведь для нас, людей XX века, такая мечта перестала быть недостижимым идеалом, это — задача, требующая незамедлительного решения.

Продолжая свою мысль, Рерих замечает: «Народ определяет эти проблемы много проще: для них все, что исчезло, отправилось под землю».

Передвижение кочевых народов в отдаленные времена, их исчезновение из мест первоначального заселения, их внезапные появления в неожиданных районах питали народную фантазию, облекали реальные факты прошлого в легендарную форму.

Легенда о Беловодье, на мой взгляд, является более поздним слоем основного предания. Несколько веков назад в России началось староверческое движение. И древняя легенда о заповедной земле счастья и справедливости получила новую жизнь. Русские крестьяне, уходившие от преследований официальной церкви и феодального произвола, мечтали о стране, где кончатся их беды и страдания и где они мирно займутся земледельческим трудом. Они уходили в отдаленные районы Сибири, начинали обживать Алтай. Легенда о заповедной стране продолжала жить среди староверов еще два века спустя. Она обрастала новыми подробностями, реальными и фантастическими, и несла в себе заряд какой-то странной действительности. Люди неутомимо стремились на поиски чудесной страны. Они пускались в трудный, неизведанный путь в одиночку, группами, а иногда целыми «обществами». Крупнейшие русские путешественники Н. М. Пржевальский и П. К. Козлов с пристальным вниманием следили за этими передвижениями. «К лучшим результатам, — писал Пржеваль-

ский, — привели расспросы относительно давнего пребывания русских староверов на Лоб-норе. О них рассказывали нам лица, видевшие собственными глазами пришельцев, явившихся в эту глушь Азии, вероятно, искать обетованную страну Беловодье». Козлов во время своей экспедиции в Монголию и Кам в 1889 году беседовал со старовером Рахмановым, который сам ходил на Лоб-нор в поисках Беловодья.

Путешествия в поисках Беловодья, рассказы о чудесах заповедной страны нашли отражение даже в русской художественной литературе. Короленко, Мельников-Печерский, Шишков на страницах своих произведений запечатлели рассказы странников, будивших воображение не одного поколения русских крестьян. «Но дошли мы все-таки до Беловодья. Стоит там глубокое озеро, да большое, ровно как море какое, а зовут то озеро Лопонским и течет в него от запада река Беловодье. На том озере большие острова есть, и на тех островах живут русские люди старой веры», — рассказывает один из героев романа Мельникова-Печерского «В лесах». Беловодьем русские староверы называли множество мест, где, как им казалось, начинается земля обетованная.

Реальность и легенда шли рядом, часто незаметно подменяя друг друга. И поэтому реальность была похожа на легенду, а легенда на реальность. Такое соотношение легенды и реальности было зорко подмечено Н. К. Рерихом: «В этих оберегаемых и сохраняемых преданиях вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искре фольклора есть кап-

ля Истины, приукрашенной или искаженной».

Пока, к сожалению, удовлетворительной расшифровке не поддается ряд сведений, связанных с легендой о Шамбале, — таких, как данные о контакте Шамбалы с космическими цивилизациями и предания о затонувших материках и погибших культурах.

Очерк С. Буланцева, написанный на основании многочисленных источников, дает нам повод утверждать, что в легенде о Шамбале наряду с фантастическими моментами есть реальные или отражение таковых. Но у читателя должен возникнуть естественный вопрос: существовала все-таки или нет таинственная страна Шамбала, Беловодье, Тебуг?

Ряд редких особенностей самой легенды и ее необычная историческая судьба заставляют нас отнестись к ней серьезно и продолжить ее исследование. Нет ничего более легкого, чем отрицание или тенденциозный подбор доказательств для опровержения того или иного предания, пришедшего к нам из древности. Много труднее осмыслить эти предания, проанализировать их, вскрыть их временной пласт и суметь увидеть реальность, стоящую за ними. Только такой путь может быть плодотворным.

042

ВОКРУГ СВЕТА

1 1978
ЯНВАРЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for torrents.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ — Право на высоту	2-я стр. обл.
В. ВЕСЕНСКИЙ — Входите в Гавану с моря...	6
Н. НЕПОМНЯЩИЙ — «Брендан» пересекает Атлантику	10
В. ОРЛОВ — Затерянный мир Аяна	12
БОРИС ГУРНОВ — Андорра по горизонтали и вертикали . . .	21
Семитонный ватерполист	27
НАДИР САФИЕВ — Высокоширотный вариант	28
С. АРУТЮНОВ, Ю. ФЕЛЬЧУКОВ — Голубые пути цивилизаций .	31
К. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ — Ненадежная улитка	34
АЛАН КЭЙУ — За ягуаром через сельву	41
ЮРИЙ ПЕРЕСУНЬКО — «Забитый гул погибших городов...» .	50
В. НИКИТИН — Земля — вид сверху	54
АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ — Птичий переполох в Вертлове .	56
АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ — Укрощение овода	59
НАТАЛЬЯ БАРАТОВА — Счастливое время дождей	62
Л. ОЛЬГИН — Устрашая ветры и волны	67
УИЛЬЯМ ФОЛКНЕР — Мистраль	68
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Подарки Нового Света	80

На первой странице обложки: КИРГИЗСКАЯ ССР. На горной реке Нарын развернулась ударная комсомольская стройка — возводится Курпайская ГЭС. На крутых скальных берегах Нарына работают молодые монтажники-скалолазы.

Фото Е. Котлова.

В номере использованы фотографии из журналов «Нэйшнл джиогеофик» (США), «Атлас» (Франция).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

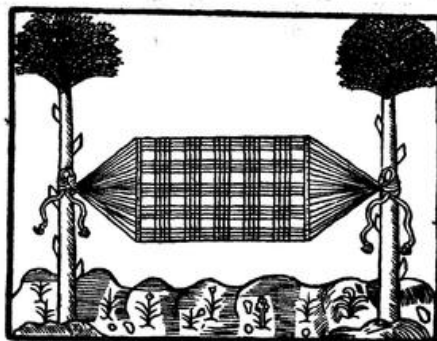
Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1978 г.

Сдано в набор 3/XI 1977 г. Подп. к печ. 12/XII 1977 г. А00807. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 2504 000 экз. Зак. 1966. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

ПОДАРКИ НОВОГО СВЕТА

«Для Кастильи и для Леона Новый Свет открыл Колон» — этот девиз был пожалован в герб Христофору Колумбу испанским монархом.

Помимо необъятных земель за океаном (о необъятности которых имели тогда еще смутное представление и сам адмирал, и его повелители), сначала Испания, а потом и весь мир получили множество диких. Среди даров Нового Света Старому есть блага сомнительные, например табак; есть и продукты, ставшие немаловажными — томаты, кукуруза, картошка, индейка. И еще каучук, каноз, гамак...

Индейцы, увиденные с Колумбовых судов, подплывали к ним на выдолбленных из целого древесного ствола лодках — каноз. В хронике плавания записано: «...их ножи, сделанные из камня, столь же остры, сколь настоящие ножи, и с их помощью они вырезают и отделяют свои лодки, именуемые каноз...» Некоторые из этих каноз, выдолбленные из гигантских стволов, «способны нести от ста до ста тридцати людей».

В «Historia General» — «Общей истории» Овьедо-и-Вальдеса, изданной в 1547 году, изображен на гравюре нагой индеец, гребущий в каноз.

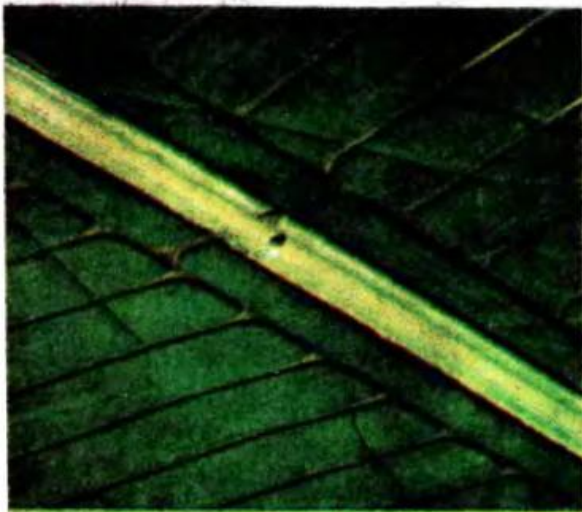
Настоящее индейское каноз сохранилось до наших дней: как и в Колумбовы времена, индейцы-куна в Панаме выдалбливают его из цельного ствола. Только инструменты, конечно, уже стальные. Больших каноз рыбаки-куна теперь не делают; видимо, летописец описал боевые лоды на сотню воинов с запасом оружия.

Приметили спутники Колумба и сети из древесных волокон «амака», в которых спали индейцы. Они подвешивали амака обычно над тлеющими угольями костра: тепло, да и дымок отпугивает мошкву. Отвязанная, она превращалась в объемистый сетчатый мешок, в котором удобно нести скарб бродячего охотника. Моряки сразу оценили ее легкость и прочность.

«Амака» — гамак, наверное, был первым индейским изобретением, которое усвоили европейцы: в тесноте матросского кубрика он не занимал места на полу, как койка, его удобно свернуть, в одну минуту повесить.

Другие «пришельцы» из Нового Света внедрялись в Европе с куда большим трудом. Стоит лишь вспомнить тот же картофель. Да и помидоры не сразу завоевали признание. Но зато завоевали навсегда.

И среди предметов будничной повседневности стали обычными и привычно звучащими для нас древние индейские слова «табак», «маис», «каноз», «гамак»...

Взирать с неба на землю, пожалуй, не менее занимательно, чем с земли на небо. Но если снизу вверх смотрят обычно, чтобы предугадать перемену погоды или полюбоваться звездами (мы не имеем в виду профессиональных астрономов), то даже беглый взгляд сверху дает зрителю обильные сведения о многообразии трудов человеческих на планете.

Правда, едва самолет взмывает в небо и пассажир принимает к иллюминаторам, желая разглядеть, что творится внизу, — узнать родной город, или же зна-

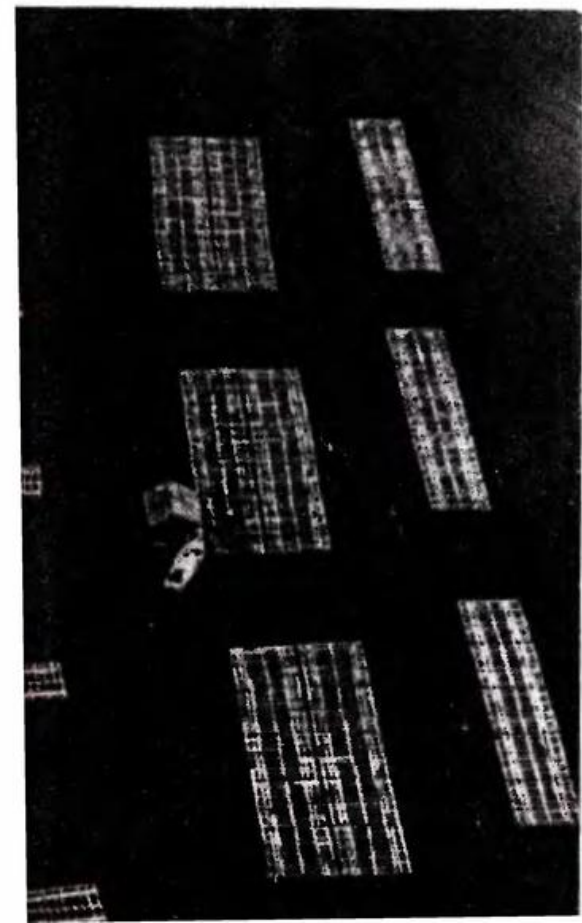
ЗЕМЛЯ — ВИД С ВЕРХУ

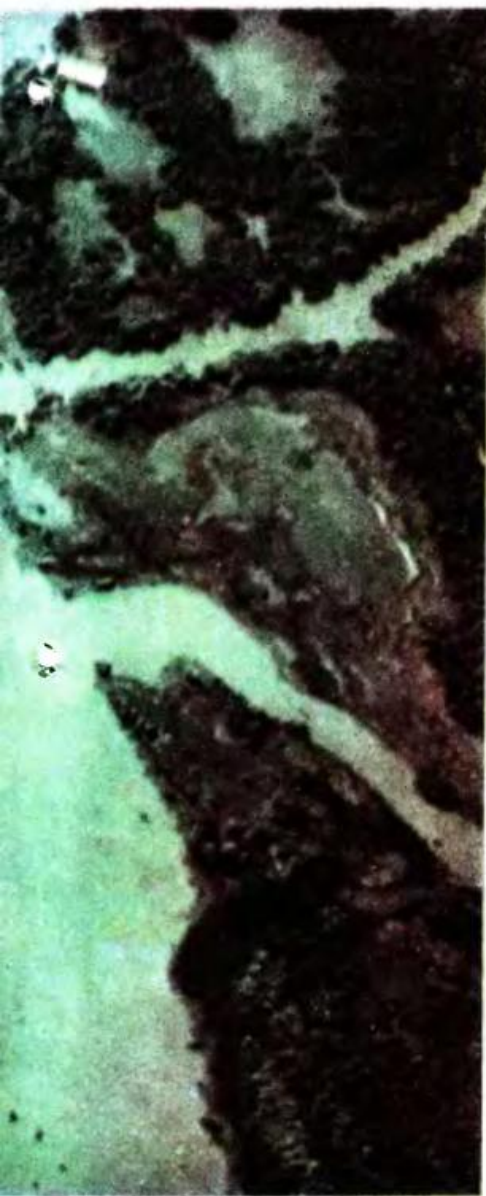
комые поля, или горы, — чаще всего поле видимости затягивается невесть откуда взявшейся облачной пеленой.

Уберем сверкающие кучевые монбланы, мокрую вату серой слоистой облачности, и мы увидим под собой мир, испещренный Знаками Человека — человека пахущего, сеющего, строящего, добывающего полезные ископаемые, возводящего плотины...

Знаки эти, порой ясные, как чертеж, порой таинственные, как иероглифы, уносятся за горизонт, едва отметит их скользящая тень самолета.

Водную пустоту лагуны, лежащей близ тихоокеанского побережья в мексиканском штате Наярит, разбивает почти ровное кольцо, пересеченное двумя парами перпендикулярных прямых. И мало кто может догадаться, что «перечеркнутое кольцо» —

это город Мескальтитлан, возведенный еще ацтеками. Древние строители отвоевали у лагуны жизненное пространство, обозначив его кольцевой границей насыпи, а четыре главные магистрали ориентировали по странам света: у ацтеков — как у майя и инков — астрономические познания в большой степени определяли уклад жизни. Зодчие давно исчезли, а геометрический город в лагуне по-прежнему стоит незбылемо.

На Гавайях, обозреваемых с высоты, взору предстает... колоссальных размеров зеленый лист. Прожилки, как и должно быть, складываются в рисунок, присущий только представителям царства флоры. Однако это мелиоративная система, рассекающая обыкновенную ананасовую плантацию.

Если же взглянуть на залив Аго, омывающий южную часть японского острова Хонсю, на ровной его поверхности можно заметить множество огромных прямоугольников. Феномен получит объяснение, если, расставшись с самолетом, подплыть к нему на лодке. Мы увидим... всего лишь плантацию, где разводят неподвижных и весьма капризных животных под названием «жемчужницы». Можно сказать «плантация», можно — «ракушечная ферма», можно — «завод по производству жемчуга», смысл не изменится. Идея разумная: зачем, собственно, нырять, подвергая жизнь опасности, на глубину в поисках заветных раковин, когда проще высадить эти раковины на плавучие бамбуковые плетенки и затем ждать, пока внесенное в мантию инородное тело не обрасстет полноценным перламутром. А сверху будто плетеные циновки устилают гладь моря...

Цепочки, бусы, ожерелья найдут взгляд пассажира самолета на серо-коричневом фоне выжженной саванны. Так выглядят деревушки народности сонгаи, которая испокон веку занимается возделыванием мила — просяной культуры. Зерна и стебли мила, достигающие порой двухметровой высоты, — отличный корм для скота. Но и зерно и силос надо еще сохранить. Для этой цели сонгаи строят глинобитные башенки занятой формы — сферические, с заостренной верхушкой. Старые и новые хранилища, ограды, хижины, соединенные в улицы, переулки, тупики, и есть россыпь «бус», разбросанных по африканской земле.

Еще лет двадцать-тридцать назад многие — и даже писатели-фантасты — считали, что планета наша с высоты в несколько сот километров представляется глазу космического путешественника совершенно пустынной: приметы человеческой деятельности растворены среди природных форм, и Земля кажется мертвой, неодоухотворенной, нежилой. Реальные полеты космонавтов доказали, что это далеко не так. С орбитальной станции при благоприятных условиях можно увидеть невооруженным глазом — невероятно, но факт! — даже отдельно стоящий дом — дом! — не говоря уже о прочих плодах деятельности человека.

Правда, порой все это собирается в загадочные фигуры, но разгадать их смысл не так уж трудно. Надо только знать, что это — дело рук человеческих...

В. НИКИТИН

АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ
Фото автора

ПЫПЧЫЙ ПЕРЕПЛОД В ВЕРПЛОДЕ

То, что в Вертлове живет необычный человек — незаурядный мастер, я понял задолго до того, как автобус Ростов — Углич привез меня в эту деревню.

Произошло это в Москве, в Манеже, где проходила большая выставка произведений самодельных художников страны. Много там было любопытных вещей: и набор владимирских рожков Василия Борисовича Шиленкова, и соломенные куклы из Пензенской области, и знаменитые драконы таджика Халилова, и необыкновенные изделия из сушеной тыквы молдавского умельца П. Н. Влаха.

Я ходил по выставке и радовался мастерству тех, кто продолжает традиции национальных ремесел, пока взгляд не застыл на экспонате, который, казалось, непонятно как попал сюда, на суд тысяч людей.

Прислонившись к стенке, стоял на подставке вырубленный из деревянного чурбака матрос с румяными щеками и подведенными углем усами и бровями. Глаза его из-под вскинутых бровей удивленно смотрели на меня, словно разделяли мое недоумение. Да нет, матрос не удивлялся, он просто насмехался надо мной и над соседствующими с ним изящными

В 1918 году родился Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи.

Комсомол. Он навсегда связал свою жизнь с жизнью всей Советской страны. Верный помощник партии, он всегда был на передовой линии труда и борьбы. Мы знаем и помним о героях-комсомольцах времен гражданской и Отечественной войн; о комсомольцах, возводивших ДнепрогЭС и Комсомольск-на-Амуре; о комсомольцах, восстанавливавших разрушенные войной города и осваивавших целину; о комсомольцах, чей труд вложен в такие гигантские стройки, как Братская и Красноярская ГЭС, КамАЗ, освоение нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири...

1978 год — год 60-летия Ленинского комсомола, год его славного юбилея.

Люди Ленинского комсомола. Читатель встретится с ними на страницах журнала, прочтет о тех, кто станет делегатом XVIII съезда ВЛКСМ, кто строит БАМ и преобразует Нечерноземье, кто прокладывает новые пути в науке, охраняет и приумножает богатства природы, кто изучает и охраняет культурное наследие народов нашей страны.

В этом номере читатель познакомится: со скалолазами-монтажниками, работающими на строительстве гидроэлектростанций в Киргизии; с учеными-биологами, открывающими природный мир горного плато Путораны; с участниками беспримерного рейса атомхода «Арктика» к Северному географическому полюсу; с молодыми кубинцами, хозяевами XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Гаване.

ЕВГЕНИЙ КОТЛОВ,
наш спец. корр.
Фото автора

право на высоту

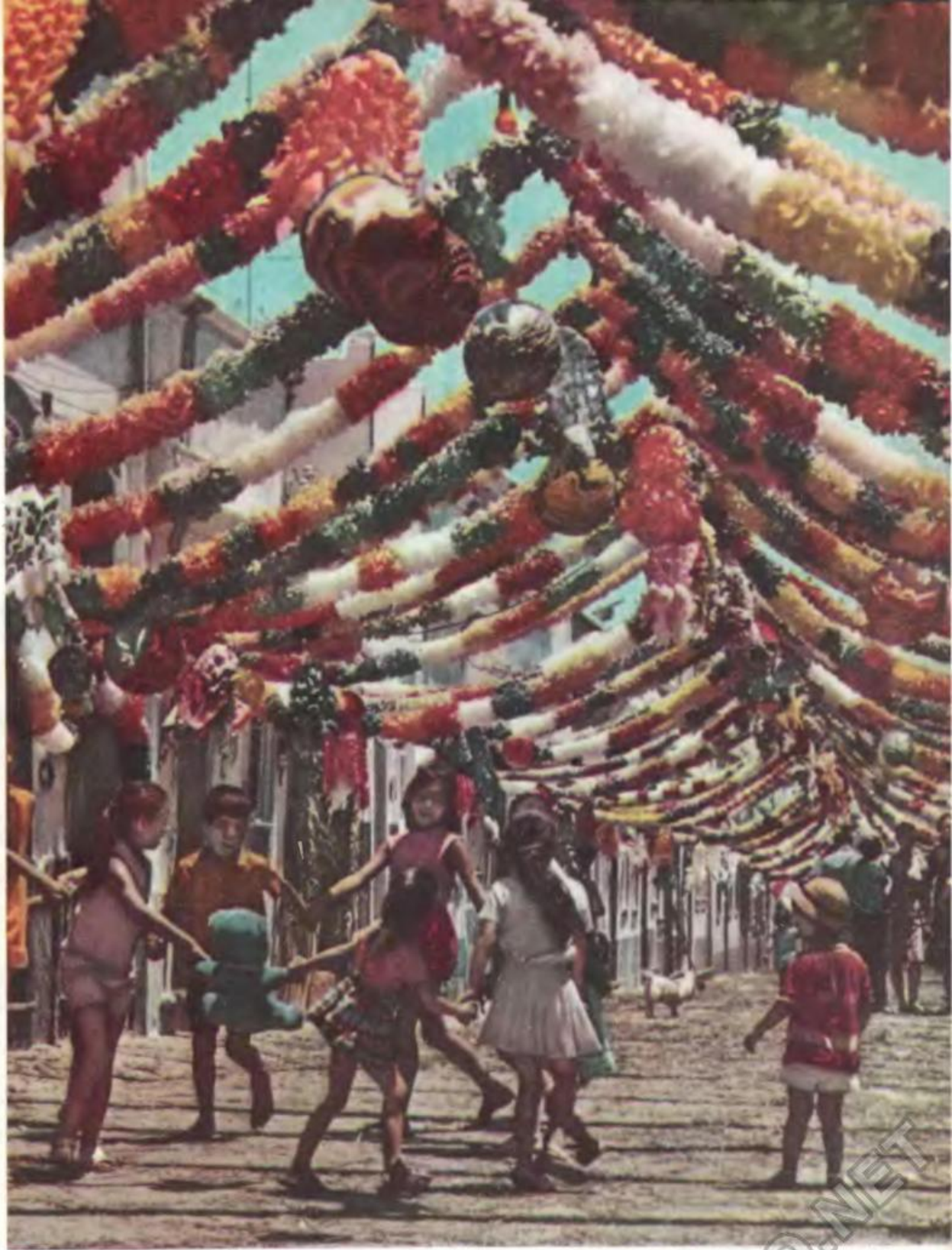
Страницы из жизни Мамаслы Сабирова, альпиниста-высотника, монтажника-скалолаза, строителя гидроэлектростанций на реке Нарын, лауреата премии Ленинского комсомола Киргизии.

Сабиров не удержался на ногах, рухнул на спину и стал медленно вязнуть в снегу. Перевернувшись, сжался в комок до судорог в плечах, уперся руками в снег и бросил свое тело на склон. Ему все-таки удалось встать и заставить себя сделать шаг в крошечную тьму. За ним второй. И, шатаясь от бессилия, пойти туда, куда повел его спуск. Но сзади его нагнал снежный оползень, снова сбил с ног и потащил вниз. Сабиров попытался было сопротивляться снежному течению, но скоро выбился из сил. И, только когда лавина унялась, он пополз, разгребая голыми руками дымящийся от мороза снег. Иногда ему удавалось встать на ноги, и тогда он брел вперед, не переставая твердить:

— Человек там, человек!

Перед самым рассветом Сабиров уткнулся в стену, построенную из снежных кирпичей. Люди

ВОКРУГ СВЕТА

6 1978
ИЮНЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

№ 6 ИЮНЬ 1978

СОДЕРЖАНИЕ

ОЛЕГ ЛАРИН — Предисловие к морю	2-я стр. обл.
Н. ПАКЛИН — Красная земля Анголы	7
МУРАД АДЖИЕВ — Сколько стоит Север?	10
Загадки, проекты, открытия	15, 49
ВЛАДИМИР НЕДОРЕЗОВ — Кто разрубит гордиев узел?	16
ВАЛЕНТИН АККУРАТОВ — В сводке погоды — SOS	23
И. КРУТОВ — Непокорный из Турфлоопа	30
Ю. ХОЛОПОВ — Каравай к свадьбе	37
ДМИТРИЙ КОСЫРЕВ — Такой разный Сингапур	40
В. ДРУЯНОВ — Мир, соразмерный человеку	47
Л. МАРТЫНОВ — Сегодня без вчера	50
ГЕОРГИЙ НИКОЛАЕВ — Следующий...	54
Г. ОГЛЕЗНЕВ — Последняя стоянка Укукая	58
ЖОРЖ АРНО — «Ты с нами, Доминго!»	62
Ю. ВИНОГРАДОВ — Письма из Ольвии	70
Н. ГУСЕВА — «Рука ремесленника всегда чиста...»	74
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Бегемоты вернутся	80

На первой странице обложки: **ПОРТУГАЛИЯ.** Разноцветные гирлянды на улицах, залитых солнечным светом, пары, танцующие «корриндинью», похожую на знакомую нам кадрили, и, конечно же, хороводы гомонливых детей — так выглядит город Ольян, когда сюда приходит праздник св. Жуана — один из многих веселых народных праздников Португалии.

В номере использованы фотографии из журналов «Атлас» (Франция), «Мериан» (ФРГ), «Нэшнл джеографик» (США), «Обсервер» (Великобритания), «Ориентейшнз» (Гонконг), «Эуропа» (Италия).

Главный редактор **А. В. НИКОНОВ**

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), **Г. В. МАКСИМОВИЧ** (ответственный секретарь), **Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ**

Оформление **А. Гусева и Т. Гороховской**

Рукописи не возвращаются Технический редактор **А. Бугрова**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

© «Вокруг света», 1978 г.

Сдано в набор 31/III 1978 г. Подп. к печ. 18/V 1978 г. А05883. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 2 506 500 экз. Зак. 476. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

БЕГЕМОТЫ ВЕРНУТСЯ

Старики отличаются от всех остальных людей не только возрастом. Главное, они помнят времена, когда все было не так: деревья были выше, лето жарче и даже звезды на небе гуще. Поскольку они сами в это свято верят, рассказы их звучат убедительно.

Старики племени сорко, живущего на берегах реки Нигер в Мали, похожи на своих ровесников в других странах. Только вспоминают они золотые времена, когда река Нигер кишела бегемотами. Хотелось человеку полакомиться мясом, он брал копье и шел на берег.

Река действительно кишела бегемотами еще лет тридцать тому назад. А в племени сорко охотников было больше, чем земледельцев. Самые лакомые куски бегемота сорко съедали всей деревней, а остальное мясо продавали соседям. Хватало всем — весит бегемот тонны две-три. Поскольку у самок и детенышей мясо нежнее, охотники-сорко били в основном их. За ламантинами охотились тоже из-за мяса, а за крокодилами — из-за кожи.

Казалось, недалек тот день, когда опустеет река, если бы в наши дни власти Мали и других стран бассейна Нигера не ограничили охоту на речных животных.

И теперь, когда стадо бегемотов греется на отмели, оно может быть спокойно: мы вас не трогаем, вы нас не трогаете. Охотиться ныне можно только на ушедших от стада одиноких самцов, да и то когда они становятся опасными. Бегемоты-ветераны обычно живут сами по себе, а так как их мучают многочисленные недуги, накопленные за долгую жизнь, они постоянно пребывают в мрачном настроении духа и вымещают свою злобу на тех, кто подвернется. Завидят, например, лодку и кидаются на нее, чтобы перевернуть и изломать.

Медно-бурю тушу делят на берегу. Не то, конечно, мясо, говорят старожилы, не такое сочное, не такое мягкое... То ли было в наше время...

«То ли было в наше время!» — станут говорить нынешние ребята, когда они станут стариками, своим внукам. — Можно было целый день плыть по реке и не встретить ни одного бегемота».

И молодые не позволяют себе усомниться в этих убедительных рассказах, хотя им трудно будет представить себе времена, когда в реке Нигер почти не осталось бегемотов...

Г. ОГЛЕЗНЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ СТОЯНКА УКУКАЯ

Быль

Это было давно, четверть века назад, но память отчетливо сохранила все события той осени.

...В тот полевой сезон я, геолог, попал волей случая в район Анадырского нагорья. Там, недалеко от верховий рек Аноя, Чауна и Анадыря, работала одна из партий

Чаун-Чукотского геологоразведочного управления. У геологов кончались продукты, и к ним из Певека вылетал самолет. Взяли и меня.

Я знал, что партия эта исследует малоизученный район вблизи озера Эльгыгытгын, или, как называют его чукчи, Эльгытхын.

Оно-то и привлекало мое внимание.

Еще в 1914 году геолог Полевой, работая на Чукотке, услышал от местных жителей об этом озере. Он хотел добраться до него, но не смог найти проводника. Все чукчи наотрез отказывались идти в эти места. Сергей Владимирович Обру-

чев оказался счастливее своего предшественника: его согласился сопровождать чукча Тнелкут. В феврале 1934 года они тронулись в путь. С Тнелкутом ехала вся семья на нескольких нартах. Двигались по глубокому снегу долины Чауна, затем по горным кручам и через несколько дней достигли цели. Но, приехав на место, Тнелкут заявил, что больше суток здесь оставаться не сможет якобы из-за отсутствия корма для оленей, хотя Обручев своими глазами видел ягель в той котловине, где находится озеро.

Сергей Владимирович высказал потом гипотезу о том, что озеро заполняет кратер потухшего вулкана. Но чем объяснить, что вблизи озера, как говорят чукчи, нет никакой жизни? Дикие олени сюда не заходят, не забегают звери, не залетают птицы, хотя их пролетный путь проходит над этим озером...

Быть близко от таинственного озера и не увидеть его — этого я не простил бы себе всю жизнь.

Самолет шел над большой котловиной. На дне ее светилось озеро, словно полная до краев огромная каменная чаша с плоскими и черными краями. По краям котловины столпились высокие конусообразные горы. От кромки воды до гор не менее пяти километров. Это была наклонная плоскость, полого падающая к озеру. На ней не видно ни одного кустика, ни одной травки. Везде сплошной черный камень.

Конечно же, было загадкой существование здесь такого большого водоема, размеры которого, по Обручеву, достигали 17 километров в длину и 12 — в ширину; озеро было темным, видимо, очень глубоким, исключая узкую зеленоватую прибрежную полосу, где просвечивало дно.

На южном берегу озера, там, где из него вытекает единственная река Энмываам, мы увидели белую палатку. Она стояла у подножия одной из сопки.

Пилот выбрал место для посадки на галечной отмели реки.

К самолету подбежали два человека. В одном из них я узнал геолога Ивана Дмитриевича, с которым был знаком уже много лет. Он приехал на Колыму после окончания геологоразведочного техникума по комсомольской путевке. Открывал первое золото в Берёлёхской долине, потом мы работали с ним в холодном Верхоянье, искали золотоносные россыпи на бурной Адыче. И вот он на Чукотке...

Рассказываю Ивану Дмитриевичу,

что привело меня к ним. Иван Дмитриевич улыбулся и задумчиво сказал:

— Конечно, наши редкие маршруты еще не позволяют сделать окончательного заключения. Но уже сейчас ясно, что этот район, находящийся в зоне вулканов, может быть очень интересным и перспективным. Видишь ли, район сложен в основном вулканическими породами: базальтами, туфами, лапаритами. Шлиховое опробование притоков реки Энмываам обнаружило незначительную золотоносность. Повсеместно в шлиховых остатках были зерна опала, халцедона, пирита, киновари и очень мелких алмазов...

— А почему в этих местах нет никаких зверей и птиц? — спросил я.

— Это и для нас загадка. Ни в долине Энмываам, ни в котловине вблизи озера мы не видели никакой живности. Кое-где встречаются хорошие ягельники, на которых могли бы пастись олени. Но и оленей нет. Даже евражек-сусликов, которые на Чукотке повсюду, и то не видно! Не только не встречали медведей, но не заметили даже их следов...

Мы проговорили с Иваном Дмитриевичем допоздна, не ведая, что завтрашний день готовит нам удивительное знакомство.

По широкой долине реки Энмываам медленно шагает старик, опираясь на длинную палку. Пергаментную кожу его лица избороздили глубокие морщины. Длинные пряди черных с проседью волос спускаются на плечи...

На ногах старика торбаса на толстой подошве из оленьей шкуры. Такую обувь чукчи называют «плекты» и носят обычно зимой. А старик надел ее тогда, когда еще нет снега. Видимо, он сделал это неспроста — собрался в дальнюю дорогу. За плечами его висело ружье.

Старик шел не торопясь, временами останавливался и внимательно смотрел вокруг. Порой он нагибался и щупал рукой ягель. На поводу старик вел двух оленей, которые покорно следовали за ним, на ходу срывая мох. На спине одного оленя, который сильно хромал и шел очень тяжело, виднелось подобие седла из двух мягких валиков; они были привязаны к туловищу животного ремнями подпругой. На спине второго оленя были небольшие переметные сумы. Впереди старика бежала черная лайка с белым пятном на лбу.

Вдруг собака выбежала далеко

вперед, остановилась и по своему обыкновению стала верхним чутьем искать незнакомые запахи, затем громко залаяла. Старик начал снимать ружье, но, присмотревшись, увидел двух человек, которые поднимались по долине кляча. Временами они останавливались и набирали земаю в деревянное корыто, похожее на жирник в чукотском пологе.

Старик позвал собаку и стал с интересом наблюдать за людьми.

Между тем геологи тоже заметили старика и направились к нему. Подойдя поближе, один из них сказал:

— Здравствуй, товарищ!

— Здравствуйте, добрые люди, — на чистейшем русском языке ответил старик и повесил ружье за спину.

Так состоялось знакомство геолога Ивана Дмитриевича с колхозным пастухом Захаром Укуаем. Старик ехал сюда трое суток, бригадир послал его искать новые пастбища. Вначале олени шли хорошо, потом один из них повредил ногу — провалился между камней, стал сильно хромать. Пришлось идти пешком. Хороший ягель тут есть, но старик опасается пастись здесь оленей...

— Почему? — спросил Иван Дмитриевич.

Захар не ответил. Когда же он узнал, что база геологов находится вблизи озера Эльгыгытгын, посмотрел на Ивана Дмитриевича недоверчиво. И спросил:

— Вы там ничего не видели, никто у вас не болеет?

— Пока все в полном порядке, все здоровы.

Старик, похоже, хотел что-то сказать, но передумал.

Вечером вместе с Иваном Дмитриевичем в лагерь геологов пришел Захар Укуай. После нескольких кружек чая и выкуренных трубок, скрепивших взаимную дружбу, старик сказал, что будет сейчас лечить оленя. Мы с интересом стали наблюдать за врачеванием.

Захар накиннул на шею оленя чaut и привязал к одному из толстых кольев, на которых геологи в хорошую погоду сушили мокрую одежду и спальные мешки. Потом вынул из чехла стальной нож, взял оленя за больную ногу и стал чистить рану. Олень сильно брыкался, пытаясь вырвать ногу. Мы видели, что Захару очень трудно. Я не выдержал и решил ему помочь. Только успел сделать шаг, как старик, поняв мое намерение, отрицательно тряхнул головой:

— Не надо. Для старого человека чем труднее работа, тем лучше здоровье. — И он продолжал

свое дело. Вычистив рану, старик обмыл ее и завязал ногу тряпичей. — Теперь все будет хорошо, — удовлетворенно проговорил Укукай, вытирая руки об одежду. — Скоро олень снова повезет меня.

В продолжение всей процедуры собака лежала недалеко от старика и наблюдала за происходящим. Когда старик закончил, она подбежала к оленю и полизала его больную ногу. Олень стоял, низко опустив голову, и косил свой черный глаз на собаку.

Старик погладил собаку и ласково проговорил:

— Какой ты у меня умный, Чаун, все понимаешь. Ладно, иди паси оленей. Да смотри, чтобы далеко не уходили.

Чаун направился к оленям, которые уже пошли искать ягель.

— Хорошая у тебя, Захар, собака, — сказал Иван Дмитриевич, молча наблюдавший за этой сценой.

— Плохую бы не держал. Чаун для меня самый лучший друг. Я взял его, когда остался один. Взял маленьким щенком, назвал Чауном и вырастил...

Укукай направился к палатке. Он все время посматривал в сторону озера, хмурил брови, что-то шептал. Я спросил старика:

— Почему вы так тревожно смотрите на озеро?

В палатке Захар налил себе кружку крепкого чая, набил табачком трубку, уселся, поджав ноги, на оленью шкуру и начал рассказывать:

— Об озере Эльгытхын я слышал многое. Чукчи говорят, что в этой котловине живут злые духи. Один из них, дух ветра, обитает над нами — вон на той горе. Он страшно не любит, когда люди или животные заходят в эти места... Дух воды живет в озере; оно такое глубокое, что никто из людей не доставал дна. Птицы не садятся на озеро: на нем долго не тает лед, и они боятся духа воды. Звери и люди также не подходят к этому озеру — дух воды может утащить их в свое царство. — Проговорив это, старик оглядел каждого из нас, словно пытаясь понять, поверили ли мы его словам. Потом раскурил трубку и продолжил: — Мне рассказывали, что одна чукотская семья поставила ярангу возле озера и решила пожить тут. Вскоре пошел слух, что семья пропала. Сколько ни искали, нигде не могли найти ее. Решили, что люди откочевали в какие-нибудь далекие места, вроде Анадыря или Анюя. Но через несколько лет мой отец случайно забрел к

этому озеру и увидел человеческие скелеты. Дух воды утопил людей, а кости выбросил на берег. Отец в страхе бежал от проклятого озера. Потом всем говорил об этом, просил меня не ходить сюда...

Укукай замолчал, раскурил потухшую трубку и снова стал боязливо посматривать в сторону озера, закрытого туманом. Черные зубцы гор едва выделялись на фоне сумеречного неба. Ничего больше не сказав, Укукай поднялся и пошел от палатки в ту сторону, где паслись олени.

В тот день озеро особенно манило своей красотой. Я уговорил Ивана Дмитриевича спустить на воду надувную лодку и сделать промеры вблизи берега (промеры тоже входили в программу экспедиции). Укукай смотрел на наши приготовления неодобрительно и всячески отговаривал от этой затеи. Но мы его не послушались. Иван Дмитриевич работал веслами, а на мою долю выпало измерение глубины. Укукай подошел к берегу и тревожно смотрел на озеро, не спуская глаз с лодки. С ним был и неразлучный Чаун.

За работой мы не заметили, как лодку постепенно отгоняло от берега. По глубокому небу плыли редкие облака. Одно из них несколько задержалось над озером, и лучи солнца не могли пробить его. Темная тень медленно плыла по озеру. А по краям этой тени солнечные лучи отражались тысячами серебряных блистков...

Внезапно налетел сильный порыв ветра. За один миг все вокруг изменилось. Мы начали усиленно гребти к берегу. Высокие волны каждую минуту готовы были захлестнуть наше суденышко. И захлестнули. Мы оказались в воде. Но лодка не утонула. Она только погрузилась в воду. Мы инстинктивно схватились за натянутые сверху веревки.

Намокшая одежда тянула вниз. Я усиленно работал ногами и руками, но новые волны захлестывали меня и не давали опомниться. Я уже начал терять надежду на спасение, когда почувствовал, что какая-то сила тянет меня в сторону. С трудом открыв глаза, увидел рядом с собой Укукаю. Чаун, сцепившись зубами в мою одежду и упиравшись ногами, тянул меня к берегу...

— Теперь лежи спокойно, — услышал я над собой голос старика. Чаун лизнул мое лицо шершавым языком. Я хотел погладить собаку, но не смог. У меня кру-

жила голова, а правая рука повисла как плеть.

— Где геолог? — спросил я, едва разлепив губы.

— Не беспокойся, твой друг здесь, — ответил старик.

Только тут я заметил, что рядом со мной лежит Иван Дмитриевич. Приподнявшись немного, увидел его мертвенно-бледное лицо. Нос заострился, дыхания не было. Кое-как с помощью Укукай я поднялся на колени. Мы стали делать искусственное дыхание. Я помогал Укукаю одной рукой. Наконец геолог слабо застонал. Мы перевернули его на бок, изо рта хлынула вода. Вскоре он открыл глаза.

— Где я нахожусь, что со мной? — слабым голосом проговорил он.

— Лежите спокойно, — сказал Укукай, с укоризной глядя на нас. — Говорил вам, не надо плавать по этому озеру. Опоздай я с Чауном на одну-две минуты, ушли бы на дно.

Мы молчали.

Буря утихла так же внезапно, как и началась. На небе снова появилось солнышко, но теперь оно было почти у горизонта. Долго мы шли к палатке, я — сам, а Ивана Дмитриевича поддерживал Укукай.

Вечером старик поил нас какой-то жидкостью. Заметив мой недоуменный взгляд, он успокаивающе сказал:

— Это хорошее средство от простуды и ломоты в костях. Чукчи часто пьют отвар этого растения.

Какое это было растение, он не сказал, но мы ему верили.

В знак благодарности Иван Дмитриевич выделил Укукаю из своих скудных запасов табаку и чаю. Потом долго уговаривал старика задержаться с нами еще на несколько дней. После некоторого раздумья Укукай согласился.

— Не больше как два дня. Я пожил бы с вами дольше, но, думаю, бригадир будет сердиться, — сказал старик.

В один из последующих дней мы с рабочим Мишей Сыромятниковым решили подняться на высокую сопку, под которой стояла наша палатка. Приглашали пойти и Укукаю, но он наотрез отказался. Сопка, напоминавшая острый войлочный колпак, была сложена из черных базальтов, изредка прорезанных кварцевыми прожилками. Мы долго поднимались по крутому скучному склону, но вид, открывшийся с вершины, заставил забыть о трудностях восхождения.

Далеко на западе, за округлыми шапками гор по краям котловины,

я увидел высокие пики Илirianейского кряжа, названные позднее горами С. В. Обручева. С юга подступали сплошные цепи сопки Анадырского нагорья. Где-то за ними угадывалось начало большой впадины, в которой текла река Анадырь. Извиваясь между гор, река стремилась на встречу со своими большими притоками Белой, Ерополом и Майном. На юго-востоке была видна река Энмываам, еще робко и неуверенно петляющая по широкой долине, чтобы потом, набрав силу, пропаять себе русло среди крепких лавовых потоков.

А на северной стороне, вплоть до истоков Чауна, плыли все те же округлые сопки...

Долго смотрел я на этот горный пейзаж, стараясь представить картину прошлого этих мест. Видимо, десятки миллионов лет назад здесь действительно было интенсивное извержение вулканов. Мне рисовались бомбы и пепел, столбы удушливых газов, реки горячей лавы, которые застыли, превратившись в лавовые покровы. Многие вулканы потухли. Кратеры наполнились водой. Вполне возможно, что так образовалось и наше озеро...

Мы находились на сопке до тех пор, пока небо не затянуло сплошными тучами. Над котловиной опять свистел ураганный ветер, поднимая на озере огромные волны. Внезапно сверкнула молния, осветив ярким светом горы и озеро. Эхо громовых раскатов отозвалось в сопках. Разразилась настоящая гроза, которая в этих местах, да еще в такое позднее осеннее время, была необычной. Промокшие до нитки, мы быстро спустились с горы. Вбежав в палатку, сбросили мокрую одежду и, завернувшись в какое-то сухое барахло, попросили чаю, чтобы хоть немного согреться. Наливая в кружки чай, Укукай не выдержал и опять стал упрекать нас:

— Я говорил, что на сопке живет дух ветра и не надо его тревожить. Вы не послушались меня... В прошлый раз вы разгневали духа воды... Надо ждать беды.

Мы, признаться, не придали значения последним словам Укукая.

Страшной для нас была эта осенняя ночь.

К вечеру гроза прошла, но озеро все еще не могло обрести покоя. Высокие волны с грохотом дробились о каменный берег.

Укукай был угрюм и неразговорчив. Он молча курил трубку и о чем-то сосредоточенно думал, все время прислушиваясь к шуму озе-

ра. К ночи старик соорудил себе постель, положил под голову валик от оленьего седла. Долго не мог уснуть, ворочался с боку на бок, тяжело и глубоко вздыхал.

«Почему так встревожен Укукай? — думал я, лежа в кукуле. — Неужели он серьезно верит в существование злых духов?»

Среди ночи я проснулся: показало, что кто-то невидимый слегка толкнул меня в бок. Я открыл глаза и стал прислушиваться. Мой обостренный слух уловил отдаленный шум, напоминающий шум деревьев; казалось, он постепенно приближается к нашей палатке. «Что за чертовщина, ведь здесь нет не только леса, но даже кустарника?» Тут я почувствовал новый толчок. В углу звякнули кружки, с примусом упал чайник. «Неужели землетрясение?»

Я выбрался из своего кукуля и хотел поднять тревогу, но не успел. Укукай опередил меня. Он приоткрыл полог палатки и крикнул неестественно громким голосом:

— Спасайтесь! Злые духи пришли за нами! — С этими словами он растворился во мраке ночи.

Иван Дмитриевич, проснувшись, откинул клапан кукуля и тревожно спросил:

— Что случилось?

— Кажется, землетрясение, — ответил я.

Все стали вылезать из спальных мешков и одеваться. В это время налетел такой сильный порыв ветра, что палатка не устояла. Она упала на землю и накрыла нас. Мы пытались удержать ее. Подземные толчки теперь следовали один за другим. Грохот камней, вой ветра, шум дождя... — так продолжалось около часа. Постепенно стало холодать. Теперь на палатку сыпались крупинки снега. Когда ветер немного утих, на землю уже падали пушистые снежные хлопья.

Где Укукай, что с ним? Хотя мы прекрасно знали, что этот природный охотник, сын тундры, не может пропасть ни в какой обстановке, тревожные думы лезли в голову...

Едва забрезжили предутренние сумерки, мы вылезли из своего убежища и отправились на поиски старика. За ночь вся местность преобразилась. Базальтовая чернота скрылась под белизной снега. У подножия сопки мы увидели крупные обломки пород, появившиеся после землетрясения. Прикинув возможный путь Укукая, мы пошли вперед и стали громко

звать его. В ответ на крики откуда-то из долины Энмываам послышался приглушенный лай собаки...

На мелких камнях лежал человек, припорошенный снегом. Его поза была неестественной. Похоже, человек быстро бежал, потом споткнулся и упал вниз лицом, руки выбросил вперед, точно хотел кого-то поймать. Возле человека сидел Чаун и, подняв морду, громко выл. Мы сразу поняли, что случилось непоправимое. Когда мы повернули старика на бок, то увидели, что глаза его широко раскрыты, лицо искажено страхом. Словно видел Укукай перед собой что-то страшное, не мог от него избавиться, сильно испугался и упал.

Мы могли только предполагать, как погиб Укукай. Старик выбежал из палатки. Была темная ночь, слышались подземные толчки, с гор сыпались камни, свистел ураганный ветер. Разбушевавшиеся силы природы Укукай принял за проявление гнева злых духов, в существование которых искренне верил. Он бежал сам не зная куда. Бежал быстро, чтобы уйти от большой беды. Старческое сердце не выдержало такой нагрузки.

Похоронили Укукая на высокой сопке вблизи реки Энмываам. На могиле выложили высокий каменный тур, который был виден издали. Чаун долго сидел на могиле хозяина, потом, печальный, прилепился к палатке...

Остается вопрос: чем же объяснить явления, что имели место вблизи этого озера?

Сильные ветры, которые часто дуют в котловине и которые Укукай считал «работой» духа ветра, — это струи воздуха, выбирающиеся на Анадырское нагорье и спускающиеся к озеру со страшной скоростью. Этот же ветер поднимает на озере огромные волны. Суровой зимой в эту котловину намывает очень много снега, ветер так утрамбовывает и шлифует его, что во многих местах образуются твердые высокие заструги, похожие на дельфины морды, обращенные к северу.

Что же касается землетрясения, которое произошло в ту страшную ночь, то в этих местах они не редкость: здесь проходит вулканогенный Тихоокеанский пояс.

Все это и породило среди местных чукчей легенды о таинственных силах, населяющих озеро Эльгыгытгын.

Но пока остается загадкой: почему район озера не посещают звери и не садятся на воду птицы...

ВОКРУГ ГЛОБУСА

8 1978
АВГУСТ

Scanned by **malshin** exclusively

for torrents.ru

ZHURNALOKO.NET

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЙ БАРАТОВ — Дозор на Вахше	2-я стр. обл.
ВАЛЕРИЙ РЫЖКОВ — Ветер над Эресунном	6
Новости экологии	11, 62
М. ЧЕРТОК — ...и хлеб, и розы	12
Б. ГУРНОВ — Слушают и повинуются	15
А. ЛЕВИНА — Спокойно! Снимаю...	19
Загадки, проекты, открытия	21, 77
ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВСКИЙ — Наш трудный берег	22
И. РОЛЬНИК — Мяч Камен	30
Т. БАТЫРКУЛОВ — Куйган опко	31
АЛЕКСАНДР СУВОРОВ — Вальтер Бонатти: «В сверкающей и молчаливой бесконечности...»	32
ЮРИЙ ПЕРЕСУНЬКО — Пороги	39
А. ГЕНКИНА — Каменная, поваренная, незаменимая...	44
Д. АЛЕКСЕЕВ, П. НОВОКШОНОВ — Как погибла «Святая Анна»?...	51
В. И. АККУРАТОВ. — Комментарий	54
Л. ОЛЬГИН — Ткачи долины Отавало	56
СЕРГЕЙ СМОРОДКИН — Девять суток в пустыне	58
ГАБРИЕЛЬ ВЕРАЛЬДИ — Акция в Страсбурге	63
У истоков познания мира	72
А. МАРШАК — «Он не уступал нам...»	73
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Л. МАРТЫНОВ — Пальмовая веревка из Кано	80

На первой странице обложки. ЭКВАДОР. Пончо, сотканное индейцами отавало.
Заметку «Ткачи долины Отавало» читайте на стр. 56

В номере использованы материалы и фотографии из журналов «Нэчурл хистори» (Великобритания), «Нэшнл Джогеографик» (США), «Уайлдлайф» (США), «Эпока» (Италия).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ
Члены редакционной коллегии:
В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, Э. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-85; литературы — 285-80-58; науки — 285-89-38; писем — 285-88-68; иллюстраций — 285-89-36; приложение «Исатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1978 г.

Сдано в набор 5/VI 1978 г. Подп. к печ. 17/VII 1978 г. А06182. Формат 84×108^{1/16}. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 2500 000 экз. Зак. 980. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сушевская, 21.

ПАЛЬМОВАЯ ВЕРЕВКА ИЗ КАНО

На свете так много видов пальм, что ботаники никак не могут прийти к единому мнению: сколько же их? Одни утверждают, что тысяча двести, другие — тысяча семьсот. Мало какое дерево сравнится по полезности с пальмой: любой ее вид на что-нибудь, да годен. О кокосовой пальме или о финиковой даже говорить не стоит — настолько они всем известны.

Пальма-рафия знакома нам куда меньше.

Любят ее и ценят в Африке и Южной Америке. Ствол у рафии короткий, зато очень длинные — метров по двадцать — листья. В них-то и заключено главное достоинство рафии. В дело идет не весь лист, а только внешний его слой — жесткий и прочный. Только что срезанные листья раскладывают на земле и колотят доской. Два дня на солнце — и верхний слой легко отделить руками. Потом его нарезают длинными узкими полосками. Из них сплетут и корзины, и подносы, и шляпы. И веревки — гибкие, упругие, надежные.

На краю многолюдного и пыльного базара в северонигерийском городе Кано расположился веревочный ряд — лепящиеся одна к другой глиняные клетушки. В клетушках спрятано сырье — полоски пальмового листа и готовая продукция. Заказать тут можно все что угодно. (Разумеется, если это можно сотворить из листьев рафии.) Прейскурант велик — больше ста наименований.

А главное — веревки. В Кано приходят на базар кочевники, торговцы привозят соль в тюках, ткани, слитки железа.

Каждому вьюку — своя веревка. Какому короткая, чтобы только затянуть горло мешка, какому — такая длинная, что ею можно оплести и связать весь груз, который поместится на многотерпеливой спине верблюда. Такой — связанный единой веревкой груз — не развалится, сколько бы раз его ни снимали и ни перевьючивали на столбах.

Средний мастер-канатчик в Кано владеет сотней способов сплести веревку: тончайшие, как шпагат, и толстые — в руку.

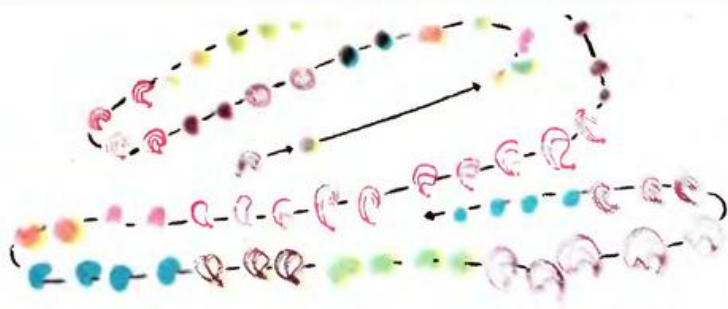
Самый известный в Кано мастер Умару знает секретов плетения раза в два больше, и его изделия не перетираются в пути, не теряют эластичности и не гниют в солоноватой воде пустынных колодезев.

А потому среди товаров, которые увозит из Кано с базара пришедший люд, всегда есть и бухты веревков. Слава их перешагнула пределы Нигерии и достигла самых далеких уголков африканской пустыни.

И спрос на них не спадет, пока существует в древнем городе Кано базар, многолюдный и пестрый.

Л. МАРТЫНОВ

Фото Б. ЯКОВЛЕВА

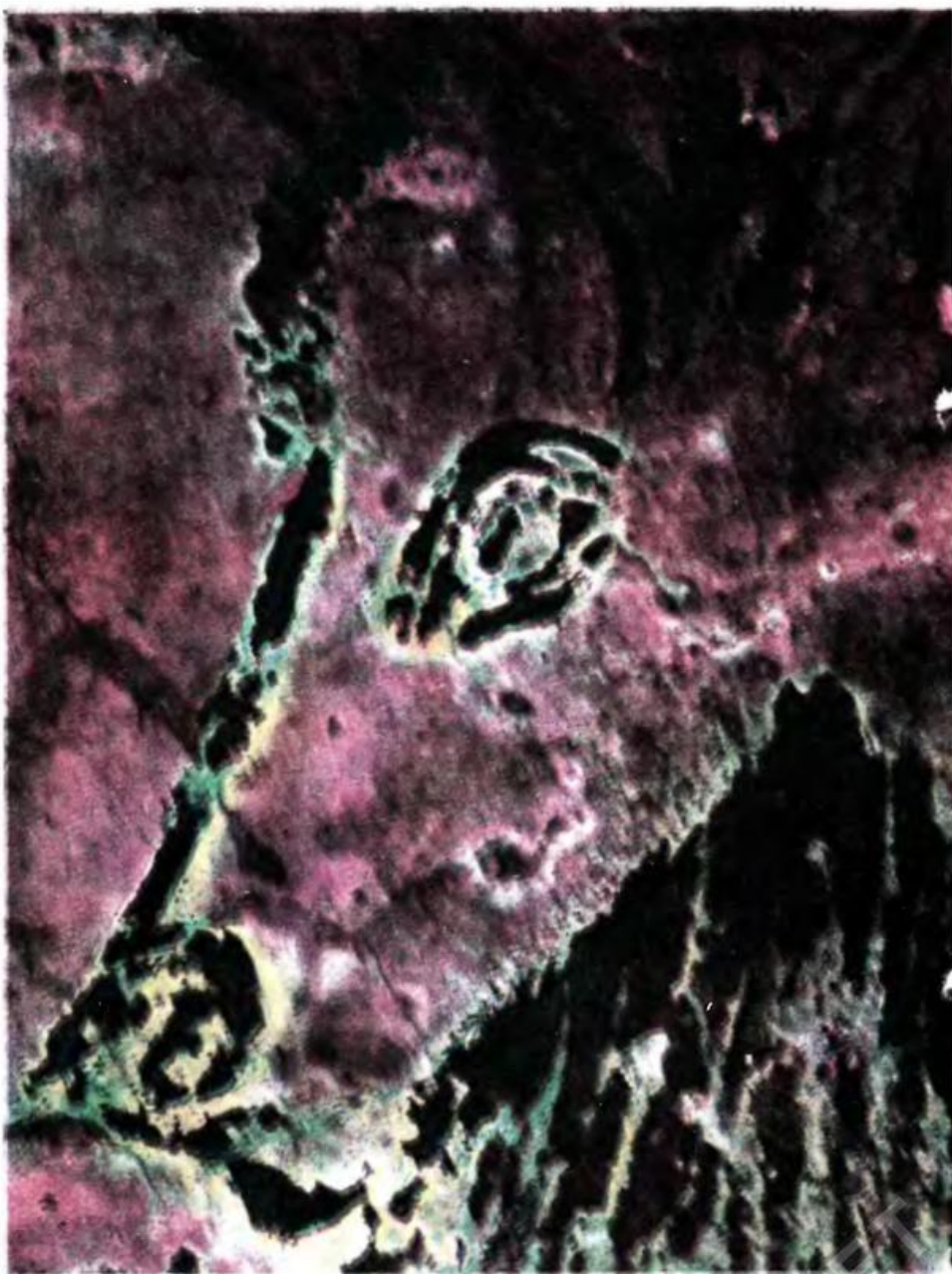
из камня и кости. По этим дошедшим до нас из глубины веков «записям» профессор Маршак пытается восстановить образ мыслей людей, живших 20—30 тысячелетий назад.

Открытие каменного века про-

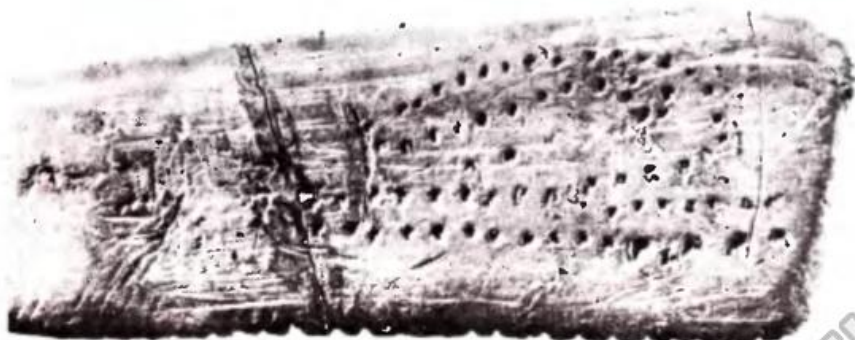
Едва ли не самым великим археологическим событием нашего времени является открытие человека верхнего палеолита. Именно открытие, ибо тот наш пращур, которого рисовало воображение исследователей конца XIX — начала XX столетия, «звероподобный», «инстинктивный»... исчез. Вместо него перед мысленным взором ученых предстал математик и строитель, великий художник и отважный мореплаватель, астроном и путешественник¹.

Это открытие было медленным и постепенным — от факта к факту, добытому кропотливым трудом археологов. Так, например, советский исследователь, доктор исторических наук Б. Фролов, проанализировав огромное количество произведений искусства палеолита, пришел к обоснованному, подтверждаемому математическими данными выводу, что в древнем каменном веке был создан календарь, совмещающий счет дней по Луне и Солнцу. Иными словами, уже в то время была решена задача, над которой бились умы, воспитанные цивилизациями Древнего Египта и античного Средиземноморья.

В прошлом году по приглашению Академии наук СССР в нашей стране работал в музеях и хранилищах Москвы, Ленинграда, Киева и Новосибирска известный американский ученый, профессор Александр Маршак. Его интересовали еле заметные значки, нанесенные рукой нашего далекого предка на изделия

¹ См.: «Кто он, человек каменного века?». — «Вокруг света», 1969, № 10.

должается. Но уже теперь можно сказать, что наш предок был не только разумным в своей повседневной жизни, но и мыслителем, с удивляющей нас — пока — научной смелостью (это современное понятие вполне применимо к временам, отстоящим от нас на десятки тысячелетий), познающий взаимосвязь реального мира, течения времени, хода небесных светил и своего, человеческого, бытия.

У ИСТОКОВ ПОЗНАНИЯ МИРА

А. Маршак: «Он не уступал нам...»

Мои десятилетние поиски были сосредоточены не на физическом аспекте жизни человека палеолита, не на его каменных орудиях или остатках костров и пищи. Я выискивал тонкие, едва уловимые намеки на то, как он думал. И искал мысли, потерянные 30 тысяч лет назад.

Для этого была привлечена

специальная техника. Главным здесь были микрофотографирование и исследования под микроскопом, фотографирование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах.

Я начал с пересмотра огромного количества археологических раскопок прошлого столетия, включая находки, завернутые в старые газеты, ко-

торые хранились на забытых стеллажах и в коллекциях музеев. Затем занялся странными значками и непонятными символами, которые человек оставил на стенах пещер.

Основное занятие людей палеолита — охота, и неудивительно, что многие символы изображают животных. В музее Тюбингена (Западная Герма-

ния) хранится коллекция маленьких статуй животных, найденных в пещере Вогельхерд. Возраст статуэток — около 30 тысяч лет.

Многие ученые считали, что палеолитические фигуры зверей есть только форма охотничьей магии. По этой теории древний человек делал изображение животного и «убивал» его, а затем шел на охоту, заручившись «поддержкой» магических сил. Другие полагали, что изображения зверей были тотемами — фигурами прародителей, от которых по преданиям произошли различные группы и кланы людей. Звери также толковались и как носители полового признака, одни виды — мужского, другие — женского.

Но вот под микроскопом одна из вогельхердских скульптур — лошадка. И оказалось, что ее уши, нос, рот и глаза были аккуратно и тщательно вырезаны, но со временем стерлись. Следовательно, фигурка хранилась и употреблялась владельцем довольно долгое время. Ясно: ее создали не для того, чтобы сразу «убить».

«Записной книжке» на кости более 300 веков. Знаки, нанесенные на ней, считались только декоративными. Но если это так, то зачем, как показал анализ под микроскопом, понадобилось древним мастерам 24 раза менять орудия, чтобы нанести 69 значков то справа налево, то слева направо? Профессор А. Маршак считает, что это лунный календарь, где не просто обозначена «прибывающая» и «убывающая» луна, но велась сложная запись более двух лунных месяцев (стр. 72, вверху — прорисовка).

Изображения на фигуре лошади справа от нее долгое время считались гарпунами, символами охотничьей магии. А. Маршак считает, что это растения, подобные тем, что древний человек рисовал и в других местах пещеры Ласко (слева — фотография пещерной фрески в ультрафиолетовых лучах. Стр. 72—73).

Ритуальный костяной нож из пещеры Ла Ваш с изображением символических картин весны и осени (стр. 75).

Олений рог, найденный в пещере Монгодье. Фото и прорисовка изображений, высеченных на нем (стр. 74—75).

На плече лошади был свежий след, который я истолковал как знак стрелы или раны. Возможно, после длительного употребления она все же была «убита». Но почему? Было ли это привлечение охотничьей магии? Возможно. Но не могло ли это «убийство» служить каким-то другим, символическим целям — таким, как посвящение, заклинание, излечение болезни, празднование прихода весны?

Что бы ни значило это изображение, оно ясно подтверждало: подобные фигурки делались для длительного хранения и употребления в специальных целях. Толковать значки, нанесенные на них, например знак «убийства» на лошадке, можно по-разному. В частности, лунный календарь мог определять время, когда нужно согласно ритуалу принести в жертву животное или начать охоту.

В 1880 году в пещере Монгодье на юго-западе Франции был найден отросток оленьего рога. Вероятно, его употребляли для правки древка копья, а резное украшение рога считалось образцовым примером привлечения охотничьей магии, так как изображенные там животные и рыбы соседствовали с рисунком гарпуна. Изучение

под микроскопом обнаружило нечто иное.

В центре рисунка два тюленя в перспективе. Тюлень-бык и несколько меньших размеров самка вырезаны очень точно, вплоть до усов, линии головы и складок жира на туловище. Рядом с тюленями лосось. На нижней губе рыбы виден крюк, который отрастает у самца во время миграции вверх по реке на нерест, когда их и преследуют тюлени. Хотя лососи больше не мигрируют вверх по французским рекам из-за загрязнения и плотин, даже в недалеком историческом прошлом они были обычным явлением в глубине материка. Миграция лососей начинается каждый год в одно и то же время: спустя несколько недель после первой оттепели.

Слева от лосося изображены три длинных предмета, принимаемых археологами за гарпуны с крюками. Присутствие гарпунов рядом с тюленями и рыбой казалось естественным. Но под микроскопом видно — это не гарпуны: крючки направлены не так, как должно быть у этого оружия. Более того, они кончатся мягкой линией и расположены как листья.

Над тюленихой ясно виден маленький распутившийся

цветок. Рядом с тюленем три насекомых со множеством ног, какие водятся в воде или сырых местах. И, наконец, тут же изображена пара змей с выраженными половыми признаками, что бывает только в период весеннего спаривания. Все вместе это скорее картина, изображающая время года, а не охотничью магию. Микроскопическое исследование показало также, что последней на роге была выгравирована в абстрактной манере голова горного козла. (В композициях каменного века фигуры больших животных рисовались первыми, а менее крупные, второстепенные, и абстрактные значки добавлялись в свободные места или рисовались внутри крупных животных.)

Козел выполнен крайне схематично — это только два рога, два уха и морда. Глаз нет. Под микроскопом видно, что изображение вычеркнуто (или перечеркнуто) знаком X. А вот реалистически нарисованные тюлени и рыба не были «убиты» этим символическим знаком.

Точно такие же схематические и перечеркнутые изображения козла встречаются повсеместно в позднем ледниковом периоде.

Естественно возникали вопро-

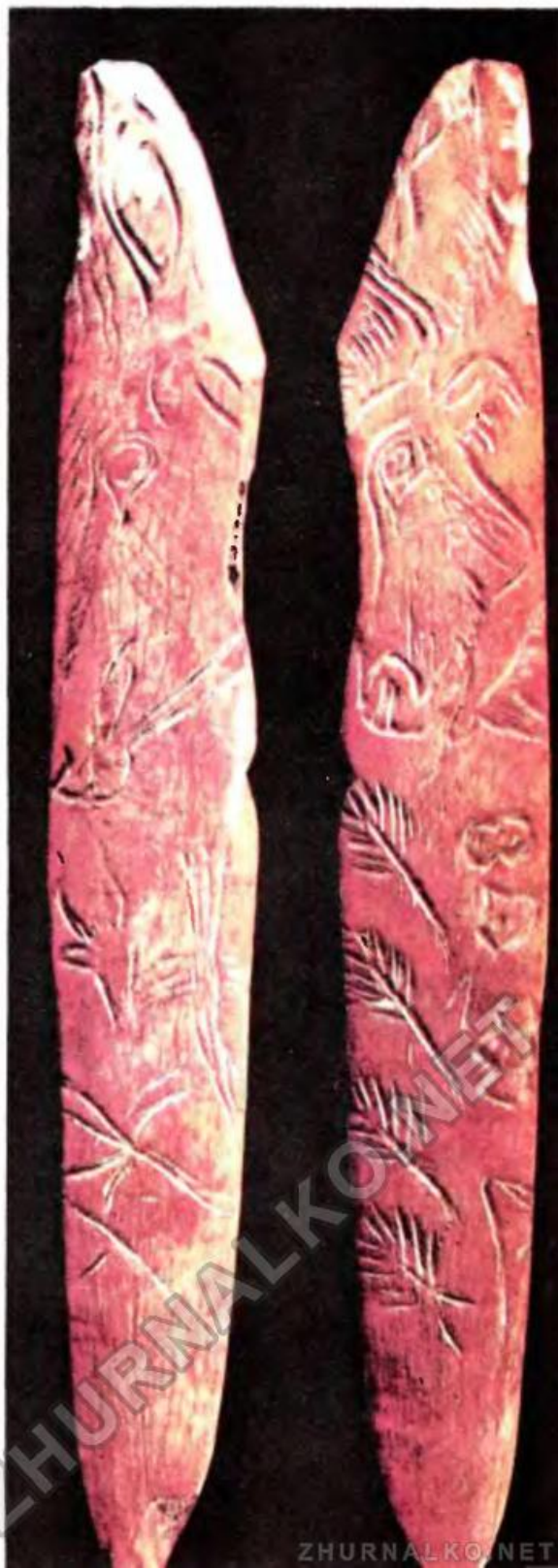
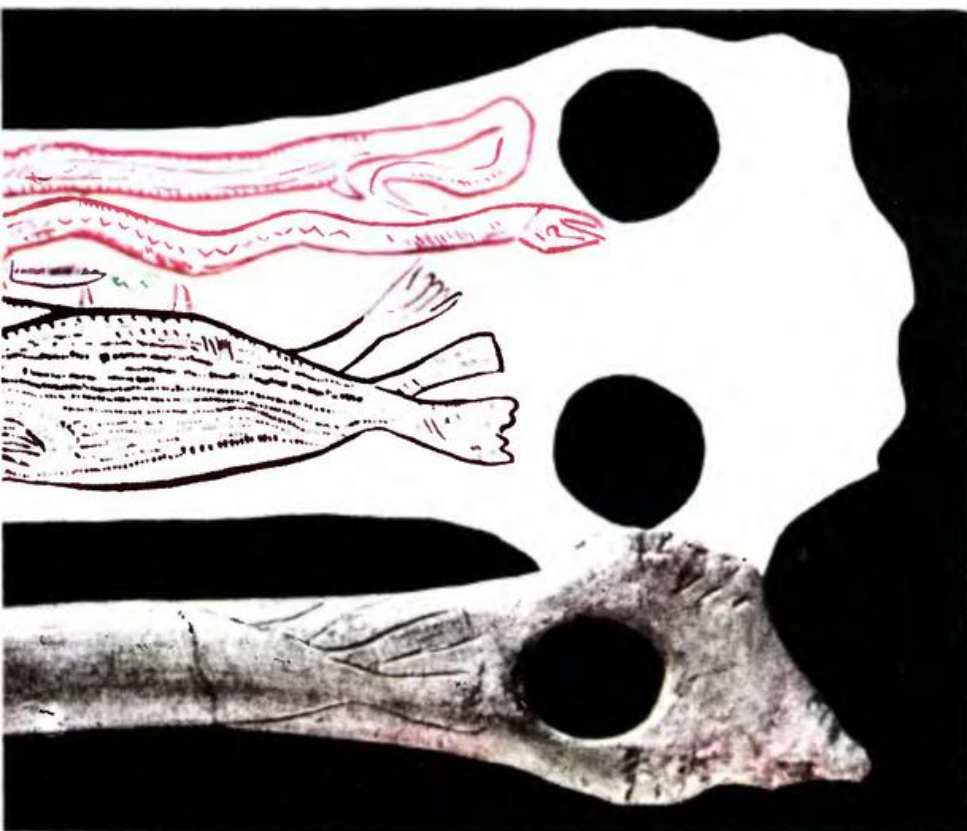
сы: спускался ли козел каменного века со скалистых круч весной пощипать молодые побеги на нижних склонах, как он делает это сейчас в Альпах? Было ли это изображение козла «убито» в знак наступления весны? Мы знаем, что жертвоприношения такого рода стали обычным явлением позднее, в периоды, следующие за ледниковым. Но я убежден, что и в данном случае вырезанный на роге акт «убийства» был совершен как символический ритуал, относящийся ко времени года и поведению диких животных; что схематически изображенная голова козла как бы подытоживала всю остальную реалистическую картину времени года.

И тогда я задался вопросом: а может ли этот вывод служить ключом к загадке пещерной живописи — самого ошеломляющего феномена деятельности человека ледникового периода?

С прошлого столетия спорят ученые о значении пещерного искусства. Изображения, украсившие стены пещер, стали своего рода лабиринтом для гипотез. Стены пещеры — принадлежность всего общества, и художники разных времен, разделенные между собой столетиями и даже тысячелетиями,

могли пользоваться ими. Можно ли, зная это, называть картины на стенах «единными композициями»?

В 30-х годах Анри Брейль, великий исследователь пещерного искусства, предложил рассматривать стили доисторического искусства в хронологическом порядке. По его мнению, это искусство начинается с

примитивных линий и следует к сложным многоцветным картинам. Но если мое толкование резьбы по кости правильно, то прекрасные реалистические изображения животных и соседствующие с ними грубые, схематичные выполнены в короткий отрезок времени одной и той же рукой. Разве не могло быть того же в пещерном искусстве? Тем более что многие краски поблекли и стерлись, а потому неизвестно, что было в оригинале и что теперь утрачено.

Изображение лошади и человеческой руки на стене пещеры Пеш-Мерль.

Я начал с исследования пещеры Пеш-Мерль во Франции. Первый визит в пещеру ошеломляет. Почти физически ощущаешь тишину и густоту воздуха. Огромные, неправильной формы «палаты» были вырезаны в скалах древними подземными реками. Беспорядочно, хаотично выются проходы. И вдруг оказываешься у гладкой сухой стены с нарисованными на ней двумя лошадьми, на которых и вокруг которых красные и черные точки. Внутри одной лошади нарисована красная рыба и большой круг. Над лошадьми и под ними видны отпечатки человеческой руки. Ни на одной лошади нет каких-либо знаков символического убийства.

На другой стене пещеры только красные пятна и один красный отпечаток руки. В другом помещении — восемь абстрактных женских изображений, таких же, какие вырезались на кости, еще красные точки и контуры животных.

В соседних помещениях сотни линий, сделанные пальцами в глине. Они перемежаются со случайными абстрактными фигурами женщин или изображением мамонта. А на другом участке пещеры нет ничего, кроме красных пятен.

просвечивают и таким образом остаются на фотографиях.

Когда я начал исследовать лошадь с пятнами, то обнаружил, что красные пятна, чередующиеся с черными, сделаны разного вида охрой. Очевидно, что пятна разного цвета нанесены на лошадь в разное время. Не пытаюсь истолковать эту странную композицию, я тем не менее мог предположить последовательность, с которой был сделан рисунок. Сначала на стене, контуры которой сами напоминали лошадь, появились рыбы и круг. Затем были сделаны очертания лошади, так вписавшиеся в контуры стены. Потом группа за группой красные точки заполнили лошадь, и, когда там не осталось больше места, черные точки были добавлены над и под ней.

Следом нарисовали другую лошадь и опять медленно заполнили ее группами красных и черных точек. Когда обе лошади были таким образом закончены, вместо точек вокруг них появились отпечатки рук. И так же, как ранее в случае с вогельхердской лошадкой, которую тщательно вырезали, долго пользовались и только потом «убили», и эта стена с нарисованными лошадьми использовалась снова и снова. Трудно сказать, сколько времени это продолжалось. Я не рискую пока высказывать свои соображения о смысле этого «наскального панно», но убежден — лошадей на стенах рисовали не для того, чтобы их тут же «убить и съесть».

Отработав методику ультрафиолетового «видения» в Пеш-Мерле, я занялся пещерой Нио у подножия французских Пиренеев, где находятся одни из самых замечательных образцов искусства каменного века.

В окрестностях Нио открыты два вида рисунков и резьбы — один в основной пещере, а другой на противоположном краю равнины, в маленьком скалистом убежище, названном Ла-Ваш. Я решил сравнить искусство пещеры и убежища и установить связь между различными образцами доисторической фауны и флоры равнины.

Под микроскопом — костяной нож, на котором не видно следов истертости по краям. Вполне вероятно поэтому предположить, что он использовался в ритуальных целях. На одной стороне ножа — изображение оленихи с извивающимися линиями (предположительно сим-

Прежде чем искать немедленные разгадки, я попытался понять, как это все было сделано. Используя специальную пленку и фильтры, я начал фотографирование в инфракрасных и ультрафиолетовых лучах. Я угадывал технику кроманьонца, исходя из материалов, которыми он пользовался. У художника каменного века было два вида минерального сырья: охра, или железистая окись глины, дающая цвета от чисто красного, желтого и коричневого до фиолетового, и марганцевая окись, дающая черный цвет. Часто эти краски можно было найти в самой пещере. Инфракрасный луч проникает сквозь красную охру, как сквозь стекло. Рисунки, сделанные другими красками, становятся видны под ним. Примеси также могут быть определены, так как они не

волом воды), над головой уже знакомый «зачеркивающий иероглиф» горного козла и три абстрактных цветущих растения. Убежден, что все это символическая картина весны. Ибо на другой стороне ножа растения явно другие, возможно, хвойные или сбросившие листья, а также орехи (либо увядшие цветы). Здесь же охотник каменного века изобразил животных с явно выраженными половыми признаками, а также виды растений на разных стадиях роста. Для меня нет сомнения, что эта сторона ножа «осенняя». Подобная же «сезонная» образность открылась мне под ультрафиолетовыми лучами и в живописи пещеры Нио. На стене одной стороны коридора изображена фигура маленькой красной лошади, может быть, жеребенка, с нарисованными внизу уже известными нам символами «гарпуна», которые мы видели на оленьем роге. И здесь тоже это, несомненно, растения с ответвлениями — листьями. И кроме того, лошадь и растения были сделаны той же охрой и, вероятно, создавались как нечто целое. На некотором расстоянии древний художник изобразил какие-то растения: одни растут вверх, как и положено весной, другие, словно увядающие, осенние. Итак, мне кажется, можно сделать такой вывод: охотник ледникового периода изображал не просто растения и животных, но их как бы сезонные образы, причем в точной взаимосвязи друг с другом. Иными словами, он изображал время.

Из всего этого нового материала вытекает, что мышление

доисторического человека было чрезвычайно сложным и удивительно современным. В культуре древнего Homo Sapiens а сплелись действительное и воображаемое, а в ритуальных и обрядовых отношениях с этим миром была последовательность и свой порядок. Искусство, образы и значки были средствами, отражающими эту сложную жизнь, ее познание и участие в ней. И это было характерно для всей той эпохи, где бы ни жил человек.

Я приехал в Советский Союз, чтобы сравнить творчество людей палеолита Запада и Востока. Дело в том, что на Западе очень распространены красочные изображения животных, на Востоке же такие «фрески» исключение¹. Но зато здесь значительно богаче представлен палеолитический орнамент, знаки, геометрические символы. Пока я не могу делать какие-либо выводы о смысле и назначении тех или иных произведений искусства Восточной Европы и Сибири, но бесспорно: несмотря на разницу в изображениях, образ мышления на Востоке и Западе был одинаков в ту эпоху. Люди решали одни и те же культурно-исторические проблемы. И если говорить об истоках человеческой культуры, то оказывается, что, несмотря на то, что Восток и Запад в ледниковую эпоху имели разные чисто художественные традиции, они были одинаково развиты и одинаково сложны.

И еще. Одной из главных целей моего приезда в Москву

¹ См.: «Свидетель из Каповой пещеры». — «Вокруг света», 1966, № 9.

была встреча с Александром Романовичем Лурия, крупнейшим современным психологом, создателем новой науки — нейропсихологии. Метод, который профессор Лурия использовал для изучения мозга, был для меня неоценимой находкой. В сущности, только изучив его работы, я смог грамотно сформулировать задачи своих собственных исследований. Нейропсихология имеет дело с проблемами языка, памяти, счета и при этом соотносит любое проявление интеллектуальной жизни человека с работой тех или иных участков мозга. Но и передо мной тоже ведь лежали продукты деятельности мозга — рисунки, насечки, орнаменты, и я тоже должен был выяснить, до какой степени развит был этот мозг, что он умел, какие знания хранились в нем. И тут уж не имело значения, что в одном случае исследовался мозг современника, а в другом — человека, умершего 25 тысяч лет назад.

И вот, используя методику советского ученого, я пришел к выводу, что человек каменного века обладал мозгом совершенно таким же, как мы сегодня, иначе он не сумел бы создать столь развитую культуру, ему бы не хватило многих участков, обеспечивающих работу языка, способности к символическому мышлению, точных и тонких движений руки. Интеллектуальный мир тех далеких времен был так же непрост, как и наш, нынешний, и человек той эпохи как мыслящее существо не уступал нам с вами...

Публикация подготовлена
Н. ЛЕВИТИНОЙ

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ТЕПЛО, КОТОРОЕ МЫ СОЗДАЕМ

По мнению профессора Вильфрида Баха (отдел климатологии при Мюнстерском университете, ФРГ), воздействие различных видов человеческой деятельности на окружающую среду должно к 2000 году привести к повышению средней температуры у поверхности Земли на 0,8—1,2 градуса. К 2050 году она может повыситься уже на 2—4 градуса.

Основной причиной вероятного и опасного климатического сдвига является быстро растущий выброс двуокиси углерода в атмосферу нашей планеты. Специалисты предлагают разработать ряд мер, чтобы способствовать развитию энергетических источников, не связанных со сжиганием угля, нефти и газа.

ГОРЯЧИЙ ЦЕНТР ГАЛАКТИКИ

Центр нашей Галактики скрыт от земного исследователя большими скоплениями космической пыли. Однако тепловые, инфракрасные лучи сравнительно легко преодолевают это препятствие. Поэтому центр Галактики можно увидеть с помощью инфракрасного телескопа, поднимаемого в верхние слои атмосферы.

Подобные исследования предприняла группа американских астрофизиков. Наблюдателям открылась центральная область Млечного Пути. При этом там был обнаружен неизвестный ранее чрезвычайно мощный источник инфракрасного излучения, очевидно, представляющий собой скопление 10 миллиардов звезд.

И. РОЛЬНИК
Фото автора

МЯЧ КАМЕИ

Когда самолет после долгого перелета опустился в Анадыре, оказалось, что над Чукоткой бушует свирепая апрельская пурга.

Я прилетела на семинар чукотско-эскимосских мастериц прикладного искусства, но вот беда, сами они добраться до Анадыря не могли, небольшие самолеты местных авиалиний в метель не летают. Так мы и сидели: я — в Анадыре, тревожась, что срок командировки истекает, они — в поселках, рассеянных по всей Чукотке, — Нуниаме, Лорино, Лаврентия.

Наконец пурга стихла. Приехавшим женщинам отвели помещение в Доме культуры, выдали оленьи и нерпичьи шкуры, камус, бисер, замшу. Женщины долго рассматривали меха, ре-

шая, что сделать из каждого куска. То и дело кто-нибудь подходил к опытным швеям, чтобы вместе найти форму изделия, подобрать удачное цветовое сочетание и орнамент. Все знали, что лучшие вещи пойдут на выставку в Москву, и потому увлеченность работой подогревалась азартом соревнования. Шили целыми днями, для бодрости прихлебывая крепчайший чай. Расходились неохотно, и то лишь потому, что надо было освобождать помещение. Многие уносили меха с собой, чтобы еще поработать вечером.

Веками чукотские и эскимосские женщины одевали всю семью, шили постоянно, ежедневно, но прежде чем приступить за шитье, надо было снять шкуру с убитого зверя — это тоже счи-

талось женским занятием — и выделать ее. Кроили ножом на доске, положенной на колени.

Вот и сейчас в большой светлой комнате, сидя на полу — так удобнее, — мастерицы орудуют привезенными с собою острыми ножами, кроят сразу, на глаз, без предварительных обмеров. Часами не разгибаясь, вновь и вновь протыкают иглой куски меха. Иголочка с тонкими и крепкими жильными нитками только мелькает в руках мастериц: скорей износится, порвутся торбаса и кухлянка, чем оборвется эта шить. Они вышивают по замше орнаменты белым подшеиным волосом оленя, называют на шить разноцветный бисер, укладывая его в узоры... Как это трудно, понимаешь только тогда, когда пытаешься сделать что-то сама. Иголочка выскальзывает из пальцев, каждый стежок дается с усилием, и проходит много времени, прежде чем на свет появляется вышитая на кусочке оленьего меха кривая, неуклюжая розетка из бисера.

Меня особенно поражает мастерство эскимоски Камен из поселка Лаврентия. Она шьет, словно играет, и при этом все время рассказывает, смеется, шутит. И вот она кладет на стол готовую вещь — черно-белый эскимосский мяч. Он очень похож на тот, что я видела в Ленинградском Музее этнографии. Помню: тот музейный, казался мне уникальным, как археологическая находка. Глядя на него, я ощутила Север, его нетронутую белизну, его пространства. В нем как бы концентрировались основные черты эскимосской культуры — ее ясность, рациональность, лаконизм, своеобразное сочетание суровости и жизнерадостности.

Я ошиблась, считая, что этот мяч неповторим. Вот она, живая, веселая Камен, и вот мяч, который она сшила всего за два дня. В нем то же совершенство и та же загадочность, и я опять пытаюсь расшифровать смысл его рисунка.

На белом фоне мяча Камен резко выделяются черные, слегка скругленные в очертаниях квадраты. Лаконичные, отдельно расположенные элементы белого орнамента внутри этих квадратов напоминают... снежную ярангу. Да, безусловно, это похоже на потукруглое древнее эскимосское жилище. Значит, в каждом квадрате заключено по четыре повернутые друг к другу яранги.

Да ведь это небольшое стойбище! Островки человеческих жилищ, а вокруг белые арктические просторы. Таких черных квадратов с белыми ярангами — четыре. Все они симметричны. И можно предположить, что это стойбища, расположенные по четырем сторонам света. Это — земля, населенная эскимосами...

Темный кружок в верхней части мяча — наверное, магический глаз, который встречается в чукотско-эскимосском искусстве, а может быть, и солнце,

которое светит над миром. Кто знает? Нам хорошо известно лишь одно — в народном искусстве жизненные впечатления часто принимают орнаментальную форму. Стоит вспомнить характер многих северных узоров и их названия — «оленьи рога», «заячьи уши», «рыбьи хвосты». В орнаменте эскимосов заключено то немногое, что человек видит вокруг себя в Арктике — океан, даже летом покрытый льдами, землю, небо и солнце над головой. В орнаменте —

четкость, определенность, твердый, ясный ритм.

Мячи, которыми издавна любят играть чукчи и эскимосы, обычно шьют из кожи и набивают оленьей шерстью. Они бывают разного размера. Надо думать, когда-то и сами игры и мячи были связаны с первобытной магией, имели ритуальное значение. А сегодня мы смотрим на произведение древней северной культуры, и оно несет нам драгоценную богатую информацию о прошлом.

Т. БАТЫРКУЛОВ
Фото автора

КУЙГАН ОПКО

Скотоводы Киргизии с давних времен делают вкусное блюдо. Называется оно «куйган опко», что значит «налитые легкие».

Хозяйка, получив легкие разделанного барана или козла, проверяет, пригодны ли они (если все в порядке, они раздуваются, как мяч), затем берет кусок требухи и пришивает «горлышко» к «сосуду».

Медленно и терпеливо заполняет его хозяйка молоком, кладет немного топленого масла и айрана — для закваски. При этом мягко поглаживает стенки, и тогда легкие «работают» лучше всякого механического фильтра. Постепенно бледно-красный цвет «сосуда» становится белым с лоснящимся металлическим блеском. После этого хозяйка бросает «сосуд» в котел с кипящей водой и через час, аккуратно разрезав «куйган опко» на мелкие кусочки, подает к столу.

Это блюдо рождено кочевой жизнью скотоводов-киргизов. Оно калорийно, не боится ни жары, ни холода и сохраняется очень долго. Не говоря о том, что очень вкусно.

ВОКРУГ СВЕТА

10

1973
ОКТАБРЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

№ 10 ОКТЯБРЬ 1973

СОДЕРЖАНИЕ

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ — На Росомашей реке	2-я стр. обл.
Л. БЕРИНГОВ, С. МИЛИН — Сафари без славы	10
М. ГАЙ-ГУЛИНА — «Калипсо» спасается от айсбергов	15
ГЕОРГИЙ БЛОК — Разговор с метеорологом, или Прогноз прогноза	16
Л. ШАПОШНИКОВА — Долина тысячи богов	20
ДМИТРИЙ БИЛЕНКИН — Пересечение пути	29
Р. САРИМОВ — Нож для Робинзона	34
А. ДРАНОВ — Сто профессий озера Инле	38
Загадки, проекты, открытия	41
ЛЕОНИД БАСКИН — Опасное пастбище	42
Луна и Солнце. Птица питло	45
ДЖЕЙМС ЧЕРРУТИ — Англия у берегов Франции	46
Н. НЕГМАТОВ — Странствия бунджикатской волчицы	54
ДЖОЙ АДАМСОН — Возвращение к свободе	56
С. БАРСОВ — Невозможная реальность	60
ЗЕНОН КОСИДОВСКИЙ — Кони Лисиппа	62
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Запертая комната	65
КАРЕЛ ОПОЧЕНСКИ — е2 — е4	76
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
П. ЗУБОВ — Шамма из Гаму-Гофа	80

На первой странице обложки: БРАЗИЛИЯ. Индейцы из племени мачигенга рассматривает кукурузу, пораженную вредителями.

Еще не так давно — нет тому и пяти лет — индейцы из племени мачигенга, живущие в амазонских зарослях, умели лишь охотиться да собирать в лесу, что природа послала.

Пять лет назад от своих соседей — индейцев племени суавахи — научились мачигенга сажать кукурузу. И превратились в таких заправских земледельцев, что, глядя на работающего на поле мачигенгу, подумаешь, будто занимался он этим всю жизнь, как и деды его, и прадеды...

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефоны для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/VIII 1973 г. Подп. к печ. 12/IX 1973 г. А03083
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 500 000 экз. Заказ 1534. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Суцеская, 21.

ШАММА ИЗ ГАМУ-ГОФА

Всех детей на белом свете родители учат жить. «Уметь жить» — сложный комплекс, и в обучение входят многие «предметы»: от умения поздороваться до выбора невесты. Часть наук дети проходят в школе, а часть — дома. Маленького масая в Кении или Танзании учат пасти скот, а маленького эскимоса — охотиться. Сначала ребенок играет во взрослые занятия, потом помогает старшим, потом сам работает и, глядишь, уже учит собственных детей тому, что им в жизни пригодится.

Маленький дорзе (дорзе — народ, живущий в провинции Гаму-Гофа на юго-западе Эфиопии), конечно же, ходит в школу, где постигает премудрости таблицы умножения, родословную правящей в стране Соломоновой династии и начатки древнего языка геэз, на котором написаны молитвенники. Но ткацкое ремесло — главное дело его будущей жизни — он изучает дома.

Дорзе возделывают хлопок, лучший в Эфиопии, с длинными волокнами, нежный и шелковистый. Точнее говоря, полевая работа — женское дело, мужчины только вспахивают поле. Поэтому девочку-дорзе учат сажать хлопчатник, ухаживать за ним, собирать и очищать хлопок.

Когда хлопок собран, наступает очередь мужчин. Они прядут нити, красят их и готовят станки (которые вряд ли изменились с тех пор, когда царица Савская собиралась в дорогу).

А мальчики сидят рядом со взрослыми, наматывают нити на свои веретенца (как вы видите на 3-й странице нашей обложки). Веретенце маленькое, но настоящее. Время от времени отрывается отец от работы и проверяет качество нити. Не понравится — заставит снова все переделать (и не один к тому же раз).

А вот маленьких станков ткацких у дорзе нет. Сын стоит и смотрит, как тклет отец. Работа у него подсобная, но ответственная: тут узел завязать, там нить продернуть. Иногда же отец пускает его на свое место, а сам придиричиво следит за качеством сыпной работы. Одна-единственная ошибка — и несколько дней даже думать не смей на станке поработать! Работа ведь тонкая: дорзе изготавливают лучшие в Эфиопии шаммы — национальные накидки, заменяющие абиссинцам и пиджак, и пальто.

Дорзе не любят трудиться в одиночку, и в хорошую погоду ткачи работают на улице, чтоб можно было с соседями поговорить, а то и попеть за работой хером. Мальчишки ходят от станка к станку и у каждого мастера учатся тому, что он лучше всех умеет.

Продавать шаммы в город дорзе ходят тоже группой, вместе веселее, да и насчет цен и тому подобного всегда артелью договориться лучше. Вместе со взрослыми идут и их сыновья, ведь в жизни все уметь надо: и соткать шамму, и выгодно ее продать.

П. ЗУБОВ

жают нечто неизменное, то есть вся жизнь, во всех ее проявлениях. В цивилизованном мире нет ничего, кроме человека. Я думала: только бы мне удалось помочь этому неизменному, вечному, для начала помогая сохранить жизнь диким животным. Ведь они ключ к пониманию всего, и если бы мне это удалось, я считала бы, что собственная моя жизнь не прошла даром.

Теперь я была ближе, чем когда-либо, к разгадке до сих пор неведомых фактов жизни гепардов, например, их поведения в период полового созревания, но мне запретили дальше проникать в эту тайну — я обязана была подчиниться предписаниям администрации заповедника.

На следующее утро весь парк потонул в густом тумане. Мы прошли по следу гепардов больше трех миль, и снова я звала: «Пиппа, Пиппа, Пиппа, Пиппа». Наконец я увидела сидящего на дереве гепарда. Некоторое время я наблюдала за ним, но он не трогался с места. Я опять позвала,

но зверь не обратил на мой зов никакого внимания. Что же это такое? Если это один из наших трех гепардов, то где же остальные, а если гепард дикий, почему он не убегает? Я оставила своих помощников на месте, а сама потихоньку стала подходить поближе к гепарду — и вдруг узнала Уайти! Очевидно, она услышала знакомое имя Пиппы и пришла сюда. Она была жива и здорова, стала очень большой, но до сих пор сохранила все обаяние младенчества.

На всякий случай мы носили с собой банку сгущенного молока, я теперь и дала его Уайти. Прошло два года и три месяца с тех пор, как я кормила ее в последний раз, с тех пор я видела ее всего однажды, год назад, когда она была на сносях, и все же, несмотря ни на что, она подошла ко мне так доверчиво, как будто мы никогда не расставались, и стала лакать молоко. Потом она уселась на поваленном дереве, так что силуэт четко рисовался на фоне неба — мож-

но было подумать, что она специально позирует для фотографии. Я дала ей еще молока, поднесла мисочку прямо к морде: тут она негромко зарычала, но все же вылакала молоко без остатка. Но вот она пристально осматрела окружающие заросли, потом спрыгнула с дерева и скрылась — ушла в свой мир.

Глядя ей вслед — она уходила не торопясь, — я почувствовала ни с чем не сравнимую радость. Уайти жила на свободе уже больше двух лет. Я подумала, что теперь, может быть, она возвращается обратно к своим детенышам. И все же она признала во мне старого друга, хотя и не проявила ни малейшего желания вернуться в свой прежний дом. Если бы мне пришлось в голову желать награды за все мучения, которые пришлось пережить за последние годы, это и было бы величайшей наградой, какую только можно придумать.

Некоторое время спустя мы встречали всю нашу тройку в погоне от этого места. Интерес-

С. БАРСОВ

НЕВОЗМОЖНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В 1927 году американский археолог Ф. А. Митчел-Хеджес вел раскопки обнаруженного им Лубантуна — «Города упавших камней», древней цитадели майя в джунглях Британского Гондураса. Больше недели он с помощью дочери Анны разбирал остатки массивной стены, рухнувшей на алтарь в одном из тамошних храмов. Еще бы, ведь под грудой камней могли скрываться неизвестные науке барельефы и рисунки, которые, возможно, прольют новый свет на многочисленные загадки исчезнувшей культуры. Однако в тот день Митчелу-Хеджесу суждено было лишь прибавить к ним еще одну неразгаданную тайну. Археолог уже собирался отправиться на отдых, как вдруг в сумрачное помещение упал луч заходящего солнца, и под ним в гряде щебня и мусора ярко засверкал какой-то предмет. Ментально были забыты и усталость, и ободранные в кровь пальцы. Неужели какое-нибудь золотое украшение? Митчел-Хеджес принял осторожно, по камешку разбирать завал, который, может быть, скрывал неведомое сокровище.

Нет, это было не золото, но ценность находки от этого не уменьшилась. В руках у археолога оказался женский череп из... полированного кварца. Местами, в

нем просвечивали дымчатые пятна и маленькие шарики, словно пузырьки воздуха.

Даже мельчайшие детали были выполнены со скрупулезной точностью. Все вместе это придавало пятикилограммовому камню поразительный вид чего-то живого. И не просто живого, а мрачного, рокового. Позднее Митчел-Хеджес пришел к выводу, что череп играл немалую роль в религиозных обрядах майя, будучи тем самым «Черепом смерти», о котором упоминается в древних преданиях. В тайных покоях своих храмов верховные жрецы майя якобы часами всматривались в него, желая погибели своим врагам. Эта версия и послужила поводом назвать находку Митчела-Хеджеса «Скал оф дум» — «Черепом смерти», или «Черепом рока».

Впрочем, его необычные качества были полностью раскрыты позднее Фрэнком Дорландом, искусствоведом-реставратором, шесть лет изучавшим череп из Лубантуна. Сделанные им открытия не менее удивительны, чем находка Митчела-Хеджеса. Во-первых, как установил Дорланд под микроскопом, череп первоначально был высечен из целого кристалла кварца без применения металлических орудий, а затем отполирован смесью скорее всего кремниевого песка и кварце-

вой крошки, приготовленной в виде пасты. На это, по его мнению, потребовалось никак не меньше трехсот лет. Далее, нижняя челюсть весьма подвижна, поскольку она закреплена в полированных гнездах. Если череп свободно подвешен в воздухе, то достаточно незначительного усилия, чтобы челюсть начала двигаться, создавая тем самым впечатление человеческой речи.

Однако самое поразительное даже не в этом. За сотни лет до появления современной волоконной оптики и физики световодов древние мастера сумели добиться сходного оптического эффекта с помощью сложной системы призм, линз и полых каналов. Например, свеча, помещенная под висющим черепом, заставит заблестеть его глазницы. При соответствующем навыке можно даже добиться, чтобы из них шли тонкие лучики света. Наконец, если свечу заменить какими-нибудь предметами, то при определенном положении они будут проецироваться в глубинную черепу.

В результате исследований Дорланд выдвинул собственную версию происхождения «Череп смерти». По его мнению, он был изготовлен в Древнем Египте или Вавилоне и лишь гораздо позднее привезен в Центральную Америку. Майя же завершили его полировку и усовершенствовали систему призм и линз. «Можно себе пред-

но, видели ли они Уайти и как они отнеслись друг к другу при встрече? Может быть, Уайти встретила их по-матерински, а может, увидела в них чужаков на своей территории? Или, может статься, она заинтересовалась Биг-Боем и Тайни, а с Сомбой начала сражаться как с соперницей?

Пообедав, гепарды отправились отдыхать. Вскоре они так разоспались, что им уже не мешало мое присутствие, и я сидела рядом, рисовала и фотографировала. Да, это было невероятно трудно — оставаться верной своим правилам и не прикасаться к гепардам, особенно когда шелковистый хвост Сомбы скользнул по моим ногам. Но я вспомнила Уайти и снова подумала, что никогда нельзя быть эгоистичной в любви к этим малышам, если я хочу, чтобы они так же счастливо жили на свободе, как прежние дети Пиппы.

На другой день мы опять до полудня занимались поисками. Это был пятый Новый год с тех

пор, как я основала свой лагерь, чтобы жить с Пиппой и ее детьми в заповеднике Меру, и, как ни печально, это рождество было для нас последним в этих местах. Всю жаркую пору гепарды отдыхали, иногда разрешая мне сидеть поблизости. И на этот раз мне была предоставлена эта привилегия, причем Сомба больше не настораживалась и даже время от времени дотягивалась лапами до моих ног. Тайни меньше других одобрял такую фамильярность — а ведь ему было прекрасно известно, что он мой любимчик. По сравнению с Биг-Боем он до сих пор казался очень хрупким, но зато всегда был оживлен и очень мил.

Я села совсем близко к Тайни. Вот он поднялся среди волнующейся травы, словно врезанный в яркую синеву неба, сгущенную сиянием вечернего солнца, — трудно было вообразить себе что-либо прекраснее! Но для меня это было нечто большее, чем великолепное дикое животное среди величественной африканской

равнины. Мне показалось, что мы перенеслись в те далекие времена, когда человека и зверя еще соединял дружеский союз, когда они доверяли друг другу. Но я знала, что через несколько дней все это волшебство должно быть разрушено и мне нужно заранее подготовить Тайни к той жизни, в которой он не должен доверять другим людям, — тогда он не попадет в беду. И теперь я старалась растянуть эти драгоценные минуты, с болью думая о том, что скоро, слишком скоро они превратятся всего лишь в дорожное воспоминание.

Но я, по крайней мере, имела право утешать себя тем, что дети Пиппы смогут жить совершенно свободной жизнью среди дикой природы, что я оставляю их в прекрасном состоянии и они вполне подготовлены к любым неожиданностям, что бы ни выпало им на долю.

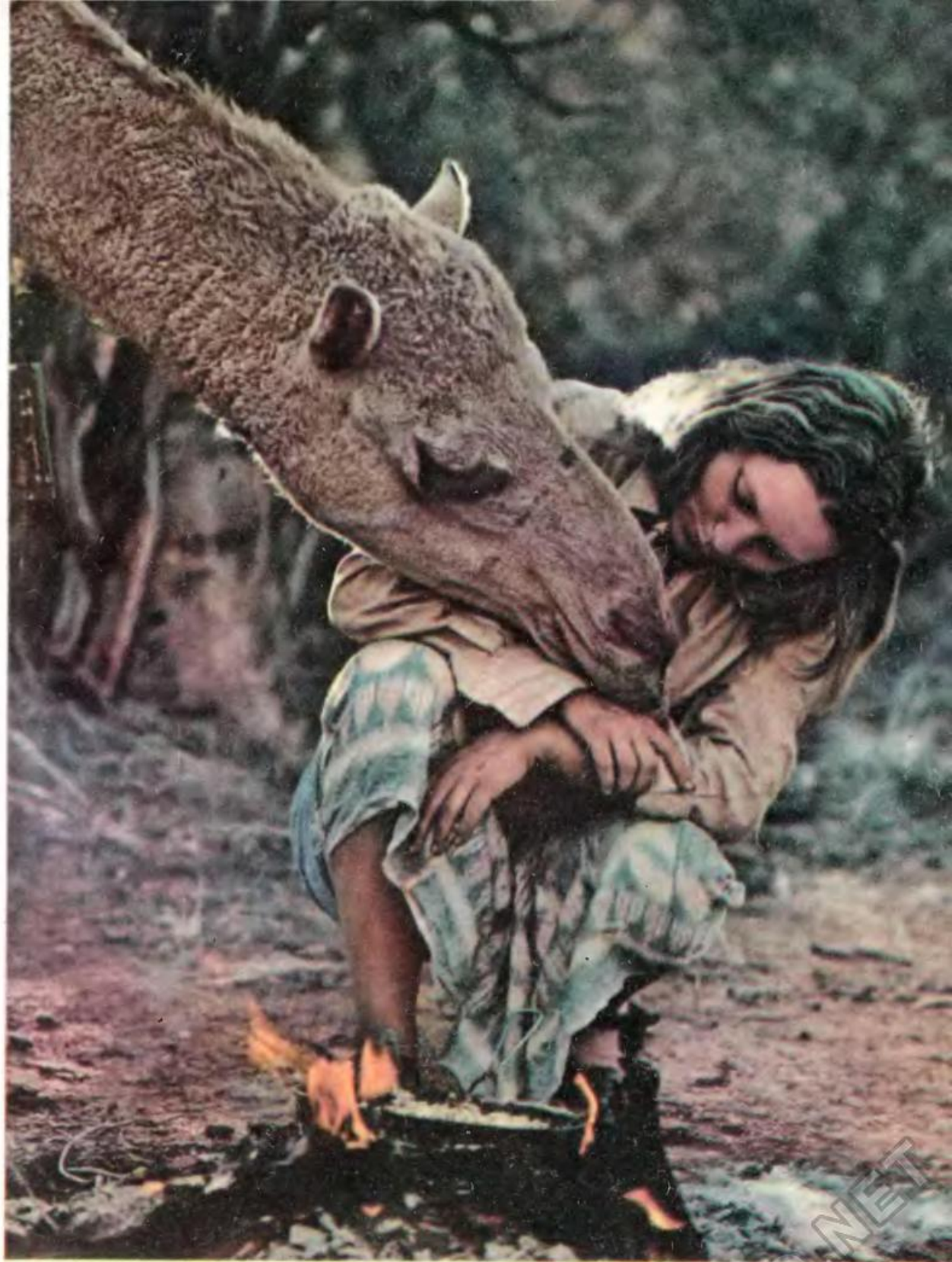
Перевела с английского
М. КОВАЛЕВА

ставить, какой эффект создавал висевший в полутьме над алтарем череп со сверкающими глазницами,двигающий челюстью и изрекающий повеления богов, — писал Дорланд. — Тем более когда в нем можно увидеть любые предметы реальной действительности — лица людей, горы, зверей — и плоды собственного воображения в переливчатой игре туманных пятен... Я сам наблюдал эффект, который оказывает этот череп из кварца на впечатлительных людей. У одних учащается пульс, другие испытывают жажду или ощущают различные запахи, некоторые даже засыпают. Жрецы, которые пользовались им, могли прослыть действительно всемогущими».

Возможно, ученые еще скажут свое последнее слово о назначении, происхождении и загадках «Черепов смерти», тем более что в прошлом году дочь Митчела-Хеджеса передала его Музею американских индейцев в Нью-Йорке. Пока же остается в силе заключение эксперта-минералога из фирмы «Хьюлетт-Паккард компани», приведенное в журнале «Аргоси» (Argosy vol. 376, № 4): «Проклятая штукавина просто не должна существовать на свете. Те, кто ее высекал, не имели ни малейшего представления о кристаллографии и совершенно игнорировали оси симметрии. Она неминуемо должна была разлететься при обработке».

ЗАГАДКИ ПРОЕКТЫ ОТКРЫТИЯ

ВОКРУГ **СВЕТА**
12 1978
ДЕКАБРЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **torrents.ru**

№ 12 ДЕКАБРЬ 1978

СОДЕРЖАНИЕ

В. КОРЯКИН, Д. ЕВСТИГНЕЕВ — Три тысячи миль во льдах	2-я стр. обл.
ВАЛЕРИАН СКВОРЦОВ — За облаками Каоланга	4
МУРАД АДЖИЕВ — Горячая земля Тюмени	10
С. БАРСОВ — Барханам нет конца	16
В. РЫЖКОВ — Большая вода Лены	22
Л. ОЛЬГИН — Макушка шведского лета	27
А. ЧЕРНОВ — Служба «Каспийской атлантиды»	30
Б. ТИШИНСКИЙ — Две десятых Эдема	32
В. ЗЕНКОВИЧ — Скучный сезон на Юкатане	36
В. НИКИТИН — Нырляная машина сребролозов	40
Е. ФРОЛОВА — Чтобы не пали деревья...	43
КАРОЛИНА БЛАНШ — Заповедник	45
Загадки, проекты, открытия	47
ВИТАЛИЙ БАБЕНКО — У варпетов — свои секреты	48
НИКОЛАЙ ЯНЬКОВ — Аррей-озеро	54
ВЛАДИСЛАВ ТЕТЕРИН — Солнечный камень Дикого поля	57
В. ОРЛОВ — Серый парус карбаса	62
А. ЧЕРНЕЦОВ — Курган скрывал... храм	68
ЕВГЕНИЙ КОРШУНОВ — Крестоносцы	69
АЛЕКСАНДР КУЗНЕЦОВ — Дукачи	74
Пестрый мир	76
Листая старые страницы	77
Содержание журнала «Вокруг света» за 1978 год	78
Л. ЖУРОВА — К роднику на поклон...	80

На первой странице обложки: АВСТРАЛИЯ. Почти семь месяцев потребовалось Робине Дэвидсон, чтобы одолеть с караваном из четырех верблюдов путь в 1700 миль через пустыни Западной Австралии. (См. очерк С. Барсова «Барханам нет конца» на стр. 16.).

В номере были использованы фотографии из журналов: «Атлас» (Франция), «Эпока» (Италия), «Нэшнл джиографик» (США).

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, О. И. СОКОЛОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а. Телефоны для справок: 285-88-83; отделы: «Наша Родина» — 285-89-83; иностранный — 285-89-56; литературы — 285-80-58; науки — 285-89-38; писем — 285-88-68; оформления — 285-89-36; приложение «Иснатель» — 285-80-10.

© «Вокруг света», 1978 г.

Сдано в набор 5/X 1978 г. Подп. к печ. 14/XI 1978 г. А06237. Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12,9. Тираж 2 500 000 экз. Зак. 1771. Цена 70 коп. Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

К РОДНИКУ НА ПОКЛОН...

Никто не ценит родников и колодцев так, как обитатели пустыни. Когда где-то течет вода, она обязательно входит в местные названия. А если пустыню перерезает река, вся жизнь прижимается к ее берегам. Но что толку вам от того, что рядом большая река — даже такая, как великий Нигер, — если вы живете в нескольких десятках километров от нее, там, где уже пустыня?..

Родник как капля, на карте его не увидишь. Но и капля воды родит в пустыне жизнь. И люди, живущие рядом с родником, кланяются ему ежедневно — не раз и не два.

Источник, бьющий из-под земли, надежен: в засуху не иссякнет, да и вода его всегда свежа и прозрачна. А капризным овощам, которые выращивают малийские крестьяне, нужна самая чистая вода.

Ключ постоянно пополняет небольшое озерцо. Во все стороны от источника тянутся длинные ряды кружочков и квадратиков. Это лунки, в которых выращивают овощи. Участки отделены друг от друга невысокими поясками травы или тропинками. Крестьянин зачерпывает воду из источника круглым сосудом, сделанным из козьей шкуры, и идет к своему наделу. Работа не из легких: в африканский полдень лишняя сотня шагов с тяжелой ношей — не шутка. А воды требуется много. Каждую лунку надо залить так, чтобы ростки оказались под водой, но как быстро уходит влага в песчаную почву пустыни! Вот и приходится таскать воду целый день от восхода до заката, иначе ничего не вырастишь.

Были планы соорудить вдоль Нигера современную оросительную систему и отводить воду от реки. Но тогда пришлось бы поступиться прибрежными полями, а никакой африканец-крестьянин не расстанется с землей ни за какие деньги. Ведь земля не его собственность: она принадлежит духам предков и не родившимся еще потомкам. Ее нельзя ни продавать, ни менять.

Есть и еще одна причина, по которой отказались пока от создания системы. По мнению специалистов, в каналах могли бы расплодиться болезнетворные паразиты.

Поэтому хоть и течет недалеко — по карте — Нигер, поля тянутся не к большой воде, а к малой. К роднику...

Л. ЖУРОВА

СЛУЖБА «КАСПИЙСКОЙ АТЛАНТИДЫ»

Среди барханов, за много километров от побережья, стоит засыпанный песком по капитанский мостик тысячетонный пароход, некогда бороздивший Каспий, — стоит как одинокий и грустный памятник ушедшим отсюда волнам... Начиная с 30-х годов во многих местах суша отвоевала у моря три, пять, десять, даже пятьдесят-шестьдесят километров! Там, где еще совсем недавно шумел прибой, ныне расстилается безжизненная песчаная или полузаболоченная пустыня. В два, в три, в четыре раза увеличилась площадь каспийских островов, появились даже новые, а некоторые, например, Челекен, Долгий, Сары, превратились в полуострова.

Но самое удивительное то, что, как ни обмелел — буквально на наших глазах — Каспий, оказывается, когда-то его уровень был значительно ниже сегодняшнего. И в ряде мелководных районов моря, где ныне плещутся волны, много веков назад была суша. Здесь стояли древние города. Наиболее интересные и многочисленные следы их обнаружены на азербайджанском побережье Каспийского моря...

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ

Алюминиевый катерок, управляемый воспитанниками морской спортшколы, скользит по глади Бакинской бухты. Лавируя, наше суденышко медленно приближается к плоскому островку.

Высадившись на твердь, долго блуждаем среди руин некогда существовавшего здесь древнего сооружения — не то грандиозного караван-сарая, не то оборонительной крепости, не то храма огнепоклонников.

Перед нами легендарная «Бакинская атлантида», столетия назад погребенная морем и лишь совсем недавно постепенно восставшая из вод. Из-под воды вышла почти вся территория, на которой когда-то было возведено ныне превратившееся в развалины загадочное сооружение, получившее в народе название Камней Сабайла, часть которых все еще продолжает оставаться под водой.

Азербайджанские ученые И. Джафарзаде и Е. Пахомова с помощью водолазов нашли и подняли со дна моря более шестисот фризовых плит, украшенных рельефными надписями и рисунками. Большинство из них в прекрасном состоянии. Еще 58 хорошо сохранившихся плит с четкими надписями и рисунками были подняты О. Исмизаде.

Эти в буквальном смысле слова каменные стра-

ницы с неоценимой информацией об истории края. Большой интерес для ученых представляют, например, сведения о двух династиях местных властителей Ширваншахов — Межидов и Кесранидов. При этом каменные письма органично дополняются рисунками. Так, в каменной генеалогической таблице над именем каждого шаха в строгой симметрии изображены головы людей, зверей, птиц, фантастических существ, несомненно, представляющих собой геральдические знаки правителей.

В результате расшифровки надписей на плитах удалось установить время их изготовления — 1234—1235 годы. А при изучении фундаментов сооружений «Бакинской атлантиды» было установлено, что в ту пору Каспий находился по крайней мере на два метра ниже, чем сейчас, и место, где теперь находятся Камни Сабаила, соединялось по-суху с материком. Но спустя буквально считанные десятилетия море захватило сушу.

Сохранилось много сведений об острове и одноименном городе Абескун, скрытых водами Каспия, вблизи устья Куры. На этом острове, как сообщают средневековые арабские писатели Истахрий и Масуди, росли леса, население пасло скот и выращивало марену — растение, из которого готовили красную краску. По свидетельству Мухамеда Эль-Хасана, в 909 году здесь побывали русские, прибывшие на шестнадцать судов.

И остров Абескун, как пишет иранский писатель Наджати, и носящий его имя город бесследно исчезли — уже в 1304 году Абескун был под водой.

Видный исследователь Каспия профессор А. Вознесенский считает, что в это время воды Каспия стояли выше, чем когда-либо на памяти народов, населявших его берега. Однако море не смогло закрепить своей победы и в дальнейшем вновь уступило значительную часть захваченной им территории. В последующие века обширные участки суши еще не раз переходили из рук в руки.

Сколько же всего древних городов пало жертвой капризов своенравного моря? Этот вопрос уже почти полтора столетия волнует исследователей.

Еще в 1840 году по инициативе известного азербайджанского историка и просветителя Аббас-Кули Бакиханова были проведены поиски затонувшего города Шегр-Юнанны. В этой, одной из самых первых в истории науки подводной археологической экспедиции приняли участие два русских военных брига. Они обследовали значительную часть прибрежных вод, но, к сожалению, ничего не нашли.

Отыскание и изучение этих «атлантид» и стало главной задачей группы подводных историко-археологических исследований Музея истории Азербайджана АН АзССР, в которую вошли молодые ученые Виктор Квачидзе, Геннадий Агаев, Михаил Карелин, Владимир Каргополов и Рафик Багдасаров.

Особенно много разнообразных и важных находок ожидало археологов в зоне, охватывающей прибрежные воды и побережье от мыса Бяндован, около сотни километров южнее Баку, до рыбацкого поселка Норд-Ост-Култук в районе устья Куры. Изыскания проводились и под водой, и на суше. Здесь, в береговой полосе, на протяжении около трех километров, был обнаружен культурный слой, обильно насыщенный керамикой, костями крупного и мелкого рогатого скота, домашней и дикой птицы, осетровых. Нередко встречаются гончарные принадлежности, жернова и другие орудия труда, бронзовые и серебряные монеты, бронзовый

шпак, украшения — стеклянные бусы и браслеты, кольца, а также рис, кирпичи и остатки жилых построек. Часть культурного слоя возвышается над зеркалом моря, а часть — и, возможно, большая — понижается до существующего уровня его с продолжением под водой на глубину до четырех метров.

И уже сейчас на основании находок археологов в ластах и сведений древних арабских, персидских и азербайджанских авторов можно предполагать, что, в сущности, почти вдоль всего восточного (не только азербайджанского) побережья Каспия на сотни километров протягивается отнюдь не мифическая, а вполне реальная «атлантида» — затопленная или частично уже вышедшая из-под воды различной ширины полоса суши, некогда служившая пристанищем древних народов. Здесь, под слоем воды и песка, на разной глубине, лежат руины древних поселений и целых городов.

Но данные, добытые археологами, предоставляют уникальный материал не только историкам, но и исследователям, решающим проблемы комплексных прогнозов и расчетов будущего Каспия.

О том, как сложится дальнейшая судьба моря, насколько серьезны грозящие ему опасности, единого мнения среди исследователей пока нет. Более того, нередко высказываются мнения, взаимно исключающие друг друга.

Так, одни ученые предполагают, что уровень Каспия будет падать и впредь и к 2000 году понизится еще на два — два с половиной метра, и, стало быть, будет новое резкое уменьшение площади моря. Другие считают, что нынешний уровень Каспия стабилизируется на более или менее продолжительное время. А третьи предсказывают, что уже в самые ближайшие годы начнется подъем каспийских вод.

Давным-давно потеряв связь с океаном, Каспий всецело стал зависеть от климата как окружающих его территорий, определяющего величину испарения с его поверхности, так и от климата в бассейне рек, его питающих.

Однако истинное представление о характере и причинности колебаний уровня Каспия можно получить только на основе комплексного анализа условий целого ряда факторов географической среды, и в первую очередь таких, как состояние ледовитости Арктики и Северной Атлантики, состояние материкового горного отделения, уровня Мирового океана, увлажненности материков, общей тенденции изменения климата и т. д. Далеко не последнюю в судьбе Каспия роль играет и солнечная активность. И все это осложняется еще и тем, что в чисто климатические расчеты примешивается новый, чрезмерно мощный и растущий фактор — человеческая деятельность. Немалую долю речных вод расходуют на орошение полей, для промышленных нужд, городских водопроводов. И темпы этих водозаборов год от года неуклонно растут. По имеющимся расчетам, с начала 30-х годов Каспий недополучил 1000 кубических километров воды.

И археология с ее недоступной геологией точностью датировок ритма колебаний уровня моря может оказать очень важную помощь в изучении закономерностей «кардиограммы» его. А познание этих закономерностей — основа разумного, планомерного, целенаправленного регулирования уровня Каспия с точки зрения народнохозяйственных задач.

А. ЧЕРНОВ,
член комиссии Федерации подводного спорта СССР

ВОДЫ ГЛОБУСА

3 1982
МАРТ

Scanned by **malshin** exclusively
for RuTracker.org

ВОКРУГ СВЕТА

№ 3 МАРТ 1982

НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЦК ВЛКСМ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ФАНТАСТИКИ

Журнал основан в 1861 году

ГЕННАДИЙ МАШКИН — Стойкий Богучан . 2-я стр. обл.	
СЕРГЕЙ БАЙГАРОВ — Добровольцы царандоя	6
Фото наших читателей	10
ОЛЕГ ЛАРИН — Предисловие к полю	11
Новости экологии	14
ВИТАЛИЙ СОВОЛЕВ — Слишком длинный маршрут	15
БОРИС МЕТЕЛЕВ — Парус командора	19
С. МИЛИН — «Верните родину!»	24
ОЛЕГ ИГНАТЬЕВ — Жозе Сантуш рассказывает...	27
АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВ — Экзамен перед грозой	32
В. АЛЕКСАНДРОВ — Снегопад над Невой	35
АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ, ВИЛОР НИЯЗМАТОВ — Из лука веков	36
А. Г. БАННИКОВ — «Уверен, что гипотеза верна»	39
ДМИТРИЙ ШПАРО, АЛЕКСАНДР ШУМИЛОВ — Большой приз	40
Н. ВОЛКОВ — Пири или Кук?	45
ПИТЕР МИЧЕЛМОР — Вахта в «треугольнике дьявола»	45
С. БАРСОВ — Новое платье Валери	47
ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВ — В ожидании весны	50
ПАТРИК СМИТ — Остров Навек	52
ОКСАНА ЯЦЕНКО — Тринадцать чечеру	60
Пестрый мир	62
Листая старые страницы	63
А. ПЛОНСКИЙ — Возвращение Витрувия	64
Н. БАРАТОВА — Соломина не сломается...	64

На первой странице обложки: КАНАДА. Эскимосский поселок Умингмакток лежит за Полярным кругом, на арктическом побережье. Название его переводится как «Место, где много овцебыков». Охота и рыболовство — традиционные занятия эскимосов. Овцебыков на севере Канады сейчас не столь много, как в былые времена (местные охотники получают лицензии на отстрел только трех животных в год), но вот лов серебряного гольца, как правило, бывает удачным.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), В. А. ПРИВАЛОВ (ответственный секретарь), Е. М. РЫБИНСКИЙ, Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В номере:

ЛЮДИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Геологи Северобайкальского отряда исследуют трассу БАМа

Мелиораторы Нечерноземья ведут нелегкую работу в краю больших болот

Военные летчики сдают экзамен в небе на мужество и находчивость

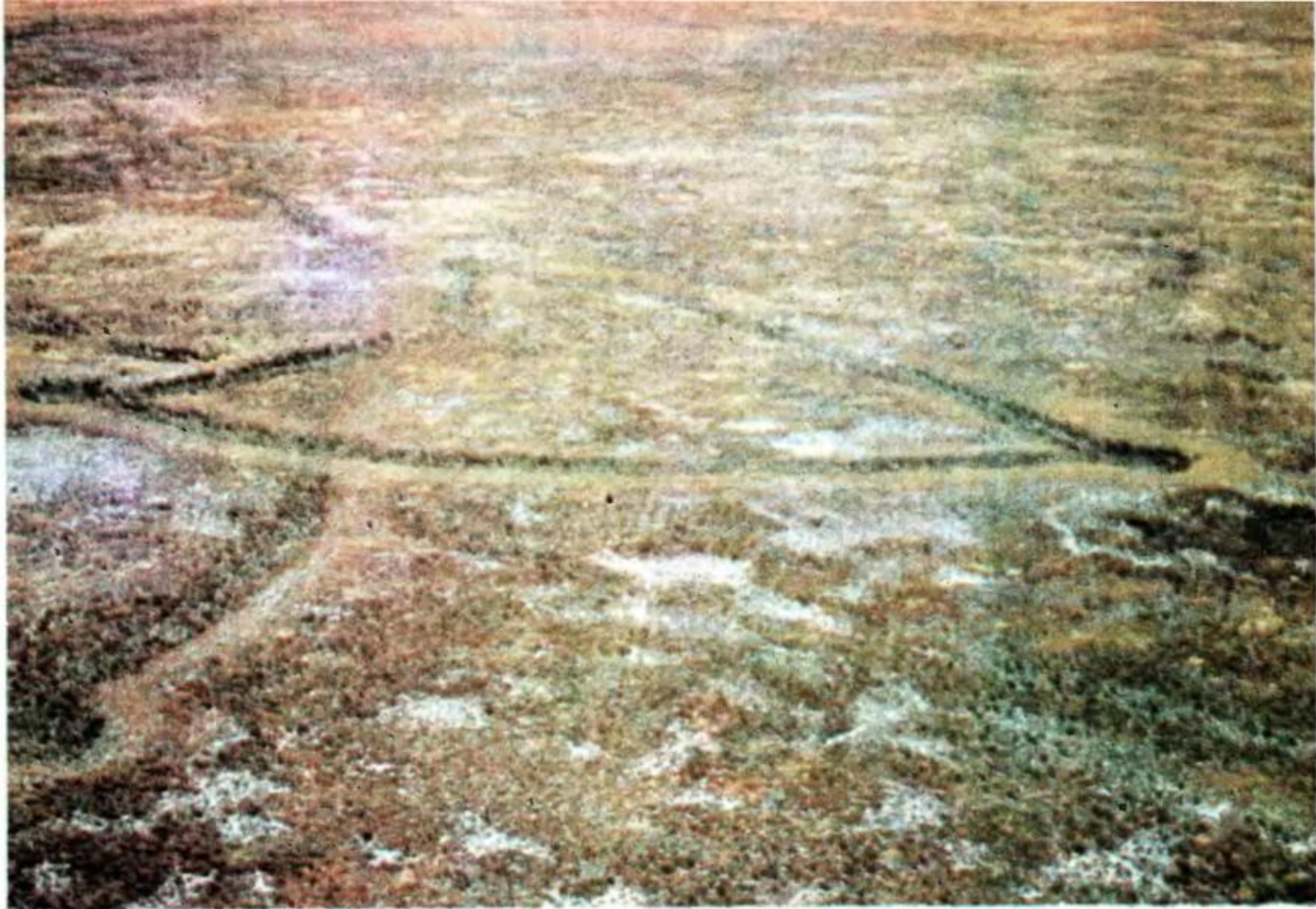
Участники экспедиции «Беринг-81» завершили поиск: найдены пушки с пакетбота «Св. Петр»

Наш северобайкальский отряд расположился в ключевом месте — между молодым городом Северобайкальском и старым селом Байкальским, напротив скалистого островка Богучан, что в километре от берега. Отряд был организован геологическим факультетом Иркутского университета для изучения особенностей прибрежного участка Байкало-Амурской магистрали. Работа по заказу БАМа была рассчитана на три года. Однако слаженный, высокопрофессиональный коллектив иркутских геологов сделал основную работу за год и теперь во втором полевом сезоне, как говорят, подбивал бабки.

— Вам осталось в основном взглянуть на интересные трещины, — напутствовал начальник отряда Анатолий Зилов, провожая меня, отставшего, в порту Байкал. — Геологическая сторона дела уже обрисовывается в моем отчете.

— Может, все-таки вырвешься на недельку? — отводя глаза от грузной фигуры моего старого товарища, заметил я.

— Ты же знаешь: отчет есть отчет.

**АЛЕКСАНДР МИЛОВСКИЙ,
ВИЛОР НИЯЗМАТОВ**
Фото А. МИЛОВСКОГО

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«С интересом прочитала в одной из газет об археологических находках на плато Устюрт в Каракалпакии — загадочной системе гигантских стрел. Очень хотелось бы поподробнее узнать об этих знаках».

Т. Сопова, Москва

ИЗЛУКАВКОВ

Припав к иллюминаторам, напряженно всматриваемся в проплывающую под крылом желто-бурную выжженную поверхность Устюрта. По правому борту синее Аральское море, прямо под самолетом — плато, обрывающееся к морю стометровой белой известняковой стеной, а на самой кромке узкой береговой полосы ощерились серые клыки скал, словно охраняющие затерянный мир Устюрта...

Никто из нас, включая каракалпакских ученых, не видел еще с воздуха то, что ищем, — объекты, именуемые в научном отчете как «стреловидные планировки». Никто не знает, с какой высоты их можно обнаружить. Мы не в состоянии дать летчикам точного ориентира, потому что его здесь нет, а, руководствуясь схемой археологов, пилоты не могут привязать интересующие нас объекты к своей карте. Полет длится уже почти три часа, из которых минут двадцать мы кружим в предпо-

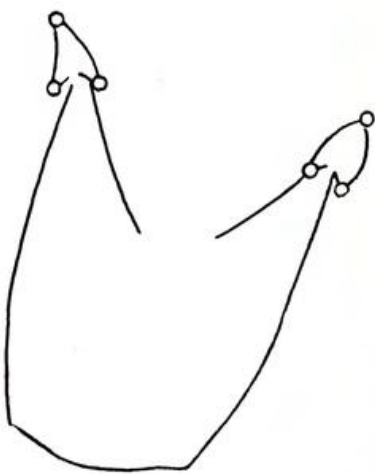
лагаемом районе, то прижимаясь к земле так, что видны прорезающие ее трещинки, то поднимаясь на километровую высоту...

И наконец, вот она! Первая загадочная стрела, вернее, только ее огромный треугольный зубец выплывает из-под крыла, словно некий космический знак. Поднявшись на несколько витков над стрелой, мы видим с километровой высоты рисунок целиком: это огромный овал с двумя исходящими из него стрелами длиной в несколько сот метров. Только теперь сознаем, насколько нам повезло: лето было необычайно дождливо, и по всему периметру конструкции — на месте бывшего здесь когда-то рва — зеленеет густая трава (для разгара лета явление на Устюрте редчайшее), четко выделяясь на фоне пожухшей и выцветшей степи. Без этого стрелы были бы неразличимы.

— Их обнаружили совершенно случайно, — рассказывает заведующий

сектором археологии Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР кандидат исторических наук Вадим Николаевич Ягодин. — Впервые странные стреловидные знаки, никогда ранее в археологической практике не встречавшиеся, были замечены при анализе и дешифровке материалов аэрофотосъемки. При обычных методах археологического обследования местности знаки эти заметить невозможно: гигантские размеры делают их совершенно невоспринимаемыми с высоты человеческого роста, рельеф их сглажен, и можно сотни раз проезжать по стрелам, не ведая о том, что под ногами у тебя уникальный памятник...

Удалось выявить десятки таких стреловидных планировок, почти непрерывной цепью протянувшихся в широтном направлении от мыса Дуана на Аральском море в глубь Устюрта. Все они развернуты стрелами на север и мало отличаются друг от друга очертаниями и размерами. Каждая планировка пред-

ставляет собой фигуру в виде мешка с втянутой внутрь верхней частью, разорванной широким проходом, к которому на некоторых из планировок ведет направляющий вал. Верхние острые края мешка образуют таким образом две растопыренные стрелы, имеющие наконечники в форме удлиненных треугольников — узкий проход ведет в них из тела стрелы. На вершинах треугольников расположены кольца десятиметрового диаметра, служившие, вероятно, когда-то ямами. Схематический рисунок системы напоминает военную карту, на которой жирными стрелами указано направление массированного удара. Длина каждой из планировок 800—900 метров, а вместе с направляющим валом достигает полутора километров, ширина — 400—600 метров, высота ограды в нынешнем состоянии не превышает 80 сантиметров, в прошлом она была, конечно, больше.

Циклопическую систему удалось проследить пока на ста километрах, но ученые уверены, что она тянется дальше, по территории Казахстана, превосходя протяженностью всемирно известную систему загадочных линий и рисунков в перуанской пустыне Наска — единственно сравнимый с ней по масштабам археологический феномен!

...Обнаружив линию стрел, мы, сделав крутой вираж над прибрежной синью Арала, летим перпендикулярно береговой черте в глубь материка. Не успевает раствориться в дымке одна стрела, как на смену ей неумолимо вырастает под крылом другая. Все они имеют индивидуальные признаки: у одних наконечники стрел нарисованы прямыми линиями, у других они изящно вогнуты. На некоторых линии одних стрел перекрыты очертаниями других.

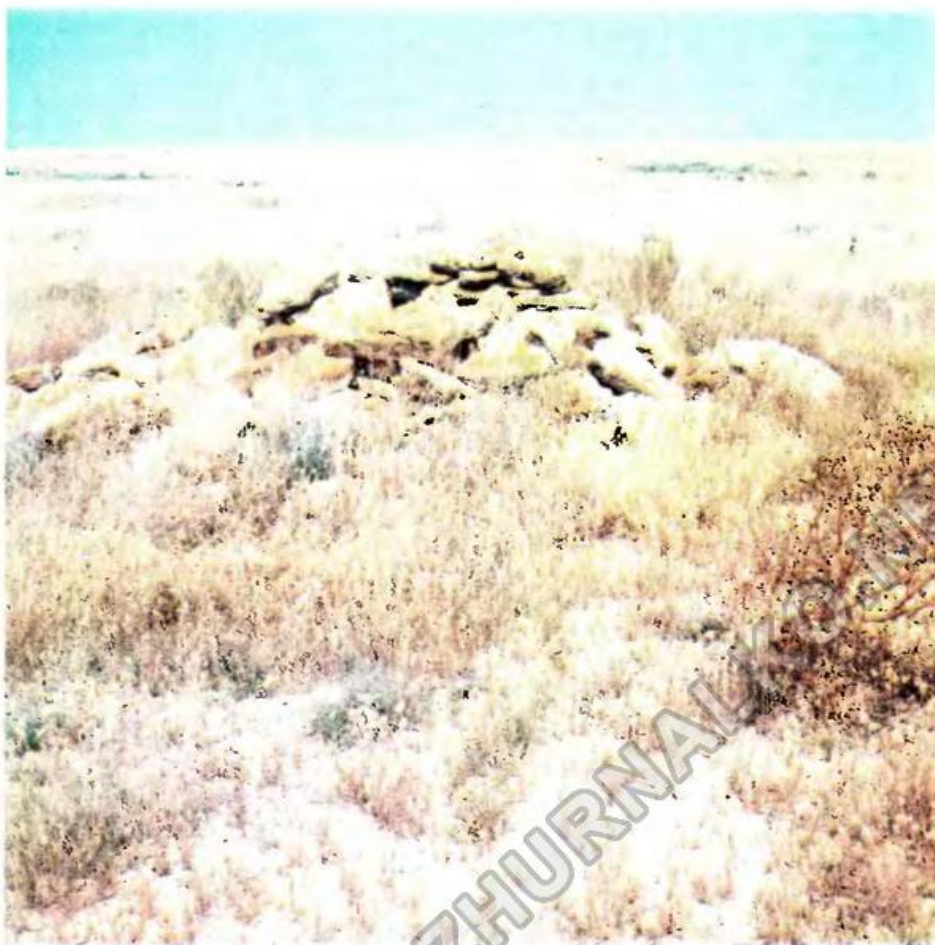
— Это, — высказывает догадку Ягодин, — вероятно, объясняется тем, что на месте старых, отслуживших сооружений возводились новые.

Зеленые стрелы влекут все дальше в глубь Устюрта, но топливный ресурс Ан-2 не безграничен. К счастью, само-

лет ведет опытный летчик Тундыбаев, имеющий право посадки в любом месте по своему усмотрению, и мы сможем потрогать таинственные стрелы руками.

...Искусство пилота мы оценили, лишь когда вышли из самолета. Он посадил машину в старую колею грузовика, которая белой чертой прорезала растрескавшуюся почву. Проплещи-

ны безжизненной земли чередуются с зарослями такой же сухой, как земля, ломкой бело-голубой среднеазиатской полыни — джусана, на которой настоян раскаленный воздух. Какие мы все, оказываемся, маленькие! Как ни тянись на цыпочках над плоско уходящей к горизонту степью, как ни верти головой — только что видимой с высоты стрелы как не бывало... Идем, выбирая приблизительное направление и обильно цепляя брюками колючки, семена, травинки, стебельки. И вот в одном месте желто-бурая гамма под ногами вдруг оживает сочной зеленью. Вдоль нее еле приметным возвышением тянется каменная гряда, в которой при внимательном изучении нетрудно увидеть следы скрепляющего раствора. Так выглядят вблизи очертания стрел. Зная, что изгородь неизбежно приведет к треугольному наконечнику, мы идем вдоль нее. Через несколько десятков шагов зеленая черта, служащая нитью Ариадны, завершается круглым понижением, по краю которого кольцом буйно разрослась трава, а контур стрелы под довольно острым углом уходит из кольца обратно. Значит, мы у острия одной из стрел. Огибаем кольцо и возвращаемся по другой стороне наконечника. В некоторых местах каменная насыпь выступает из земли довольно заметным бугром, и хорошо видна слоистая структура крупных кусков устюртского известняка, из которого она сложена, и который брали, очевидно, из рва, зеленеющего рядом. Каменная изгородь была поставлена на земляной вал, а ров проходил с внутренней стороны «мешка».

Кто, когда и зачем построил загадочные сооружения и каково значение этого открытия? — неизбежно возникают эти вопросы, и мы задаем их, понятно, Вадиму Николаевичу Ягодину, занимающемуся изучением стрел со дня их открытия. Ответить на них можно, оказывается, пока лишь с большой осторожностью. Для серьезных научных обоснований нужно обстоятельное изучение системы, а сейчас только делаются первые шаги в этом направлении.

— И все же кое-что можно сказать определенно уже сегодня, — говорит Вадим Николаевич. — Начнем с датировки. Во время пробных раскопок одного из валов стрелы найдены керамика и другие предметы, характерные признаки которых свидетельствуют о принадлежности к VII—VIII векам. Поскольку эти предметы находятся выше культурного слоя времени создания стен, то эти века, вероятно, и следует считать верхней границей периода возведения стрел. В какую даль веков уходит нижняя, мы пока не знаем.

Теперь о тех, кто возвел на плато эти гигантские сооружения. В районе стрел (еще до их обнаружения) нами найден целый уникальный комплекс археологических памятников, несомненно, со стрелами как-то связанных. В этот ком-

плекс входят, помимо стрел, остатки культовых сооружений, огромные могильники кочевников. В результате была открыта древняя кочевая культура Устюрта, неизвестная ранее.

Мы знаем о существовании здесь кочевников-казахов в XVIII—XIX веках, письменные источники сообщают о средневековых кочевниках, теперь же, в результате раскопок, найдены многочисленные свидетельства обитания здесь кочевников в первом тысячелетии до нашей эры! Что представляют собой раскопанные памятники? Это, как правило, курганы, причем не просто разбросанные по территории Устюрта, а сгруппированные в определенных районах. Цепочка этих курганов тянется по восточной границе Устюрта по побережью Аральского моря, подходя к системе стрел. Раскопки позволили установить их типологическую близость сарматским погребальным памятникам Южного Приуралья.

У кочевавших на Устюрте сарматских племен был непрерывный круглогодичный кочевой цикл: весной они использовали плато как пастбище, к лету поднимались далеко на север, выходили даже в Приуралье, в район реки Белой, осенью опять спускались к Аральскому морю на устюртские пастбища и зимовали, вероятно, на границах античного Хорезма, вступая с ним в торговые связи. Вот почему во многих сарматских курганах Южного Урала находят вещи хорезмийского происхождения.

Наши материалы с каждым новым полевым сезоном растут, сарматская гипотеза обрастает все новыми и новыми фактами, но одновременно с этим выясняется, что Устюрт был чрезвычайно сложной в этническом отношении территорией. Помимо сарматских, мы обнаружили памятники, имеющие другую этническую характеристику и принадлежащие, очевидно, другим племенам. Каким? Сейчас пока трудно сказать.

То, как своеобразно использовали кочевники Устюрт, говорит об их адаптации к экстремальным жизненным условиям, которые лишь и может предоставить это суровое плато. В далеком прошлом экологическая среда Устюрта была, судя по всему, иной. По некоторым признакам, сопровождающим наши археологические находки, удалось установить, что здесь было влажнее. Мы нашли даже какие-то руслоподобные образования, которые существовали за счет выхода на поверхность грунтовых вод, видимо, были и более или менее постоянные озера. А нынешний, экстрааридный, то есть крайне жаркий и засушливый, климат сложился как раз ко времени формирования культуры кочевников.

Пролить свет на историческое прошлое Устюрта должно во многом и изучение системы стреловидных планировок, безусловно, игравших в хозяйственной ли, в духовной ли жизни кочев-

ников огромную роль. Ведь надо думать, что такая система, потребовавшая колоссальных усилий и времени на ее возведение, строилась не потехи ради, а с какой-то очень важной, может быть, жизненно необходимой целью. С какой? Одна из гипотез, которую мы выдвинули: система — это загон для гигантских облавных охот на мигрирующих куланов и сайгаков. В случае, если эта гипотеза подтвердится, то система стрел станет одним из важных примеров хозяйственной адаптации кочевников к экстремальным условиям — использовались не только продукты скотоводства, но и дикая фауна.

Исторический парадокс: крайне неблагоприятная среда обитания сделала Устюрт благодаря кочевьям важным звеном, можно сказать, гигантским ретранслятором культурной информации из районов Средней Азии на Южный Урал, в Западную Сибирь. В археологии накоплено множество фактов, которые свидетельствуют о культурных связях между этими отдаленными районами, но не было промежуточного звена их передачи. Сейчас Устюрт приобретает в наших глазах все большее значение именно как это звено, — пояснил Вадим Николаевич.

Устюрт принес ученым уже не одну сенсацию. За десять лет ведущихся здесь археологических работ представление о плато в корне изменилось. До начала раскопок были известны лишь отдельные находки памятников каменного века третьего-четвертого тысячелетия до нашей эры и хорошо заметные развалины средневековых караван-сарая на караванных путях, связывавших Хорезм с Восточной Европой. И среди ученых ходило пессимистическое мнение об Устюрте как о совершенно бесперспективной в археологическом отношении территории.

В. Ягодин, Ю. Манылов — один из участников нашей экспедиции, другие каракалпакские археологи, начиная свои работы на Устюрте, после теоретической разработки вопроса пришли к убеждению, что здесь обязательно должны быть памятники каменного века, намного превосходящие возрастом ранее найденные. На чем основывалась их уверенность? Дело в том, что многие районы Приаралья, долина и дельта Амударьи, оазисы находятся под толстым слоем аллювиальных наносов этой реки, скрывшим следы человеческой жизни и деятельности в этих краях в древности, если таковые были. На Устюрте же поверхность сохраняется практически в нетронутом виде миллионы лет. Уже по одному этому признаку ученые были вправе ожидать находок большой древности.

— И действительно, наши работы последних лет, — рассказывает Ягодин, — выявили памятники верхнего палеолита, возраст которых около сорока тысяч лет, а затем и нижнего палеолита, уходящего от нас за многие сотни тысяч лет — во времена формирования человека!

Все эти находки сосредоточены в районе впадины Барса-Кельмес, на западной стороне которой имеются выходы кремневой породы. Там на хребте Ясен мы обнаружили ряд разработок древним человеком этой породы, целые стоянки с большим количеством орудий, двусторонне обработанных кусков кремня, заостренных с одного конца, — ручных рубил.

Затем нижнепалеолитические орудия были обнаружены и в местности Каракудук — на восточной стороне Барса-Кельмеса, а более молодые находки палеолита — в районе Чурука и впадины Шахпаткуль. Открытие палеолитических стоянок полностью перевернуло наши представления о характере раннего заселения Приаралья. В самых последних изданиях по истории Каракалпакии, Узбекистана, СССР об этом районе сказано, что его первоначальное заселение началось с третьего-четвертого тысячелетия до нашей эры. Теперь это время отодвинулось в глубь истории по меньшей мере в сто раз!

...Наша короткая экспедиция к тайне устюртских стрел подходит к концу: нужно засветло вернуться в Нукус, а путь впереди — около четырехсот километров. Короткий, с легкой тряской разбег — и вновь под нами летят зеленые стрелы, выпущенные из тугих луков столетий. Не меньше пятнадцати веков летели они к нашим ногам, чтобы донести весть о тех, кто спустил тетиву. Пока прочитаны только первые строки послания, а дальше...

— А дальше предстоит огромная работа, — говорит Вадим Николаевич. — В этих крайне удаленных от населенных мест районах вести стационарные раскопки очень сложно, достаточно сказать, что ближайшая пресная вода находится в полутора километрах — в Комсомольске-на-Устюрте... Это потребует, конечно, должного технического оснащения экспедиции. Ведь долгое время мы ездили по необжитой и безводной территории с нарушением всех правил техники безопасности и риском для жизни на одном разбитом грузовике. Теперь, после постановления ЦК Компартии и Совета Министров Узбекистана о развитии археологии, у нас появилось два вездехода. Однако для обстоятельной экспедиции нужны бензовозы, водовозы и многое другое. Для начала мы планируем провести специальную детальную аэрофотосъемку системы и ее дешифровку на местности.

Если же говорить о дальнейшей археологической разведке Устюрта в целом, то первая наша задача — завершить составление его археологической карты с выявлением памятников разных эпох, а затем уже наметить программу углубленного их изучения по направлениям: памятники каменного века, этническая характеристика Устюрта в прошлом, проблемы сарматской культуры, в частности, и система стрел. Так что все еще впереди...

А. Г. БАННИКОВ, доктор биологических наук

«УВЕРЕН. ЧТО ГИПОТЕЗА ВЕРНА»

Для нас, биологов, открытие на Устюрте представляет, может быть, не меньший интерес, чем для археологов и историков. Уверен, что гипотеза об охотничьем назначении сооружений верна. Мы располагаем многочисленными материалами — в основном это свидетельства и основанные на беседах с местными охотниками рассказы русских исследователей и путешественников первой половины прошлого века о том, что в Казахстане, Узбекистане и на севере Туркмении в XVII—XVIII, а кое-где и до начала XIX века существовали и использовались для облавных охот огромные, с основанием больше версты, загоны в форме конуса; яма-ловушка находилась в самом его острие. Иногда несколько таких конусов исходили из одной сферы, напоминали стреловидные конструкции Устюрта. История донесла до нас их названия — араны. Араны представляли собой каменную изгородь высотой в четыре локтя — около полутора метров, перед которой шел глубокий ров. Ямы глубиной более двух метров имели отвесные стены, а дно их покрывали остро отточенные колья. В одну такую ловушку за один загон попадало до двенадцати тысяч сайгаков или сотни куланов! Араны служили по многу лет и подновлялись перед сезонной миграцией. В своей книге «Куланы», только что вышедшей в издательстве «Лесная промышленность», я привел вычисленные мной на основании десятков исторических источников маршруты миграции этих животных в Приаралье — главный путь осенней миграции проходит точно через систему обнаруженных на Устюрте стреловидных загонов.

Теперь, когда благодаря раскопкам мы знаем, что история гигантских охот в этих местах измеряется многими веками, уходя истоками к началу эры, перед нами открывается поразительная картина рачительного ведения охотничьего хозяйства в колоссальных масштабах непрерывно на протяжении полутора тысячелетий! Ведь если бы оно велось хаотично, то природа не смогла бы выдержать долго такой урон. А судя по всему, охоты не подрывали популяции животных. Веками вырабатывались определенные правила охоты, которые нередко облекались в религиозную форму: объявлялись священные места, где охота запрещена, накладывались временные табу на ставшие редкими виды.

Прошлый опыт хозяйствования в таком крайне сложном в климатическом отношении районе, каким является Устюрт, может быть применим и сегодня. Скажем, сейчас осуществляются попытки организации там постоянных животноводческих совхозов, которые будут использовать плато круглогодично. Воды подземных источников помогут вы-

ращивать корма. Однако, как мы знаем, кочевники, когда климат Устюрта стал более суровым, использовали плато лишь сезонно. А именно: весной и осенью, когда на короткое время плато покрывается растительностью. Возможно, и сегодня самой оптимальной формой было бы именно сезонное использование пастбищ, причем для очень большого количества скота. Однако Устюрт и территория за Устюртом на древнем кочевом сарматском пути находятся сейчас во владении разных республик, и скотоводы Узбекистана не могут перегонять скот летом в Казахстан, Туркмению или Башкирию, поэтому Устюрт отдает ныне людям лишь часть своих ресурсов. Межреспубликанская кооперация, для которой административные границы не служат препятствием, — вот что могло бы поставить эти неиспользованные ресурсы на службу людям.

Опыт Устюрта применим и на многих миллионах гектаров пастбищных земель, которыми располагает наша страна и которые используются еще недостаточно. Глубокое изучение копытных показало, что каждый вид занимает в природе определенную экологическую нишу, потребляет определенный набор трав. Домашний скот не способен один полностью использовать пастбище, в особенности в засушливой местности: в нем генетически закрепились черты, выработавшиеся в результате эволюции в совершенно других условиях. Поэтому, как правило, домашние животные реализуют всего от одной пятой до половины биомассы. Этими резервами с успехом могли бы, не вступая в существенную конкуренцию с домашним скотом, питаться дикие животные.

Примеры ведения такого смешанного хозяйства есть уже во многих странах.

Даже ловушки-араны — их исторически сложившиеся размеры, форма и место расположения — и те могут быть переняты нами, при условии, конечно, что удастся восстановить численность диких животных, мигрировавших на плато. Переняты, естественно, на современном уровне, без той жестокости, с которой убивали животных древние охотники.

Если нам удастся восстановить стада животных в южных степях, как это сделано с северным оленем, лосем и сайгаком, то, зная их экологию, этими стадами можно было бы как-то управлять, а учитывая огромные пространства нашей страны, мы могли бы без значительных затрат получить сотни тысяч тонн дополнительного мяса. Неразумно пренебрегать тем, что природа может нам дать и что человек веками учился брать без ущерба для нее.

...Таков неожиданный поворот темы: от древних загадочных стрел к заботам дня насущного.

ВОКРУГ СВЕТА

9 1982
СЕНТЯБРЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for RuTracker.org

ZHURNALKO.NET

Б. МЕТЕЛЕВ — Знакомый голос «Чайки»	2-я стр. обл.
Л. ЖУРОВА — Музыкальная ель	5
Н. ЕРМАКОВ — Маски Неаполя	6
НИКОЛАЙ ТКАЧЕНКО — Большая вода подземелья	12
П. ПЕТРОВ — Ошибка... в одиннадцать веков	16
СЕРГЕЙ КУЛИК — Вашку, мастер с далекой реки	17
Миллионы «Нет!»	21
А. ТРУТНЕВ — Укрощение огня	22
П. НОВОКШОНОВ, Д. АЛЕКСЕЕВ — Амазонки Атлантики	26
Новости экологии	29
В. ГАЛУЗИН — Городище на Шапке	30
ВЛАДИМИР МАКАРЕНКО — Корни бамбука	32
СВЕТЛАНА ЯКОВЛЕВА — Наш знакомый Арси Нотиа	38
МИХАИЛ ЮХМА — Дорога лебедей над Сугутами	40
Загадки, проекты, открытия	45
Откуда берутся красные бури?	46
Л. ОЛЬГИН — Охота амута	47
Л. МАРТЫНОВ — Крутые тропы	48
ВЕРНЕР ГИЛЬДЕ — Непотопляемый «Тиликум», или Путешествие капитана Восса вокруг света, рассказанное им самим	50
В. НИКИТИН — Дельфины ночного неба	57
Пестрый мир	62
«Вокруг света» 50 лет назад	63
РЕЙ РАССЕЛЛ — Комната	64
Н. БАРАТОВА — В Копривштице — праздник	64

На первой странице обложки: ИНДИЯ. Малабарский берег. Ловля рыбы — мужское дело, зато остальная работа достается женщинам. Они сортируют улов, вялят рыбу, готовят ужин и ждут мужчин с их нелегкого промысла.

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, Р. Ф. ИТС, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), В. А. ПРИВАЛОВ (ответственный секретарь), Е. М. РЫБИНСКИЙ, Ю. А. СЕНКЕВИЧ, О. И. СОКОЛОВ, Е. В. ХРУНОВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦН ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В номере:

Молодые специалисты претворяют в жизнь задачи XI пятилетки, майского (1982 года) Пленума ЦК КПСС по выполнению Продовольственной программы СССР, решения XIX съезда комсомола.

Дальний Восток. Летчики и наблюдатели корректируют работу рыболовецких судов из-под облаков.

Изыскатели Алма-атинской гидрологической экспедиции ведут поиск подземной воды.

Специалисты-фонтанщики из разных республик приходят на помощь нефтяникам Узбекистана.

Чуваши. В праздниках, в изделиях мастеров, в спортивных состязаниях живут и сегодня традиции национальной культуры народа.

З а островом Аскольд туман начал таять. Вначале в плотной стене облаков появились окна, а вскоре самолет летел сквозь рваные белесые пятна. Наконец, соскользнув с бесконечного снежного покрывала, закрывавшего Уссурийский залив, наш Ил-14 вырвался на простор.

Вода стремительно мчится навстречу. Впереди появляются сейнеры. Они кажутся игрушечными кораблями, и это сходство подчеркивают яркие огромные номера, нарисованные прямо на палубах.

— Всем судам на промысле. Я — «Чайка»... Даю промысловую обстановку, — раздается в наушниках.

Летный наблюдатель, сидящий у блистера, крепче прижимает ларингофон и, изредка заглядывая в свой бортовой журнал, лежащий на столике, передает, где и сколько видел он вчера рыбы.

— Квадрат Б-4. Косяки китообразные. Глубина 30—50 метров. Квадрат Г-5. Косяки небольшие, но плотные, веретенообразные...

В. ГАЛУЗИН,
корр. газеты «Амурская правда» —
специально для «Вокруг света»

Фото В. НЕНАШЕВА

Городище на Шапке

ОТ ЛЕГЕНД — К ФАКТАМ

Люди в одеждах из рыбьих шкур, расписанных спиральными узорами, нескончаемой вереницей поднимались по насыпи, неся в шапках землю. Они взбирались на

вершину, по знаку стража высыпали землю и так же, гуськом, шли обратно.

Чуть поодаль редкой цепочкой, положив на тетивы тугих луков оперенные стрелы, застыли воины охраны. Ближе к реке на уже готовой оконечности рукотворной горы каменным истуканом

восседал богато одетый вождь. Слышались гортанные крики надсмотрщиков, и шапка за шапкой опрокидывалась в руках рабов...

Так, по древней легенде, перекашиваемой многими поколениями жителей поселка Поярково и близлежащих сел, появилась одинокая гора у слияния реки Завитой с Амуром. Ее назвали Шапкой.

Местные жители утверждали, что давным-давно на этой горе жили люди. Но когда это было, что за народ и куда он делся — никто не знал. Тайна Шапки была приоткрыта лишь в 1961 году экспедицией академика А. П. Окладникова, установившей, что здесь располагалось древнее городище.

Теперь сюда пришли археологи, ученые и студенты — отряд Североазиатской комплексной экспедиции Новосибирского института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Они разбили палаточный лагерь у юго-западного склона и приступили к раскопкам древнего поселения.

Уже после первого рабочего сезона руководитель отряда, кандидат исторических наук Евгений Иванович Дервянко могла сказать:

— Шапка не насыпана руками человеческими; эта горка — останец второй надпойменной террасы Амура. На горе, очень удобной для поселения, существует городище, точнее, его остатки: рвы и валы, окольцовывающие вершины, несомненно, построены людьми. Первые раскопы позволили нам датировать обнаруженные сооружения X—XI веками.

НАХОДКИ

На вершину сопки взбегают крутая узкая дорога. Наш «уазик» прыгает из ям на уступы. Иногда машина кренится, но молодой водитель уверенным и даже артистичным движением направляет ее на середину дороги.

Подъем занял считанные минуты. Машина выкатилась на крошечное плато, где в этот час собрался почти весь отряд. После короткого знакомства заместитель начальника отряда Сергей Нестеров, или попросту Сережа, повел показывать раскопы.

...Под ковром густых и высоких трав хорошо видны углубления правильной чашевидной формы с оплывшими краями. Эти западины, как называют их археологи, — следы жилищ древних обитателей. Кое-где между ними и в стороне желтеют холмики грунта из разведочных шурфов.

Недалеко от западного рва и крутого трехметрового вала ученые разбили

На раскопках: Остатки кана — системы дымоходов, обогревавших жилищ. Подпятный камень поворотного стола входной двери.

раскоп, общая площадь которого достигла уже трехсот квадратных метров. Строго размеченный колышками и бечевками, раскоп слегка поблескивает чисто срезанными стенами перемычек-бровок. На их вертикальных плоскостях хорошо видны серые и темные полосы, красные прокаленные пятна — это культурный слой. Ребята ловко орудуют инструментами. В их руках маленькие, словно игрушечные, совки, щетки и кисти, наподобие малярных. Археологи очищают гряду грязно-серых камней. В соседнем раскопе, уже полностью расчищенном, видны земляные столбики, накрытые плоскими камнями. Это остатки очага и кана — системы дымоходов, обогревавших дом. Коричневые почти сгнившие основания деревянных столбов — бывших опор стен и кровли.

— Эти жилища, — поясняет Сережа Нестеров, — были полуподземного типа. Стены делали из деревянных плашек, а крыша была скорее всего двух- или четырехскатной. Но в отличие от аналогичных построек VII—VIII веков, имевших в крыше отверстие — вход в жилище, здесь были обычные двери, открывавшиеся на юг или юго-восток. Вот смотрите: это подпятный камень, на котором вращался дверной столб у входа в дом...

Археологи нашли железные орудия труда, наконечники копий, железные и костяные наконечники стрел, черепки глиняной посуды с орнаментом из расщепленных налпных валиков. Среди находок есть каменная пуговица, лошадиная бабка, покрытая поперечной насечкой по кости, — предмет игры или ритуальная вещь, вместилище «души» покойного. У устья очага лежали челюсти свиньи. Свинья — священное животное у чжурчжэней, ей поклонялись, ее приносили в жертву.

По характеру находок можно предположить, что в этой части древней крепости жил «черный» люд. По-видимому, земледельцы и скотоводы.

Вопросов много, но ответы на них придет только после скрупулезных исследований. Но на один вопрос ученые могут ответить вполне определенно уже сегодня.

КТО ЖЕ ОНИ?

В X—XIII веках огромные территории нашего Приамурья, Приморья и северо-восточной части современного Китая населял таинственный народ — чжурчжэни. По известным ранее археологическим памятникам и письменным свидетельствам, у чжурчжэней, которые вели оседлый образ жизни, к X веку существовали развитые родо-племенные отношения. Вот некоторые сведения из исторического очерка М. В. Воробьева «Чжурчжэни и государство Цзинь».

До X века эти племена были независимы, затем они попали под власть киданей, уже имевших государственность. В 1114 году чжурчжэньский вождь Агуда, незадолго до этого объединив-

ший соплеменников, поднял восстание против поработителей. В результате его победы чжурчжэни создали независимое государство Цзинь, или, как его еще называют, «Золотую империю», просуществовавшую до нашествия Чингисхана.

Они вели непрекращающиеся войны с соседями. Их военная мощь была такова, что всего лишь за год они уничтожили киданьское царство Ляо. А затем захватили огромные территории на севере Сунской империи и сделали своим вассалом ее остаток — Южный Сун, который платил чжурчжэням большую дань.

В ходе нашествия монгольских завоевателей государство Цзинь было уничтожено, а чжурчжэни вновь распались на ряд племенных групп. И лишь в конце XV века племя нюйчжи (нюйчжи — одно из поздних трансформаций названия чжурчжэней) положило начало новому объединению целого ряда единокровных и других племен, получивших впоследствии обобщенное название маньчжуров. Их поселения располагались по берегам Амура и Зеи.

Таким образом, в этническом отношении чжурчжэни являются предками тунгусоязычных народов Приморья и Приамурья — нынешних нанайцев, ульчей, орочей и удэгейцев.

Судя по конструкции жилищ и оборонительных сооружений городища на Шапке, по предметам, найденным при раскопках, носителями древней культуры этого региона были именно чжурчжэни.

Если в Приморье памятники цивилизации чжурчжэней изучают и раскапывают уже давно, то на среднем Амуре их городище вскрывают впервые. Этот факт имеет огромную ценность — он говорит о том, кто же именно заселял эти места в очень давние времена.

БОЕВАЯ «ГИТАРА» ЧЖУРЧЖЭНЕЙ

Когда смотришь из иллюминатора Ан-2, совершающего регулярные рейсы по трассе Поярково — Благовещенск, гора Шапка напоминает грушу или гитару без грифа. Две ее покато-плоские вершины окольцованы глубоким рвом и мощным валом, причем половину «гитары» отделяют еще и внутренние валы. Обращена гора узкой частью на северо-восток, к устью Завитинки. Крутые, местами отвесные склоны понизу густо заросли орешником.

Окруженная с двух сторон реками, болотами и озерами, сопка являлась по тем временам стратегически выгодным местом для опорного боевого пункта. И не случайно археологи склонны думать, что городище на Шапке могло быть военно-административным центром, в окрестностях которого, возможно, располагались мирные поселения чжурчжэней.

Рвы и валы, опоясывающие Шапку, несомненно, предназначены для оборонительных целей. Из письменных

источников и данных археологических находок в Приморье известно, что чжурчжэни зимой поливали наружные склоны валов и естественные крутые откосы водой. Намерзавший лед нередко становился непреодолимым препятствием для врагов.

Вал, прирезающий к сопке полукольцом часть низины, вероятно, служил защитой и одновременно оградой для скота, который на время военных действий или осады сгоняли сюда из окрестных поселений.

На северо-восточной вершине Шапки раскопки еще не начинались. Эта часть горы отделена еще тремя рядами рвов и валов. Ученые предполагают, что там могла быть крепость внутри крепости, где, возможно, размещались склады, хранилища зерна, храмы, кварталы домов, в которых жили вожди и знать. Этот домысел не лишен реальной основы, ибо следов общественных помещений на сопке и в ее ближних окрестностях ученые пока не обнаружили. А между тем при таком опорно-административном пункте они должны были бы быть.

В трех километрах от горы Шапки находится могильник. У чжурчжэней существовал обычай хоронить покойников на родовых, племенных кладбищах, которые чаще всего располагались в радиусе до 15 километров от поселений. Могильники представляют для науки большой интерес, так как именно в них находят наибольшее количество предметов культуры древних племен. Поэтому параллельно с раскопками городища будут изучены и обширные погребения.

Исследования раскопанных жилищ показали, что они хорошо сохранились: в них нет следов пожаров и сильных разрушений, которые говорили бы о длительной осаде крепости или стремительном набега врага. Отсутствие человеческих останков и относительная скудость найденных предметов свидетельствуют, что обитатели покинули свои жилища в спокойной, скорее всего в мирной обстановке.

Не исключено, что чжурчжэни, не имея сил отстоять крепость, оставили ее в преддверии натиска татаро-монголов, о страшной жестокости которых, вероятно, было известно и в этом регионе. Ведь именно чжурчжэни оказывали самое яростное сопротивление ордам Чингисхана. И они знали, что воины Чингисхана, ворвавшись в городище, буквально стирали его с лица земли и начисто уничтожали население от мала до велика.

Куда же ушли остатки чжурчжэней? Может быть, далеко на север, в глубь непроходимой тайги? Это тоже пока остается неясным. Но кропотливая работа ученых продолжается. И хотя поиск рассчитан на многие годы, а может быть, и на десятилетия, ученые уже сегодня знают твердо: рано или поздно придет день, и Шапка откроет им все свои тайны.

Поселок Поярково, Амурская область

ВОКРУГ ГЛОБУСА

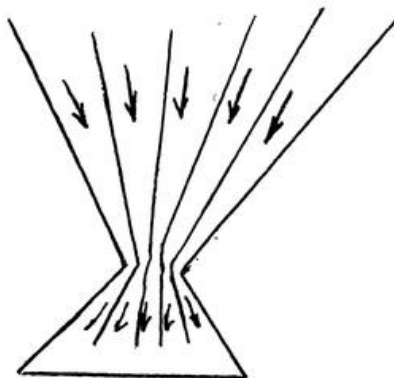
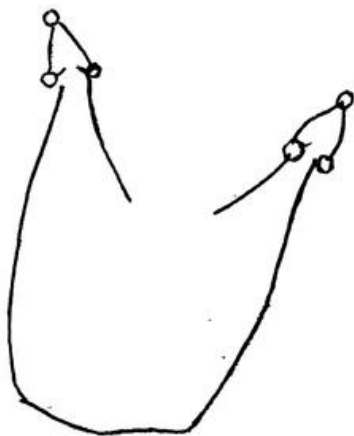
2 1983
ФЕВРАЛЬ

Scanned by **malshin** exclusively
for **RuTracker.org**

ЗЕЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ УСТЮРТА

А. А. СИДЬКО,
кандидат сельскохозяйственных наук

Как сообщалось в очерке «Из лука веков» («Вокруг света» № 3 за 1982 год), экспедиция Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР, осматривая на вертолете плато Устюрт (бассейн Аральского моря), обнаружила на его поверхности загадочные объекты, названные учеными «стреловидными планировками». Эти планировки выглядели как гигантские мешки с втянутой горловиной. Верхние края мешка образуют две растопыренные стрелы с наконечниками в форме треугольников, в которые идут узкие проходы из тела стрелы. В углах треугольников заметны кольцеобразные углубления — их ученые назвали «ямами». По периметру конструкции имелись углубления, напоминающие рвы, с земляным валиком высотой около 80 сантиметров. Во рвах буйно развилась растительность, которая была хорошо заметна на фоне выжженной солнцем степи, что и помогло ученым обнаружить с высоты гигантские треугольники.

Зачем были построены эти сооружения? Попробуем и мы предложить свою гипотезу, основывающуюся на наших профессиональных знаниях и отличающуюся от гипотезы, приведенной в очерке. Там говорилось, что эта система стрел скорее всего загоны для гигантских облавных охот на мигрирующих куланов и сайгаков.

Прежде чем высказать свои соображения, напомним, что плато Устюрт — засушливое, безводное, и кочевникам-скотоводам, чтобы выжить, приходилось прежде всего думать о том, где добыть воду. Где же они могли ее добыть?

Устюрт — это возвышенность на коренных (каменистых) породах, покрытых небольшим слоем четвертичных отложений. Грунтовые воды,

которые встречаются в этих отложениях, — соленые, реже солоноватые, непригодные для людей и скота. Подземные залегают глубоко в толще коренных пород. Единственным источником воды были осадки. Но в теплое время года их выпадает очень мало, и лишь в холодный осенне-зимний период — около 50—100 миллиметров. Это тоже немного, но так как серо-бурые, нередко такырные солонцеватые тяжелоглинистые почвы слабо впитывают воду, образуется сток.

Чтобы пережить засушливое время, и были построены «стреловидные планировки». По нашему мнению, эти планировки представляют собой древние обводнительные сооружения лиманного типа. Рвы с валами на внешней стороне задерживали сток воды со всей заключенной между ними территории и направляли его в расположенные ниже стреловидные треугольники-водохранилища. Кольцеобразные же углубления в углах треугольников («ямы») — по-видимому, глубокие, теперь заиленные колодцы, вырытые в твердых непроницаемых для воды породах. Эти колодцы служили, наверное, дополнительной емкостью для воды.

Подтверждением этой гипотезы может служить то, что все «стреловидные планировки» направлены острием на север (к Аральскому морю), то есть по существующему на плато Устюрт уклону. Конечно же, кочевники понимали, что вода течет только по уклону. На месте бывших рвов видна сочная растительность: значит, даже теперь здесь задерживается и накапливается влага.

Несомненно, предложенная гипотеза, как и всякая другая, требует проверки. Неоспоримым доказательством ее истинности послужило

бы то, если бы с помощью приборов установили, что все рвы и валы действительно были построены по уклону, что треугольные площадки представляли собой углубления (копани), что «ямы» в углах копаний были ранее глубокими колодцами.

Интересно было бы восстановить хотя бы одну из таких систем. При современной технике это нетрудно. Затем понаблюдать за ее действием, определить запасаемые объемы воды и, следовательно, возможное значение этих систем для животноводства. А после этого подумать о целесообразности использования таких систем в наше время.

Вообще лиманное орошение пастбищ было известно человеку давно. Сохранились и следы древних лиманов. Так, например, в Присивашье нами были обнаружены еле заметные следы валов. Осматривая их (к сожалению, не с самолета), мы в какой-то мере выявили схему их расположения.

Система представляла собой два треугольника: больший и поменьше, соединенные как бы срезанными вершинами. Площадь большего треугольника была покрыта слабопроницаемыми для воды солонцеватыми почвами с редкой солонцовой растительностью, а на площади меньшего треугольника поднимались луговые злаки, свежие и густые.

Из схемы расположения валов и валиков внутри треугольников можно было представить, как работала система. Земляные валики большего треугольника собирали осадки и направляли сток воды в меньший треугольник. Там и зеленели сочные пастбища.

Так улучшали пастбища в давние времена в крымском Присивашье. Заметим, что такая конструкция лиманного орошения пастбищ по качеству ничуть не уступала современной. А если сравнить ее с конструкцией глубоководных лиманов, которые строились у нас в конце XIX — начале XX столетия, то она совершеннее, так как обладает способностью распределять сток и увлажнять почву более равномерно и экономно. Только лишь последние конструкции так называемых мелководных лиманов могут сравниться с ней.

Обводнительные и оросительные системы лиманного типа сейчас широко распространены в нашей стране. Эти системы строятся, естественно, на основе последних достижений науки и техники, однако же при их сооружении не следует пренебрегать и практикой далеких наших предков.

ВОКРУГ ГЛОБУСА

5 1983
МАЙ

Scanned by **malshin** exclusively
for **RuTracker.org**

Остров Буян: былъ или легенда?

В. О П А Р И Н

Рисунок Г. КОМАРОВА

З а скалистой горкой в деревне Пояконда избушка Марьи Николаевны Ивановой. Стучу в дверь.

Кого там пустельга принесла? — кричит из сеней хозяйка.

— Лесник с острова Великого. Отвори, Николаевна.

Вхожу в жарко натопленную избенку. Вижу — на столе соленые огурцы, картошка в мундире, миска с маслом. Хозяйка сидит на старинном резном стуле. Похоже, ждет гостей: Марья Николаевна содержала избу, которая была чем-то вроде гостиницы для лесников Кандалакшского заповедника, а также для ученых-биологов, приезжавших на биостанцию.

— Везучий — к еде, невезучий — к беде, — философски заметила старушка. — Сапоги сымай, на печку полагай. Портянки — на шесток. Куртку

на веревку вешай над плитой. Садись к столу и ответствуй: куды путь держишь?

— В Кандалакшу, по делам.

Ясные глаза хозяйки прищуриваются.

— Глубок человек, нету ему дна, нету конца его душе. И все зовет его душа в дорогу. Вот поморы-старички были. Куды только не плавали, лиха не пужались. В Норвег хаживали. Грумант достигали.

Николаевна подумала, а потом спросила:

— Вот ты зачем на острове живешь? Чего тебе там надобно?

Я не успел ответить. Она ответила за меня.

— Потому что без дороги нету жизни человеку. Без паруса и весла нету помора. В начале дороги надежда. В конце — радость. Слева — тоска. А

справа — беда. Чтоб беды не было, как поступить?

Я пожал плечами, уплетая вкусную разваристую картошку с топленым маслом.

— Чтоб не было беды в дороге, пусть жена перед твоим отъездом зажжет свечку из камня-алатыря. Его неспроста морским ладаном поморы зовут. Всегда перед плаванием в старину зажигали.

— Камень-алатырь — это янтарь? А где же его поморы доставали?

— Доставали, парень. А где — не сказывали. В старину морского ладану в каждом доме бывало изрядно. Вот и у меня за иконой лежал кусок. Как раз перед твоим приходом Андел у меня побывал, выклянчил.

— Какой Андел? — удивился я.

— Ну, лесник с острова Анисимов. Плечи — коса сажень, глаза зеленые,

как у кота, ночью светятцы. А зовут — Андел. Андел во плоти! Хоть по лбу колоти!

И старуха весело захохотала. Потом подмигнула и, понизив голос, заговорила:

— У Андела к морскому ладану интерес особый. Он, видать, тайну его узнал. В камне том сила великая. Чудодейное средство для здоровья. Да нынче не ведают, как им пользоваться. А узнать можно только на острове Буяну. Там его много, морского ладану-то. А сторожит его мудрая змея Гарафена. Она тебе вопросы задаст. Коли не ответишь — пеняй на себя. А коли ответишь — все тайны узнаешь, и с камнем в достатке вернешься.

Как-то однажды в ветреную осеннюю ночь, возвращаясь на свой кордон, я пристал к острову Анисимов. Дай, думаю, пережду непогоду у лесника Анди Варипуу.

...В домике никого не было. Хорошо протопленная печь источала сухое благодатное тепло. На столе стояла керосиновая лампа. Я зажег ее и осмотрелся. Вряд ли где-нибудь на свете был более необычный кордон... Он походил на маленькую картинную галерею. Картины, писанные маслом, висели на стенах, в простенках, а некоторые даже над окнами, у самого потолка. Возле печи стоял диван — ножками и спинкой ему служили свилеватые корни сосны, обработанные и покрытые лаком. Вся печь была разрисована. Она напоминала шахматную доску: одни клетки темные, другие — светлые. Рисунки имитировали изразцы. На темных клетках был изображен Старый Тоомас, на светлых — Бегущая по волнам. В углу возле батарейного приемника — скульптура: портрет широкоскулового старика. Над столом — длинная полоса бумаги, на ней по-латыни написано: «Ни дня без строчки». На этажерке — справочники, определители птиц и растений, книги на иностранных языках. На столе лежал раскрытый журнал для дежурных записей и фенологических наблюдений.

Неожиданно дверь открылась, и на пороге показался хозяин, Анди Варипуу. Я узнал его сразу — вспомнил слова Марии Николаевны...

Анди снял плащ и резиновые сапоги-бродни, кинул полешко в печь. Скоро зафыркал чайник. Я достал банку тушенки, сгущенное молоко, хлеб. И за этой нехитрой трапезой мы просидели до глубокой ночи, и все больше говорили о янтаре. О северном янтаре.

— Значит, про остров Буян ты слышал от Николаевны? — спросил Анди.

— Ну, этот янтарный остров из области сказки...

— Сказка возникает не на пустом месте, — заметил Анди и рассказал, о чем он думает долгими одиночными вечерами. Я слушал его с огромным

интересом, многое из того, что он говорил, было для меня новым и даже неожиданным.

...В польских хрониках под 870 годом сохранилось упоминание о некоем таинственном городе. Город был большой и богатый, назывался он Венета и находился, кстати сказать, на острове. Богатства этого города были так велики, что, по свидетельству летописца, дети просто играли золотыми и янтарными шариками. Рассказывалось также, что остров этот опустился в морские воды и город, естественно, погиб. Историки с недоверием относились к этому сообщению...

А между тем в шестнадцатом веке некий Томаш Кантцов, побывав на одном из островов Балтики, а именно на острове Волин, нашел там огромные обработанные камни. «Это фундаменты, оставшиеся от древнего города», — записал Кантцов. Кроме того, в своих записях он привел свидетельства моряков, которые утверждали, что в ясную погоду на дне моря у берегов этого острова можно видеть руины каменных зданий. Кантцов считал, что легендарная Венета находилась на острове Волин. Тем более что в летописи говорилось, будто бы Венета стояла на острове, запирающем вход в пролив. Историки обрушились на Кантцова с насмешками и быстро отбили у него охоту заниматься древностями. На этом обследование загадочного острова прекратилось на несколько столетий.

Только в 50-х годах нашего века историки вернулись к легендарному острову. Во время строительных работ на острове были обнаружены остатки полусгнившего деревянного строения. Польские археологи определили, что бревнам не менее тысячи лет. Раскопки показали, что жители Венеты были искусными мореходами. Даже мостовые они мостили старыми досками от кораблей.

Хозяевами этого города были славяне. Археологи обнаружили во время раскопок глиняные черепки с характерным славянским орнаментом. Древние постройки также имели типично славянские черты.

Легенды о богатстве города не были выдумкой. Археологи нашли множество украшений из золота и серебра, но главным образом из янтара. Жители Венеты были не только его добытчиками, но и искусными мастерами, изготавливавшими из янтара красивые ожерелья и подвески.

— Значит, древние славянские легенды про янтарный остров Буян и про змею Гарафену, которая сторожит этот камень, пришли к нам из Венеты? — спросил я.

Анди ответил не сразу.

— Мне думается, что дело обстоит не так просто. Я слышал от поморов, что существовал старинный «янтарный волок». Из Белого моря шли в Двину, затем поднимались по ее притоку Пазе. Оттуда через волок — в Пе-

чору. На ее берегах и добывали морской ладан. Но ходили и еще дальше, куда-то на берег Ледовитого океана. Поморы хранили морской ладан на почетном месте за иконами или на виду, на самой божнице. По древнему обычаю, чтобы не покидала удача, корабль перед выходом в море окуривали дымом горящего янтара...

— В чем же заключалась необычайная притягательность янтара? Только ли в красоте?

— Думаю, древние знали и ценили прежде всего целительную силу его, о которой мы, возможно, знаем далеко не все...

Анди замолчал. Сейчас я отчетливо слышал, как шумят под ветром деревья и глухо плещет волна.

Наутро, когда я снимал лодку с якоря, Анди, глядя в морскую даль, сказал:

— Я буду искать остров Буян за Полярным кругом...

В деревне Черная Река мне пришлось бывать, по островным понятиям, часто. И когда бывал, непременно заходил к поморке Евдокии Михайловне Никифоровой — попить чайку и послушать ее рассказы. Ей в ту пору было восемьдесят пять — годы, что и говорить, великие. Однако бабка была бодрая, жила одна и по дому все делала сама. В свое время Евдокия Михайловна и ее муж, Андрей Павлович, были первыми лесниками-наблюдателями острова Великого.

— Евдокия Михайловна, а что вы знаете про остров Буян? — спросил я после встречи с Анди.

— Сказывают мудрые люди, что когда-то на острове Буяне построили подземный дворец. И снесли туда со всей земли, из всех тридевятых царств, тридцатых государств всю мудрость, в книгах писанную, в камне высеченную, в образах рисованную. И над тем местом посадили дуб. Коли ты знаешь заклятье, дак в тот подземный дворец можешь спуститься. А самая главная мудрость и самые важные секреты написаны на шаре, который из алатыр-каменя выточен. Прочитаешь эти письмена — узнаешь про все на свете и даже про то, как молодость воротить.

— Неплохо бы побывать на острове Буяне, — заметил я.

— Прежде чем туда попасть, нать на Грумант заворотить, — сказала бабка.

— А зачем?

— Как зачем? Грумант-остров тоже ведь непростой, тоже волшебный. Натянуть с Груманта черных камушков. А коли на Буян попадешь, то приди под дуб, брось камушек через левое плечо да скажи заклятье. Тут дверь в подземелье и отворится. А как через правое плечо кинешь — закроется.

Сказывали, мой прадед на острове Буяне побывал. Вот как дело было. Били они китов в теплых норвежских

водах. И увидели среди моря лодку с парусом. Поняли, конечно, что беда с каким-то кораблем вышла, подплыли к лодке...

А там сидит какой-то иноземный купец. Взяли его на борт. По-русски он мог говорить, рассказал, что с ним вышло. Команда взбунтовалась, ограбили его да и ссадили в лодку.

— А куда же шел твой корабль? — спросили у купца.

— На остров Буян.

Тут поморы-китобой переглянулись. Слыхали они про остров Буян не раз, но чтоб в самом деле ходить туда...

— Небось матросы твои забоялись туда плыть, — говорит прадед, Иваном его звали.

— Забоялись. Стали нам попадаться великие змеи морские, вот они с перепугу-то и сделали злодейство.

— Туда кто хошь забойтся, — говорят поморы.

— А я бы не забоялся, — говорит Иван.

— Если хочешь, — предлагает ему иноземный купец, — садись ко мне в лодку, ветер как раз подходящий. Только еды возьми да бочонок с водой.

А ише — есть ли у тебя черный камушек с Груманта?

— Есть, — говорит Иван.

— Возьми его с собой всенепременно.

И поплыли они туда, куда ветер путь им показывал. Долго плыли. И ничего не боялись. Случалось, великие морские змеи пасти на них разевали, не было страха.

Наконец встал из вод остров Буян. Он из себя не так уж и велик — версты две в длину и будет. Покрыт багульников, голубичником, вереском. Птицы там дикой превеликое множество.

Посереде острова стоит дуб. Иноземный гость кинул через левое плечо камушек, сказал заклятье. Мигом отворилась дверь в подземелье. Иноземный гость стал спускаться по лестнице. А Иван не спешит, свой камушек подобрал.

Спускается следом. Темно, жутко. Подошли к тяжелой двери, обитой железом. Купец дверь толкнул, тяжело она заскрипела. И ударил им в лица свет.

Видят они большую комнату. Посереде ее стоит тяжелый дубовый стол.

На столе — мраморная чаша. А в ней — шар из алатырь-камня. Весь он светится желтым светом, и видны на нем диковинные письмена.

Купец пошептал немного, руками над шаром поводил, потом вдруг схватил его — и бежать. Иван было следом — дверь перед ним захлопнулась. И не поддается.

Вдруг слышит Иван ужасный шум и скрежет. И видит — вылезает из-под стола скелет большущей собаки. А пасть у нее зубами шелкает, и каждый зуб — длинней с палец Ивана.

Что тут делать? Никакого оружия у Ивана нету, даже дубины простой. Тут уж он испугался. Да с испугу-то бросил в этот собачий скелет черным камушком. Камушек прямо в пасть угодил — и вмиг весь скелет на косточки рассыпался.

Иван камушек схватил, поворотился было к двери, да услышал шум ужасной. Летит на него стая медных летучих мышей, острыми когтями брякает. А впереди стальной коршун.

Бросил Иван своим камушком, прямо в коршуна попал. И тут коршун поворотился да и кинулся на летучих

БЕЛОМОРСКИЙ ГЕРАКЛ

Очерк В. Опарина можно отнести к разряду «вторичных быличек» — рассказ о реальных случаях, в который вкраплена сказка-быль о легендарном острове Буяне и камне-алатырь. Комментария требует вторая, сказочная сторона очерка.

Сказ о плавании некоего Ивана на остров Буян, о его приключениях в подземелье с шаром из камня-алатыря представляет, на мой взгляд, очень позднее произведение, «склеенное» народной фантазией из различных легендарных и литературных сюжетов. В чистом, так сказать, виде камень-алатырь и остров Буян в сказках, как правило, не встречаются. Сфера их существования — заговоры; значительно реже — духовные стихи; крайне редко — былины. Трудно сказать, насколько Волин с Венетой можно считать прообразом острова Буяна. Как согласно считают все историки и филологи, остров Буян — это остров Руян древности, современный остров Рюген, на котором находился священный город западных славян Аркона и центральное святилище. О богатствах и роскоши храмов, в том числе и об украшениях из янтаря, писали западные средневековые хронисты. Утверждение христианства в славянском Поморье и последующее немецкое завоевание разрушили богатую и самобытную культуру западных славян, превратили в руины их города. Но память об этих священных центрах сохранилась у славян восточных.

Дело в том, что VIII—X века были

временем оживленной торговли Балтики со странами Востока и торговый путь проходил через русские земли. Не случайно в древнейших слоях древнерусских городов археологи находят немало следов западнославянской культуры.

Память о древних культурных центрах западных славян сохранилась у славян восточных и в закодированном виде, переходя в ритуальный фольклор. Христианство превратило древних языческих богов и их спутников — птиц, зверей, пресмыкающихся — из богов «светлых» в богов «темных», подземных. Собственно, и сам остров Руян превратился в остров Буян, остров мертвых, в подземный мир, поскольку на Севере «буяном», «буевищем» раньше назывались кладбища. Таким образом, Иван, спускаясь в подземелье острова Буяна, спускается в царство мертвых, где, подобно древнегреческим героям, сражается не с животными, а с богами подземного мира, повторяя отчасти подвиги Геракла: с Кербером (скелет собаки), стимфалийскими птицами с медными когтями и клювами (медные летучие мыши) и лернейской гидрой (змея)... Откуда взялось это сходство подвигов греческого и беломорского героев — сказать, право, затруднительно.

Думаю, что искать остров Буян бесполезно. Ведь и камень-алатырь, обычно отождествляемый с янтarem, на острове Буяне — инородное тело! Он туда откуда-то доставлен...

И здесь открывается любопытная

ситуация. Древний торговый путь от берегов Балтики в страны Востока отмечен множеством предметов транзитного экспорта как с Запада, так и с Востока, но меньше всего на нем обнаружено янтаря. Отдельные янтарные изделия встречаются в слоях древнерусских городов, но их мало даже в Новгороде. Янтарь не стал принадлежностью славянского национального костюма ни у восточных, ни у западных славян. Что же касается интереса к янтарю поморов, то он объясняется просто: им заменяли дорогой и в прошлом труднодоступный ладан, необходимый для богослужения, в том числе для освящения спускаемого на воду нового судна, молебна перед отплытием и так далее. Вот почему интересно упоминание В. Опариним «янтарного волокна». Сам я о нем в своих поездках по Северу никогда не слышал и не встречал этого названия у других исследователей. Он кажется мне сомнительным потому, что на Севере янтарь не был предметом промысла и торговли. И если в своих плаваниях поморы иногда находили «морской ладан», то относились к нему как к диковинке или жертвовали в свои приходские церкви. Но разобравшись с этим, стоит, как необходимо разбираться вообще в «янтарных путях» Восточной Европы и в месторождениях янтаря, которые разрабатывали люди в различные исторические эпохи.

Здесь исследователя могут ожидать самые неожиданные открытия.

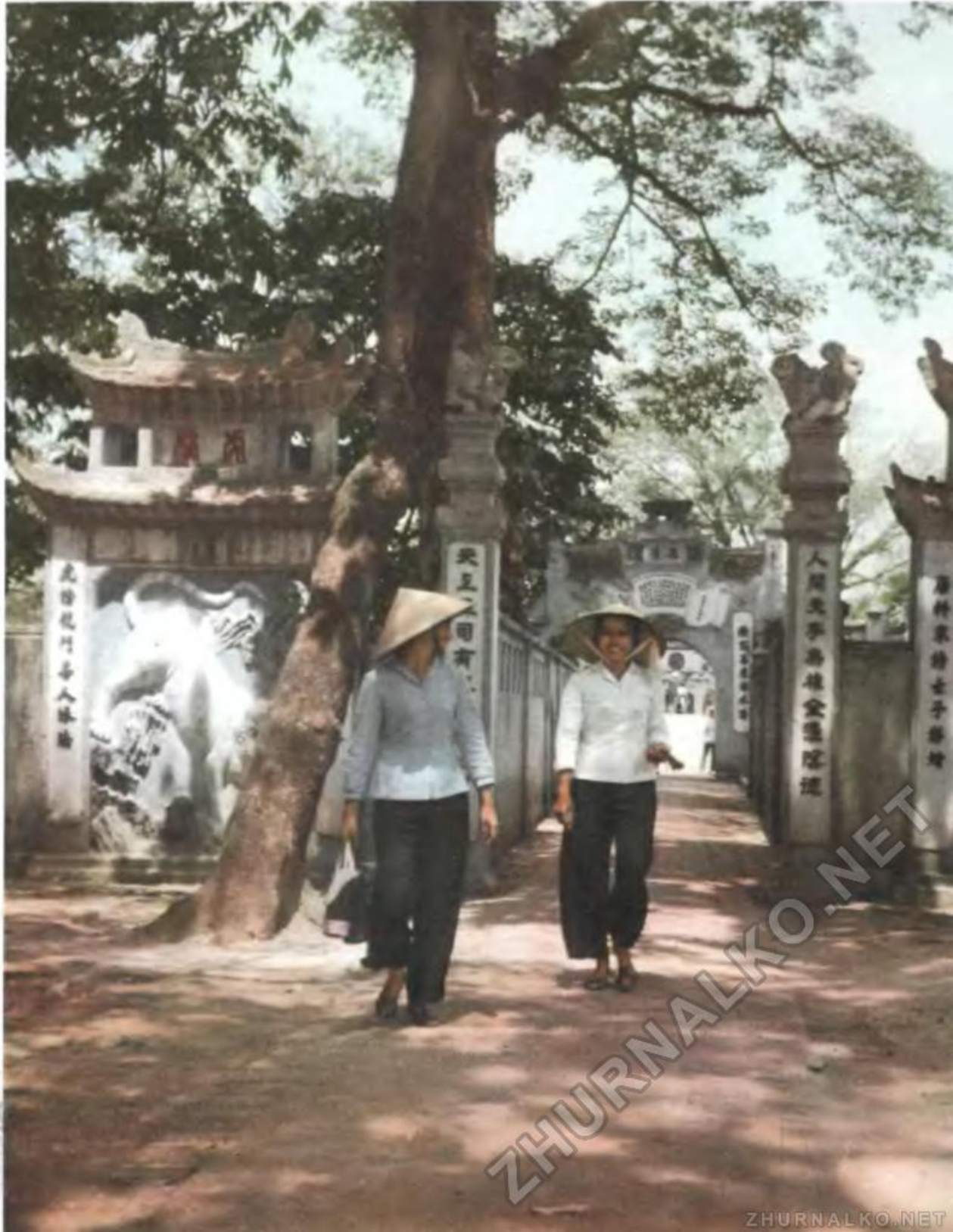
АНДРЕЙ НИКИТИН,
археолог

СВЕТА

ВОКРУГ

10 1986
ОКТАБРЬ

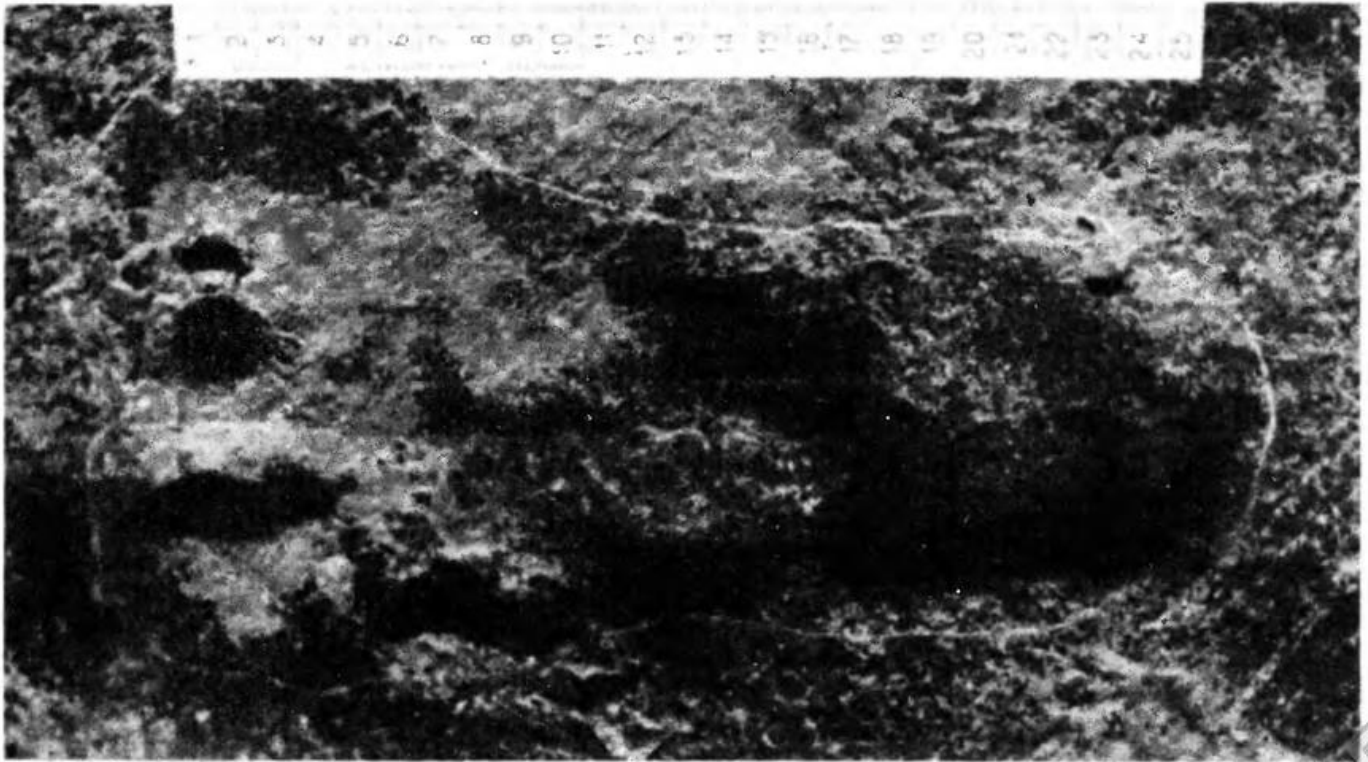
„СЛЕДЫ СЛОНОВ СВЯТОГО ДЕДА“

Когда лучи восходящего солнца коснулись крон гигантских кипарисов, влажный и жаркий воздух содрогнулся от тяжелых ударов по воде и от мощных трубных звуков затрепетали длинные, в несколько метров, глянцево-кожистые листья саговника, чем-то напоминающего пальму, и оттуда с испуганным криком взметнулся крылатый ящер. Планируя от дерева к дереву, он устремился к границе болота, которое обрамля-

ударяя сильным хвостом по воде. Плоская и вытянутая его голова, завершающая длинную шею, казалось, состояла только из двух челюстей, усеянных острыми зубами. Гигантское пятнадцатиметровое чудовище шевельнуло недоразвитыми передними конечностями, оглянулось и, подминая ростки молодого папоротника, напрямик направилось в сторону леса гинкго. За ним вышел второй хищник, третий...

— Да уж погуляли, — говорит подошедший Виталий Иванович Плуталов. — Мы тут целую карту-схему «маршрутов» динозавров нарисовали. В этом отношении хребет Кугитангтау просто уникален...

Это уже третья экспедиция, которую проводит Институт геологии АН Туркменской ССР в районе Ходжапиль-ата. До недавнего времени следы древних меловых рептилий, живших примерно 100 миллионов лет назад, были известны только в

След стопы человекоподобного существа, оставленный здесь 150 миллионов лет назад.

ли леса гинкго. Листья этих деревьев вырисовывались на фоне безоблачного неба огромными зелеными веерами, и в них было легче укрыться от опасности.

Но вот плотная стена зеленой массы колыхнулась, разошлась, и на открытый участок болота вышел динозавр. Он двигался на мощных задних конечностях, равномерно

— О чем задумались, Курбан Непесович?.. — Чей-то голос вернул меня в настоящее. Глаза слепит от яркого солнца, которого здесь, в Ходжапильском урочище — местности гористой и голой, в предостатке.

— Да вот наблюдал... за динозаврами, — с улыбкой отвечаю я, оглядывая участников экспедиции, готовых после пятиминутного отдыха продолжать путь. — Представилось, как они тут расхаживали.

Раватском ущелье, на хребте Баба-таг в Таджикистане и на горе Сатаплиа — к северо-западу от Кутаиси — в Грузии.

А не так давно в Узбекистане нашли наконец следы юрских динозавров, обитавших на Земле 150 миллионов лет назад. Но наибольшее количество верхнеюрских следов — и в нашей стране, и во всем мире — приходится на Туркменистан. Они обнаружены на западном склоне Кугитангтау, недалеко от селения Ходжапиль-ата. Если пере-

вести это название с туркменского, то получится — «Следы слонов святого деда». По легенде, огромные следы на плато более двух тысяч лет назад оставили слоны войска Александра Македонского.

Сейчас в районе Ходжапиль-ата протяженность всех известных следоносных площадей достигает 10 километров. В настоящее время на склонах хребта обнаружено 2500 следов! На одной лишь «центральной» площади «маршруты» древних животных образованы 1365 хорошо выраженными отпечатками. На Сары-Кая (Верхнее) прослежены 22 линии из 360 следов. На площади «ростовская», которую открыла группа студентов из Ростовского государственного университета под руководством профессора В. И. Седлецкого, — более 400 отпечатков. Такое количество следов верхнеюрских динозавров впервые обнаружено на нашей планете и не имеет аналогов.

Лучше всего следы сохранились на «центральной» площади к западу от Ходжапиль-ата, где мы совместно с В. Плуталовым, О. Горбачевым и другими участниками экспедиции составили карту-схему «маршрутов» динозавров. Площадь более 500 метров в длину и около 200 метров в ширину. Здесь мы нашли 35 цепочек следов различных направлений и протяженности. Встречались и параллельные: вероятно, некоторые животные «гуляли» парами.

Изучив более 2500 следов верхнеюрских динозавров различных особей, мы выделили из них три типа, принадлежавших животным, которые отнесены нами к новым родам: туркменозаврус, ходжапилозаврус и гиссарозаврус. Первый был, очевидно, двуногим гигантом с тремя массивными лепестковидными короткими пальцами на ногах. Характерно, что ширина пятки округлой слоновоподобной ступни составляет не менее половины длины следа. А вот у ходжапилозавруса на трехпалых ногах пальцы вытянутые, длинные, средний значительно выдается вперед, зато последний всегда короче первого. Клиновидная пятка, по очертаниям треугольная, суживается к задней части следа, и ширина ее не превышает трети длины следа животного.

У гиссарозавруса — двуногого, но уже четырехпалого динозавра — пятка прямоугольная, широкая. Следы глубоко вдавленные, встречаются на плато редко.

Нами был обнаружен и двупалый след. Впрочем, такая находка — не единственный случай. Ранее в нижнеюрских отложениях центральной части Высокого Атласа (Марокко) были найдены дву- и трехпалые следы небольшого размера: предположительно они принадлежат мелким хищным динозаврам — целурозаврам.

Несколько выше по склону хребта Кугитангтау мы открыли большое

скопление мелких трехпалых следов, потому и назвали площадку «детской»...

Солнце жжет все сильнее, а засыпавшие гигантские следы в каменной тверди плато ведут нас дальше. В большинстве своем они трехпалые и принадлежат, по-видимому, динозаврам, которые шли по незатвердевшему грунту мелководья — волноприбойные знаки на поверхности следоносной площадки хорошо сохранились. Здесь «гуляли» в основном двуногие ящеры, относящиеся к подклассу архозавров. Каждый след мы тщательно описываем, измеряем и фотографируем. Вообще размеры их в различных линиях неодинаковы. Наиболее крупные имеют в длину 86, а в ширину 73 сантиметра. Мелкие — соответственно 23 и 21 сантиметр. Средняя длина шага — 220, наименьшая же — всего 105 сантиметров.

— Однако равномерно шагали, — задумчиво говорит Плуталов. — Следы в линиях расположены почти на одном и том же расстоянии друг от друга.

— Есть и еще одна любопытная деталь, — замечаю я. — Смотрите, практически на всех следах сильнее вдавлены пальцы, нежели пятки.

Это наводит нас на мысль, что животные передвигались довольно быстро. Но тут мое внимание привлекли не очень четкие небольшие вмятины на плато чуть в стороне от цепочки следов динозавров и шедших параллельно им. Когда я приблизился к ним, одного взгляда было достаточно, чтобы понять — эти следы не принадлежали ящерам. Но кому? Правда, один из них, наиболее отчетливый, вроде напоминал... Я взглянул на озадаченно молчавших рядом сотрудников и сразу догадался, что они думают о том же — окаменевший отпечаток был явно похож на след... голая человеческая стопа. Нет, правильнее будет сказать — человекоподобного существа.

— Длина 26 сантиметров, — измеряя след и записывая, проговорил Виталий Иванович.

— Примерно на сорок третий размер, — подхватывает Олег. — Выходит, не ахти и какого роста...

— Не забудь сфотографировать, — останавливаю я их. — Выводы делать рано.

Наши предки — современники динозавров? Если обнаруженный след действительно принадлежит человекоподобному существу, то история человечества станет насчитывать не 5 или 10, а 150 миллионов лет. Ведь и в долине Пэлэксис Ривер в Техасе (США) были найдены так называемые «следы человека», сошедшие со следами динозавров. Похоже даже, что «человек» этот преследовал громадного ящера. Как установил американский палеонтолог К. Догерти, в теасской «Долине великанов» су-

ществовали сотни следов динозавров, и рядом с ними повсюду встречались отпечатки «босых человеческих» ног. В 1931 году американский геолог Г. Бурру сообщил об отпечатках «человеческих» ног, заключенных в слои, возраст которых 250 миллионов лет! Еще десять подобных следов он обнаружил в нескольких милях к северо-западу от Маунт-Вернона. Может быть, это подделка? Но на фотографиях, выполненных Г. Бурру, очень хорошо видно, что там, где подошвы оказывают обычно наибольшее давление, песчинки спрессованы сильнее, чем между пальцами ног и под сводом стопы...

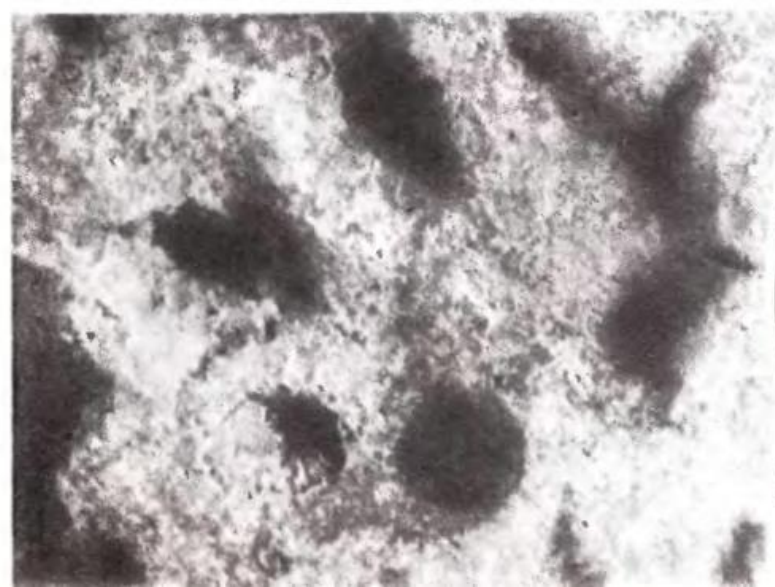
Ближе к полудню мы завершили свой путь по еще одной линии движения динозавров. Возвращаясь на базу, я думал о том, что к следам, оставленным доисторическими рептилиями около 150 миллионов лет назад, ученым еще придется вернуться не раз. Но увидят ли эти следы в целостности и сохранности участники будущих научных экспедиций — в том полной уверенности ни у кого из нас не было. Разрушительные силы природы миллионы лет не смогли стереть их с лица земли. Однако что не сделало время, «исправляют» туристы. Следоносные площади уже покрыты различными надписями, около хорошо сохранившихся следов валяются куски цемента и гипса — результат чьей-то неумелой попытки снять слепок с отпечатка.

А ведь, кроме многочисленных, имеющих мировое научное значение следов верхнеюрских динозавров — уникального памятника истории развития жизни на нашей планете, в этом районе находятся и арчевые леса с редкими и эндемичными видами флоры и фауны, крупнейшая в Средней Азии и редчайшая по своему образованию группа Карлюкских пещер — они также нуждаются в защите.

Наши опасения оказались не напрасными. Совсем недавно стало известно, что обнаруженный нами единственный четкий отпечаток человекоподобного существа кто-то разрушил, собираясь, очевидно, увезти его как сувенир.

ОТ РЕДАКЦИИ

Как нам сообщили, в целях комплексного изучения, сохранения и восстановления природных систем и объектов Гаурдак-Кугитангского региона Совет Министров Туркменской ССР создал в Чаршангинском районе Чарджоуской области Кугитангский государственный заповедник площадью 27,1 тысячи гектаров.

1

1991

БЫЛИ-НЕБЫЛИ
НОВОГО ОРЛЕАНА

ЖУРНАЛУ-130.
ЧТО ДАЛЬШЕ?

РОМАН САБАТИНИ
«КОЛУМБ»

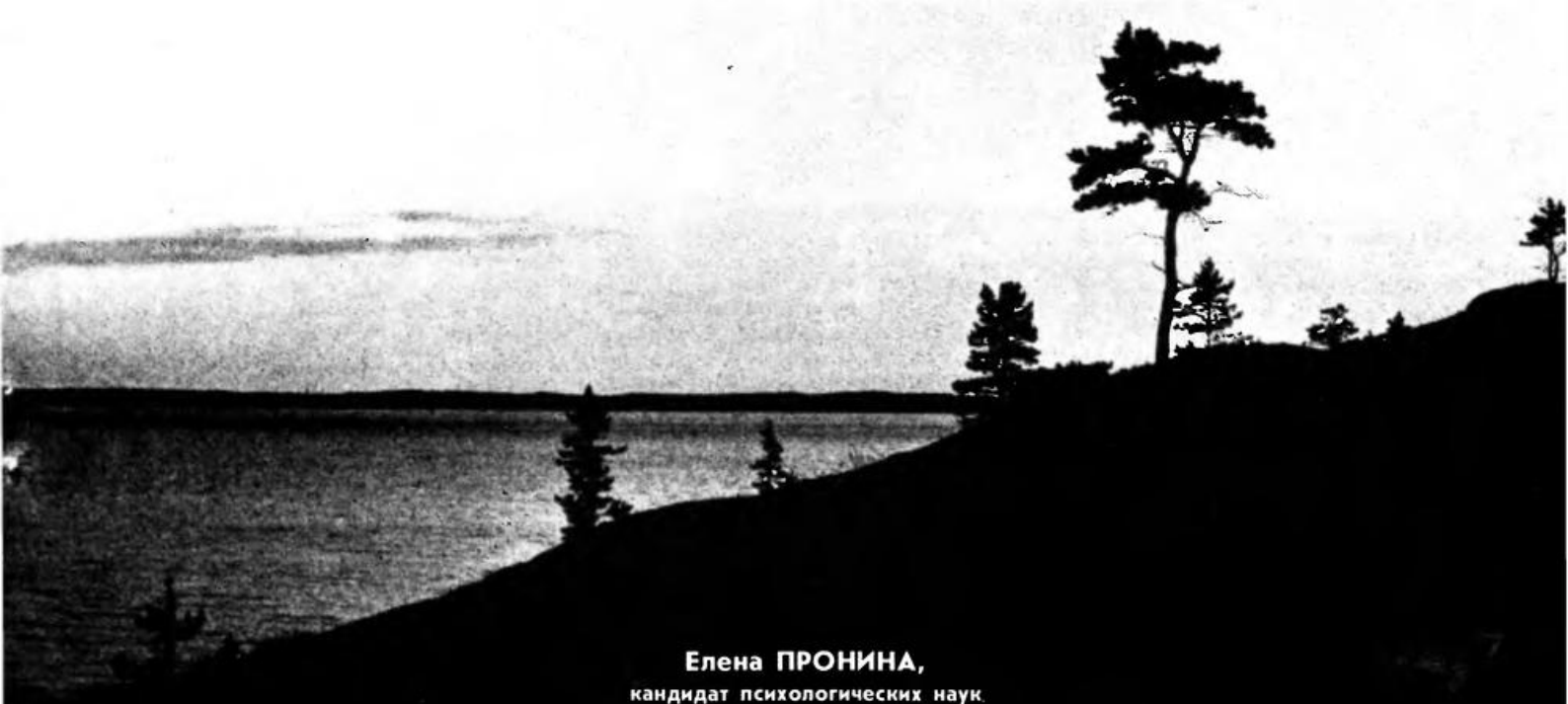
ЛЕЙТЕНАНТ
КОЛЧАК,
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
АРКТИКИ

ISSN 0321-0669

ВОКРУГ
СВЕТА

Елена ПРОНИНА,
кандидат психологических наук

Наш брат Робинзон

Экспедиция «Полярный Робинзон-90» успешно завершена. Все участники ее — юноши 16—17 лет — справились с конкурсной программой, показали свое умение выживать в экстремальных условиях, имитирующих кораблекрушение. Каждый завоевал право на титул «Полярный Робинзон-90». В конференц-зале журнала судейская коллегия вручила им дипломы и памятные медали.

Победил в конкурсе Артур Лузгин, студент Новгородского педагогического института, и Алексей Шеметов, учащийся ПТУ из Мурманска. Их награда — туристическая поездка в Венгрию.

Специальный приз «За мужество» вручен Даниилу Захарову, учащемуся ПТУ из города Люберцы. Специальный приз «За доброту» — Валерию Иванову, школьнику из Белгородской области.

Специальный приз журнала «Вокруг света» за лучший «Дневник Робинзона» редколлегия присудила Алексею Шеметову. Ему подарили пишущую машинку.

Как было оговорено условиями конкурса, журнал «Вокруг света» публикует в следующих номерах лучший «Дневник Робинзона», а также отрывки из дневников других участников состязания. Ниже публикуются заметки психолога о первых этапах конкурса «Полярный Робинзон-90».

Кто бы мог подумать, что любимым героем современных подростков окажется Робинзон Крузо?

Было странно встречать в сотнях анкет клуба читателей журнала «Вокруг света»¹ одну и ту же фразу: «Хотел бы пережить приключения Робинзона Крузо на необитаемом острове».

Тут не без юмора, наверное. Одному примечалось, что можно провести отпуск в «кокосовом раю». Другой полагал, что вместе с ним на «совершенно необитаемый остров» высадится вся его компания. А некая читательница сформулировала так: «Хочу, чтобы меня похитил любимый человек и отвез на необитаемый остров...»

Но ведь сотни (!) писем... Поневоле задумаешься.

Однако нашлись люди, которые совершенно всерьез приняли просьбу читателя С. Мышелова немедленно высадить его на необитаемый остров. Тогда-то и родилась мысль об акции «Полярный Робинзон-90»². Можно понять, почему порыв подростков поддержал петрозаводский клуб путешественников и исследователей «Полярный Одиссей» и романтический «Арктик-клуб». Но кто мог подумать, что завод строительных материалов и координационный совет НТТМ в Петрозаводске, комсомольско-молодежное предприятие

«Нечерноземье», Беломорская база Гослова и ряд других трудовых коллективов дадут деньги, провиант и приборы, выделят корабли и экипаж для организации конкурса «Полярный Робинзон-90»?

Инициативная акция клуба читателей журнала «Вокруг света», непредвиденная и необъяснимая, дорогостоящая и многохлопотная, стремительно материализовалась и стала практическим предприятием. Это удивительно уже само по себе и вызывает желание разобраться в психологических пружинах современной робинзонады.

Какую цель преследовали люди, пожелавшие стать Робинзонами? Испытать острые ощущения? Неординарные приключения? Но для этого в нашей сегодняшней социально бурной, неустроенной жизни возможностей более чем достаточно. Появилось довольно много новых областей, где человек может подвергнуть себя риску... Однако его тянет на традиционное приключение. Впрочем, что такое робинзонада в начале лета на маленьких островах в Белом море? Это, в сущности, элементарная голодовка при среднесуточной температуре плюс 10 градусов. Значит, людям хотелось выявить пределы своей психической и физической природы, что называется, испытать себя.

Понимал ли подросток, приславший заявку на участие в конкурсе, на что он идет? Пожалуй, да. Во всяком случае, отвечая на анкету «Полярного Одиссея», почти все претенденты правильно характеризовали природные условия Беломорья и

¹ О создании этого клуба см. «ВС» № 8/89 и № 1/90.

² См. «ВС» № 3/90.

вполне реалистично прогнозировали предстоящие испытания. Большинство из них ходили туристскими маршрутами третьей категории трудности, кто стал разрядником в разного рода единоборствах, кто спускался в пещеры со спелеологами, кто совершил десяток прыжков с парашютом. Но были и такие, у кого за спиной — ничего. Кроме 16 лет и желания испытать себя.

Учитывала ли отборочная комиссия тот элемент риска, который несет в себе мятущаяся психика подростка? Судите сами. Ко второму туру были допущены всего 40 конкурсантов из 1293 приславших заявки. Но дело не столько в цифрах, сколько в главном принципе отбора. Брали по... «литературным задаткам», определяя по письмам и ответам на анкету уровень развития речи, богатство ассоциаций, развернутость и ясность изложения, способность осознать и выразить свои переживания. Не правда ли, несколько странный критерий подбора команды для рискованного путешествия? Но в комиссию входили сугубо деловые люди: мореходы, исследователи, предприниматели... Из всех возможностей, обеспечивающих выживание, они выше всего ставили интеллект.

Лето 1990 года было тяжелым для страны. Не нужно строго судить тех, кто остался дома, хотя получил приглашение на второй тур. Но 26 мальчишек в назначенный день явились в Петрозаводск. И следует по достоинству оценить мужество родителей, оставшихся в Анадыре, Междуреченске, Махачкале, Оренбурге, Ленинграде, и их уверенность в жизнестойкости своих детей. Согласие родителей было обязательным условием участия в конкурсе. Еще трое ребят приехало из-за границы. Два

румына и чех. Они практически не знали русского языка. Это добавило колорита конкурсу «Полярный Робинзон-90», который стал международным.

Второй тур начался с того, что все участники экспедиции отказались от своих имен и приняли прозвища, то есть скрылись за девизами, как и положено в настоящих конкурсах. Один взял себе имя деда и стал «Петром», другой вспомнил моряка, послужившего прототипом Робинзона Крузо, и представился всем как «Сэш», третий скромно захотел, чтобы его звали «Христос», четвертый назвался «Сэмом»... Неплохой способ проявить фантазию и установить неформальные отношения.

Бивачная жизнь раскрывает человека мгновенно. Уже на второй день главный судья и распорядитель этого этапа конкурса Александр Панов, знаменитый карельский проводник туристских групп, обронил фразу, что таких ребят за всю практику у него не было...

Трудно сказать, в чем состояло обаяние этих ребят. Словно некая фамильная аура соединяла их. Недаром они безошибочно узнавали «своих» в переполненных вагонах и, познакомившись на перроне во время пятиминутной остановки поезда, приезжали в Петрозаводск закадычными друзьями. Но здесь, в палаточном лагере, они вовсе не стремились сбиться в кучу. Конкурс шел своим чередом. В каждом упражнении выявлялись свои рекордсмены. Рекордами восхищались. И только. Не возникало в коллективе системы авторитетов, как нередко случается в молодежных компаниях. Некоторые взрослые удивлялись: «Вот «Никита» — и кандидат в мастера спорта, и студент МВТУ, и в соревнованиях первый, и

характер имеет решительный, а лидером для ребят так и не стал...» Но куда значимее было то, что лидером не стал вообще никто. Так же как никто не стал «шестеркой» или «изгоем». Ни у кого не возникло нужды в вожаке, потому что каждый сам был способен оказать помощь другому. В людях, проводивших конкурс, они тоже ценили не столько приветливость, сколько откровенность. И постоянно устраивали им проверку «на профессионализм». Но более всего будущим Робинсонам хотелось проверить, вернее, реализовать собственную жизненную философию. Как говорят психологи, это нормально, подростковый период еще в древности называли «философским возрастом». Поражала только неожиданность и глубина их духовных ориентаций.

Удивил, например, разговор с «Сэмом». У этого ленинградского школьника свое, не встречавшееся в книгах, понимание романтики. «Романтика для мужчины», — сказал он, — преодоление трудностей. Это для женщин романтика — риск. Для нас — выживание в экстремальных условиях». И пояснил: «Мужчина — добытчик и защитник. Он должен рассчитывать на себя, на свои силы. А женщине приходится в большой степени полагаться на удачу или случай...»

«Гринвуд» и «Вулкан» — одноклассники из карельского города Сегежа. Один из них носит косичку, другой стрижется «под полубокс»; оба — в выдавшей виды «самопальной» униформе школьного лесничества с яркими эмблемами «Клуба культурных туристов». С полным бесстрашием они выполняют упражнения, показывая, впрочем, неплохие результаты. По вечерам, словно бес-

Вниманию тех, кому нужен друг и спутник жизни. ОБРАТИТЕСЬ ВО ВСЕСОЮЗНУЮ СЛУЖБУ ЗНАКОМСТВ «ПОИСК». «Поиск» расширит круг ваших

знакомств и окажет помощь в создании дружной, счастливой семьи. «ПОИСК» располагает широкой информационной сетью во многих городах.

«ПОИСК» ищет и находит!

Сведения об условиях заключения договора со службой знакомств получите по адресу: 220002, Минск-2, а/я 132, или в одном из отделений нашей информационной сети:

198261, Ленинград, пр. Ветеранов, 93/148;
290005, Львов, ул. Менделеева, 11/2;
252148, Киев, ул. Соснинных, 8/12;
350072, Краснодар, ул. Коллективная, 43/120;
720001, Фрунзе, ул. Белинского, 51/10.
В свое письмо вложите пустой конверт с вашим адресом.

сменные костровые, рубят дрова, ухаживают за огнем, почти не принимая участия в разговорах. Но однажды, когда вместе с костром уже догорала беседа, «Гринвуд» и «Вулкан» взяли гитары. Они пели так, что потом их пение транслировала программа «Молодежный курьер»... В их исполнении своих же песен все было непредугадываемо. До странности непривычная ритмика словно высвечивала подтекст незамысловатых стихов, возвращая слова к изначальному смыслу. «Мы стали в леса уходить», — пели ребята. И даже не чувство, а физическое ощущение дружеского прикосновения вызывала строфа: «Я чувствую плечи братьев сидящих...» И детские мечты воскресали под рефрен: «Нам снятся мустанги. И гул их копыт...» «Гринвуд» и «Вулкан» — индейцы. Они вместе с теми, кто стремится жить по обычаям и моральным законам индейцев времени Фенимора Купера. А робинзонада для них всего лишь некий искус. Какой? Не суть важно. Отрочество — время, когда любая мысль философического свойства может тут же превратиться в поступок. Но для всех нас куда важнее — какой будет та мысль, которая потом продиктует этот поступок. У подростка работа мысли и действие, в сущности, очень близки. Потому он многое понимает быстрее и раньше всех...

Но и Робинсонам был заготовлен сюрприз. Сначала они подумали, что едут на лодочную прогулку. Правда, погода не очень подходящая: ветер два балла, дождь, холодно. Вода в Лососином кажется черной. Но и сейчас озеро прекрасно: большое, во весь

горизонт, со множеством зеленых островов. Ребята расслабились. Им кажется, что испытания позади. Днем завершились состязания. Каждому пришлось бежать по болоту, идти по качающемуся бревну, переправляться через речку по канату, печь на костре лепешки... Но судьи еще не назвали победителей. Ребята считают, что им осталось только ждать. И тут объявляется: «Робинзоны по двое высаживаются на острова, получив только пустую стеклянную банку и несколько спичек. Задача: сделать жилище, высушить одежду, выпастись и приготовить чай с травами. Проверка через сутки. Кто не желает, может вернуться в лагерь».

Ребята объявляют. Они в восторге. Лодки веером расходятся по озеру и замирают метрах в 30 от берега... Новая неожиданность — до острова нужно добираться вплавь. Температура воды не выше 12 градусов. В одной из лодок журналист включает диктофон: «На прощание пару слов для наших радиослушателей». — «Гуд бай, Америка» — запекает дурашливым голосом «Искатель», студент из Иванова. Ребята прыгают за борт.

На другой день судейская коллегия оценила 13 шалашей, попробовала 13 целебных напитков, а также грибных супов и еще того, что удалось поймать или найти и сварить на костре. Испытания выдержали все, хотя у каждого были свои трудности. Плюс еще одна — общая. Каждый встретил на своем острове «след человека», «дикого» туриста, варвара, пьяницы и токсикомана. Робинзоны все утро собирали мусор вокруг своих временных стоянок. Но «Хо», студенту из Новгорода, этого показалось

мало. Свою композицию в стиле поп-арт из пустых бутылок, консервных банок, полиэтиленовых пакетов и разорванных тюбиков клея «Момент» «Хо» растянул над уютной бухточкой как сигнал бедствия, которое терпит не Робинзон, а необитаемый остров.

Этим ребятам не надо объяснять, что Робинзон может бороться за выживание, если позаботится прежде о том, чтобы выжила природа.

Судейская коллегия должна была вынести решение к 18.00. Но решения не было ни в 19.00, ни в 22.00. Только в полночь, благо ночи здесь белые, председатель оргкомитета конкурса «Полярный Одиссей» Вениамин Каганов огласил результаты. Они тоже оказались неожиданными. Сердце не камень даже у деловых людей. Не шесть, как предполагалось, а десять человек получили право испытать лишения на необитаемых островах Белого моря. К ним присоединились трое иностранцев.

Велико было огорчение проигравших. Но никто не был обижен. «Жалко уезжать», — сказал «Сэш», школьник из поселка Энтиген на Чуколке, — но стоило ехать сюда хотя бы для того, чтобы побыть вместе с такими отличными ребятами».

Победители готовились к посадке на экспедиционное судно довольные, но притихшие. Многие должны были еще только совершиться в них — в час испытания внутренних ресурсов личности и организма. Но что он за человек — наш брат Робинзон, понимали уже все.

Карелия, озеро Лососиное

ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ТАИН И ЗАГАДОК ЗЕМЛИ ПРИ УНИО ЦЭНДИСИ СССР,

объединяющее геологов, географов, биологов, археологов, историков, этнографов, лингвистов, занимается изучением спорных и нерешенных проблем Истории Земли:

- глобальных катастроф, изменявших лик Земли в геологическом прошлом, и их прогнозом в будущем,
- исчезнувших цивилизаций,
- сохранившихся до наших дней реликтовых животных и т. д.

Общество проводит на договорной основе поиск полезных ископаемых, подземных вод, археологические раскопки, прогноз сейсмической опасности с использованием методов биоокации и ясновидения.

Организации и граждан, ведущих соответствующие исследования и желающих стать нашими членами или заказать какие-либо работы, просим сообщить об этом по адресу: 117804, Москва, ул. Кедрова, д. 8, кор. 3. УНИО. Общество по изучению тайн и загадок Земли. Телекс 411700 UNIO Телефакс 2002216 UNIO

Ждем от вас деловых предложений и помощи, будем рады материалам о встречах с неведомым.

МОЯ РОБИНЗОНАДА

Алексей ШЕМЕТОВ
Фото Олега ЩУКИНА

На фотографиях — группа участников экспедиции «Полярный Робинзон-90». Каждый из них, кроме приехавших из Чехо-Словакии и Румынии, проходил конкурс под девизом: Алексей Шеметов — «Знахарь», Артур Лузгин — «Хо». Роман Грищенко — «Никита». Владек Шафранек, Даниил Захаров — «Дикий».

Как мы уже сообщали в первом номере журнала, лучшим дневником участников экспедиции признан дневник Алексея Шеметова, учащегося ПТУ из Мурманска. Публикуем его с некоторыми сокращениями. Свой дневник Алексей начинает с рисунка знака клуба «Полярный Одиссей» и описания тех летних дней прошлого года, что предшествовали робинзонаде.

Свершилось! Невероятно, но факт! Я прошел, прошел во второй тур... Впрочем, радоваться буду, когда (и если) пройду остальные испытания, когда стану Робинзоном. Интересно, чему будет отдаваться предпочтение при отборе? Но глупо, наверное, делать себя под это предпочтение... Стоит определить свою линию и придерживаться ее до конца.

В письме, где сообщалось о моем отборе, предлагалось взять с собой пенополиуретановый матрац и все, что считаю необходимым, самому выбрать одежду. Довольно-таки божеские условия... Что же я считаю необходимым? Матрац, название которого даже выговорить без запинки трудно, — это роскошь, его можно заменить чем угодно. Буду отталкиваться от первого условия конкурса:

продержаться 30 суток с минимумом запасов... Эх, как далеко это от настоящей робинзонады! Идти на остров с твердой уверенностью, что через месяц ты вернешься, и идти на остров, не зная, когда вернешься, — это громадная разница, которая меняет буквально все с самого начала и в конце... Вспоминаю историю американского писателя-фантаста Роберта Хайнлайна. Повесть «Туннель

в небе». Там тоже забрасывались ребята на необитаемую планету, где им необходимо было продержаться несколько недель. Перед забросом им предлагалось выбрать любое снаряжение. Так вот, интересен их выбор экипировки, оружия. Чтобы выжить на планете, важно чувствовать себя не королем природы, у которого в руках сила против любой опасности. Это быстро притупляет бдительность. Важно именно чувство страха, когда нервы человека на пределе, когда ожидаешь нападения в любой момент с любой стороны, важно быть не над природой, важно быть ее рядовым. В итоге герой берет с собой лишь два ножа. Пожалуй, из этой повести можно извлечь и что-то для себя.

Второе условие конкурса, не менее важное, на мой взгляд, — не просто ворваться в природу острова, отбыть там 30 суток и вернуться. Надо постараться слегка раздвинуть строй-

ную экологическую цепь острова, вставить в нее новое звено под названием *Homo sapiens* и по истечении месяца вернуть все на место. В этом, пожалуй, главное отличие от истории Даниеля Дефо, где все сводилось к простому выживанию в экстремальных условиях.

Итак, главное — выжить, избежать лишений, поладить с природой и пережить как можно больше приключений. Вероятно, все это и будет в итоге критерием победителя. В поисках приключений нужно будет исколесить остров вдоль и поперек, а это возможно лишь с максимально облегченной одеждой и ношей. Выходит, одежду надо подбирать легкую, теплую, удобную и по возможности непромокаемую. Запасы... Прежде всего топор, нож, котелок, огонь. Пожалуй, еще компас. Из мелочей — шило, моток ниток, рыболовные снасти. Об охоте пытаюсь не думать, но, видимо, придется. Лук и стрелы? В детстве был профессионалом в стрельбе из лука, придется вспомнить былое, тряхнуть стариной...

Пошел в библиотеку. Выписывал названия съедобных растений. Думаю еще наметить хотя бы приблизительно предполагаемый ассортимент грибов. Стоит, наверное, почитать и о ягодах. Если условия конкурса позволят, обязательно возьму запас соли. В лекарственных растениях стоит сделать особый упор на ранозаживляющие. Фактически, чтобы все это изучить, мне надо днество и ночество в библиотеке. Тут уже никакого намека на робинзонаду. И все-таки заставил себя выписать и запомнить самое основное. Узнал, что в сушеном виде грибы теряют многие ядовитые вещества...

Боюсь за свои знания радиотехники. Неоднократные порывы собрать солидный радиоприемник так и не увенчались успехом, а толстая папка всевозможных электронных схем — от элементарных сирен до компьютеров — по сути, мертвый груз. Туристские мои навыки тоже, как говорят, не фонтан. Ни в какие турпоходы я не ходил, никаких туристических клубов не знаю, до всего доходил самоучкой. Вполне возможно, сляпаю что-нибудь не так. Впрочем, робинзонада — это не турпоход, это робинзонада. В ней каждый основывается на собственном опыте, он у меня есть, это главное.

...Думал о том матрасе, который предлагается взять с собой. По-моему, здесь какой-то подвох. Не есть ли этот матрас основной или один из первых факторов отбора (какие, однако, эпитеты для несчастного матраса)? Несомненно, кто-то отсеется — либо тот, кто взял матрас, либо тот, кто не взял. Прямо-таки Гамлет — Робинзон: «Брать или не брать?..» По-моему, хороший кусок обычной клеенки больше пригодился бы на острове.

Как всегда, ответ дала практика.

Ходил в сопки потренироваться. Брал только спички, топорик, нож.

Ножом ни разу не воспользовался, спичек на два костра использовал три штуки. До лета здесь в общем-то еще далеко, природа только пробуждается. Все, что смог найти в пищу, — это масса прошлогодних ягод. Подобрал пустую, брошенную кем-то бутылку, основательно вымыл ее в ручье, наполнил, хотел выпить, но вовремя углядел в воде какие-то живые организмы. Подумал, как их удалить. Заметив, что они стремились вниз, к земле, зажал горлышко пальцем, перевернул бутылку вверх дном и подождал, пока вся нечисть соберется возле моего пальца. Убрал ее, вылил немного воды, и в бутылке осталась вполне сносная чистая вода. Для верности разбавил ее соком ягод. Жажду утолил мгновенно.

Вернувшись домой, понял, что коврик все-таки нужен: чувствую, схлопотал хорошее воспаление десны. По ночам концентрирую на этом месте жизненную энергию, как учит восточная медицина. Кажется, процесс воспаления приостановился.

Старые сапоги совсем разошлись. Набил ими солидную мозоль. Хорошо бы достать вибраторы — походные ботинки. Говорят, отличная вещь, но где их купишь? Да и денег нет. Впрочем, не беда. Помнится, дед учил делать лапти. Если уж с лыком будет туго, вполне можно обойтись простой корой да ровными ветками для элементарных деревянных сандалий. Нужно будет просто закупить пару мотков капроновых ниток. У знакомого альпиниста одолжил, не выдержав, злополучный коврик. Немного отоварился — купил новый рюкзак и небольшой котелок.

Что-то ждет меня впереди... Листал астрономический календарь — потрясающе! 22 июля будет полное солнечное затмение. Увидеть такое, сидя на необитаемом острове в Белом море...

Интересно наблюдать реакцию людей, которые узнают о целях моей поездки в Петрозаводск. По-моему, это многое говорит о собеседнике как о человеке. Ребята моего возраста, как правило, встречают известие о робинзонаде потоком шуток и острот. Тут же составляют предполагаемый сценарий дневника: «День 20-й. Дожевал последние шнурки. День 21-й. Взялся за ботинки. День 22-й. С ботинками покончено...» — и так далее. Чем младше собеседники, тем больше в шутках слышна нотка зависти. Почтенные взрослые в открытую спрашивают: «Зачем тебе это надо? Жил себе и живи спокойно, думай о будущем...» Родители мои тоже не исключение. Как правило, в таких случаях спорить бесполезно. Интересно, что первый аргумент «против», который они выдвигают, — это: «Зачем тебе нужна тридцатидневная голодовка?» Будто весь смысл существования состоит в том, чтобы набить желудок. Иногда даже доходило до смешного: «А где ты там будешь спать? А вдруг заблудишься?» Пона-

Вчера пошел дождь ветер вновь разбух

мой оборот
кую обна
теперь в
что-вот
Бегло
найдя и
на верш
водили
ров остро
нр. Зел
масса
было

рва. Как мы не отбивались от них, как не укуты-
вались, крави они нам папортели много. Впрочем,
не смотря на этот кедровый иванчик Абакумичи, по-
спали мы почти до полудня следующего дня.

чалу я спорил, доказывал, что вся прелесть робинзонады именно в этих трудностях и лишениях, что жизнь в комфорте глупа и бесполезна, но потом понял, что человек, всю жизнь проживший в тепле города, человек, который никогда не проваливался под лед в ледяную воду, не был покусан муравьями и опален горячим солнцем, никогда меня не поймет и не откажется от пышного торта, чтобы съесть полусырую-полусгоревшую картофелину из костра... Таких людей не убедить даже в том, что лесная среда для человека более естественна, нежели городская, потому что люди вышли из леса и должны вернуться туда (не в такой, конечно, экстремальной форме, как робинзонада). Плохо, что этих людей большинство, и не дай Бог единицам «безумцев приключений» приобщиться к этому большинству.

День первый. 8 июля. Воскресенье.

Итак, я на острове, отрезанный от всего мира. После продолжительных скитаний на моем корабле по бушующему морю Белому я потерпел крушение у скалистых берегов этого

острова и оказался на нем вместе со своим другом... Или — мой утлый плотик после крушения в открытом море большого судна наконец-то нашел свое пристанище здесь, на этом необитаемом острове, населенном неизвестными птицами и зверями... А если серьезно, то сегодня утром меня и моего собрата по робинзонаде Артура Лузгина высадили на западном каменистом берегу вытянутого, как стрелка компаса с юга на север, острова Абакумиха. Старый баркас остановился от берега метрах в ста. Мы перебрались в синюю моторку «Кемь-Каяни», возбужденные приближением долгожданного события, держа в руках завернутые в плащ-палатку НЗ и наш минимум запасов. И вскоре уткнулись в серые валуны Абакумихи.

Немного поразмыслив, решили идти на южную часть острова, более лесистую и крутую, к которой примыкал еще один крохотный островок, состоящий в основном из громадных валунов. Между Абакумихой и островком тянулась песчаная коса, образуя две небольших бухты и вполне сносный пляж. Но нас привлекало не только это. Еще на подходе к Абаку-

Рисунки из дневника Алексея Шеметова.

михе один щетинистый мужичок, вероятно, из команды баркаса, просто-ранно намекнул, что этот островок будет нам очень интересен. Все попытки вытянуть из него еще что-нибудь не увенчались успехом. Предстояло выяснить ценность островка самим.

Мы обосновались у небольшого давнишнего очага в южной части Абакумихи. И тут же решили обследовать побережье.

Остров Абакумиха оказался невелик, мы обошли его часа за три. Северный берег представлял собой монолитную пологую стену серого камня. «Ни ложбинки пологой, ни тропиночки убогой». Этот берег можно было бы окрестить Берегом смерти, если бы не пернатые. На каждом шагу мы вспугивали стаи уток и чаек. Правда, взлетали они на изрядном расстоянии от нас — не метнуть ни камня, ни топора. В одном месте я даже загнал в воду тулени. Заметил его, лишь когда подошел почти вплотную: серый, округлый, он мало чем отличался от окружающих камней.

Каменистые откосы, отвесные стены, скальные уступы окаймляли почти все побережье острова. Растительность была лишь в центральной части и подходила почти вплотную к морю только на южной стороне.

По дороге, вспоминая наставления инструкторов, мы собирали, так сказать, следы антропогенного воздействия. В результате возле очага оказались старая лыжа с порванным креплением, детский пластмассовый пароходик, розовая ножка куколки, кожаный порванный сапог, масса поплавков от сетей и так далее. В чем, в чем, а в следах человека на Абакумихе недостатка нет! К тому же во время обхода мы установили, что весь берег буквально усыпан бревнами и досками, вероятно, оторванными где-то от пирсов и принесенными сюда морем.

Окинув взглядом завалы бревен, мы решили ставить сруб. Дело не легкое, особенно в первый раз. Перетащив около двадцати бревен, взявшись за топор. Я моментально набил себе мозоли от резиновой ручки топора. У Артура были перчатки. Проработав около пяти часов, мы поставили только треть сруба, но устали изрядно, тем более что последнюю ночь почти не спали. Решили немного отвлечься и занялись проблемой: чем бы пообедать? Артур, раздевшись, вошел в воду залива в надежде отыскать желто-бурые длинные листья ламинарии, которые можно употребить в пищу сырыми. Я же, заострив тонкую палку, гордо окрестил ее гарпуном и отправился за рыбой. Но увы! Рыба замечала меня раньше, чем я успевал воткнуть в нее свой гарпун. Артур, набрав листьев ламинарии, развесил их на ветвях и спустился к воде отмыть от грязи стеклянную банку, найденную на северном берегу

Абакумихи. Закинув свой гарпун по-
дальше, я вернулся к очагу и принялся
за огонь. Через несколько минут
услышал голос Артура. Оказалось, он
наткнулся на заросли мидий-раку-
шек. Питательнейшая вещь. Через не-
сколько минут мидии варились в ко-
телке с морской водой, и еще через
несколько минут мы их с аппетитом
поглощали.

Во время осмотра острова я сорвал
несколько желтых веточек зверобоя.
Нарвав еще брусничных листьев,
разложил травы на плащ-палатке, а
Артур, взяв котелок, отправился на
поиски пресной воды вдоль западного
побережья. Там, где начинался север-
ный монолит, мы в расселинах виде-
ли множество луж с водой, вполне
пригодной для питья. Вскоре Артур
вернулся. Пахучий зеленоватый отвар
был приготовлен в течение двадцати
минут.

День был на исходе. Настала пора
позаботиться и о крыше. Быстро со-
орудив навес из досок и клеенки, мы
покрыли его плащ-палаткой, пере-
несли под навес все вещи, которые
могли намочить, и улеглись спать.
Тотчас нас окружил писклявый рой
комаров... Так закончился наш пер-
вый день на острове Абакумихи.

День второй. 9 июля. Понедельник.

Проснувшись в полдень, сварили
оставшиеся от вчерашней пирушки
мидии. Несколько штук отложили в
сторону. Еще вчера появилась мысль
попробовать половить на них рыбу.
Снасти у нас были, удилще я быстро
вырубил из сухой сосенки, и Артур
отправился на промысел. А я взял ко-
телок и пошел за водой на при-
мыкающий к Абакумихе островок.
Во время вчерашнего беглого об-
следования мы видели там лужицы
пресной воды; островок был го-
раздо ближе, чем то место, где Артур
брал воду. Обойдя пару луж, я заме-
тил несколько маленьких и вполне
чистых водоемчиков, что цепочкой
тянулись к морю. Кое-где на голом
камне можно было различить узкую
темную бороздку стекающей воды.
Так вот в чем ценность этого остров-
ка! Здесь били самые настоящие
пресные ручьи. Теперь мы были фак-
тически освобождены от ежедневного
хождения по камням Абакумихи
за километр от дома. Вернувшись, я
бросил в котелок несколько кристал-
ликов марганцовки, отпил немного и
принялся за работу.

Артур вернулся ни с чем, сказав,
что в прозрачной воде его удилще
легко заметить. Снова принялись за
строительство дома. Перчатки на сей
раз поделили. Было очень жарко.
Каждые полчаса я спускался к морю,
чтобы намочить верхнюю одежду. В
первый день я неосмотрительно снял
с себя почти все, и теперь плечи мои
изрядно горели.

Когда уже близился прохладный
комариный вечер, с Артуром случи-
лось ЧП. Работая топором, он после
какого-то неловкого удара вонзил
лезвие в ладонь левой руки. Мягкая
плоть была рассечена почти на санти-

*К центральному шесту, это была собственно
обшарпанная изрядно потрескавшаяся, на которой
вырезано:*

метр в глубину. Крови было немного.
Артур держался на редкость спокой-
но. Я быстро вскрыл пакет с medica-
ментами, извлек бинт, ампулы с йо-
дом. Обработав рану, наложил тугую
повязку. Рана была не из легких, по-
этому, немного поспорив, решили
сделать вызов.

В снаряжении, которое нам выда-
валось при посадке, были две раке-
ты, подобные новогодним хлопуш-
кам, но гораздо больших размеров. С
замирающим от волнения сердцем я
вышел на берег моря, поднял ракету,
рассчитав на глазок угол наклона
против сильного ветра. Красный ого-
nek с шипением взвился вверх, остав-
ляя сизый, быстро уносимый ветром
след. По нашим расчетам, прийти к
нам должны были не раньше, чем
через полчаса. Чтобы не терять время
даром, я продолжил работу.

...Эти строки я пишу поздно вече-
ром, плача от дыма и отмахиваясь
от комаров. Артур с перебинтован-
ной ладонью сидит рядом. Никто к
нам так и не приехал, не прилетел
и не приплыл. Вероятно, наш сигнал
просто не заметили. Что ж, может,
это и к лучшему. У нас еще есть одна
ракета, но стоит ли ее использовать?
Если бы приехал врач, Артур вряд ли
бы остался на острове. Впервые я
задумался, каково мне будет одному
на Абакумихе. Остров, совсем недав-
но представлявшийся мне невероятно
живописным, показался унылым и
безрадостным. От одной мысли, что
много дней мне придется одному
смотреть на эти острова, покрытые
мрачным сосновым лесом, на это
однообразное море, на это солнце,
гвоздем торчащее посреди противно-
го голубого неба, стало не по себе.
Артур должен остаться. Лишь бы не
было заражения, тогда уже вызывать
врачей просто необходимо. Поблизос-
ти есть много сфагнума, ранозажив-
ляющего, обеззараживающего мха.
Можно использовать его. На юго-за-
падном берегу Абакумихи я видел
маленькие листья папоротника — то-
же вполне пригодны для этого. Нуж-
но сделать все, чтобы рана затя-
нулась.

День третий. 10 июля. Вторник.

Проснулся я, как ни странно, неве-
роятно уставшим. Во всем теле была
большая, ленивая истома, тягучая,
как резина. Малейшее движение от-
зывалось ватной болью в мышцах.
Результат двух дней непрерывной ра-

боты. От энтузиазма не осталось и
следа. Мне стоило немалых усилий,
чтобы пересилить лень и отправиться
за водой на островок. По дороге за-
метил, что птицы, которые в первый
день, едва завидев нас, шарахались
враспынную, сейчас лишь насто-
роженно скидывали головы и прово-
жали внимательными взглядами —
мол, этим-то здесь чего нужно? К
нам явно привыкали...

На островке, к моему удивлению,
все ручьи почти пересохли, вода во
впадинах стала мутно-зеленоватой.
Ценность островка таила на глазах.
Пришлось вернуться и идти к камен-
ным уступам. Там я нашел отличную
воду. Глубокая впадина была напо-
лена почти доверху. Я огляделся:
таких луж поблизости было немало,
но все они то ли заросли тиной, то
ли сильно позеленели. Как бы такая
участь не постигла и наш новый
источник. Вероятно, лужу надо чем-
то прикрыть от солнца, дабы не вы-
сохла, и хорошенько промарганце-
вать, чтоб ничего не завелось.

О еде мы почему-то не воспомина-
ли до самого вечера, вероятно, леген-
да об огромной питательности ми-
дий имела под собой основание. Ра-
ботали в тот день без передыха. На-
тасканные бревна для строительства
хаты (так мы называли свой дом)
кончились еще утром. Пришлось сно-
ва взять на себя роль ломовых тя-
гачей. Нужной длины бревна быстро
иссякли. Нам все чаще и дальше при-
ходилось удаляться от бивака и брать
бревна гораздо длиннее, чем было не-
обходимо. Класть такие бревна было
глупо. Рубить их — едва ли умнее.
Поэтому мы решили их пережигать.
Очаг наш работал весь день беспере-
бойно, окуривая сизым дымом все
вокруг, в особенности нашу хату.

Пережженные бревна мы заливали
водой, обрубали черные угли и кла-
ли на стену. Особенно тяжело мне
давалась рубка пазов. Сухожилия ки-
сти просто не в состоянии были сжи-
маться от противной ломоты. Ближе
к вечеру со стенами было покон-
чено. Я сходил за пресной водой, Ар-
тур приготовил мидий и брусничный
отвар. Ужин заобрал наши рычащие
желудки, и с новыми силами мы про-
должили строительство. Пробежав по
округе, собрали немного более или
менее уцелевших прямых досок. Че-
рез час в срубе стояли солидные
крепкие нары и столик. Нашлась до-

ска и для полки над нарами, на которую мы свалили всю нашу мелочь. Уже поздно вечером мы начали класть крышу, но, измотанные, уставшие, решили отложить это дело на завтра.

В течение дня появлялись небольшие наметки планов на будущее. Не плохо было бы составить хотя бы приблизительную карту Абакумихи и собрать гербарий местных растений. Можно сколотить простенький плотик и сплавить на Кондостров, где был наш последний перевалочный пункт до высадки и где сейчас живут наши ангелы-хранители, организаторы и инструкторы робинзонады. Правда, до этой базы километров семь, но до ближайшего берега Кондострова всего лишь метров двести-триста...

День четвертый. 11 июля. Среда.

Проснулся внезапно рано утром и с полатей увидел солнце прямо в проеме двери. Подобно египтянам, мы поставили дом входом к восходу солнца. Ярκο-малиновый диск быстро выплывал из-за светло-синего моря.

Я чувствовал себя совершенно разбитым. Правая кисть почти не работала — сказывался трехдневный, почти непрерывный мах топориком. Встать не хотелось.

Проснулся снова уже за полдень. Первым делом сильно разозлился на свою лень и усталость и, стряхнув Артура с плащ-накидки, пошел за мхом. Он цвел поблизости. Мох нужен был, чтобы забить зияющие щели в стенах. В три приема я принес достаточно мха и разложил его с солнечной стороны хаты — сушить-ся.

Во второй половине дня, когда ветер явно грозил натянуть дождь, мы развернули настоящие дебаты: чем крыть крышу — еловым лапником или сосновым? Сосен здесь было много, елей же раз-два и обчелся, и те какие-то потрепанные, полузасохшие, покрытые мхом и лишайником. Я был категорически против вырубки елей. Артур, напротив, вспоминая добротность еловых лап, предлагал повалить пару хороших деревьев и обчистить их. Спор длился минут пятнадцать, в результате, мысленно плюнув друг другу под ноги, мы разошлись, оставшись каждый при своем, а хата без крыши. Первым не выдержал жалкого вида нашего бивака Артур. Махнул на свои еловые принципы, взял топор, и мы отправились рубить сосновые лапы. Несколько заходов, с сосенки по ветке — и через пару часов крыша была вполне сносной.

Во время последнего захода я незаметно для себя увлекся и поднялся по камням чуть ли не на самую высокую точку острова. Любопытства ради залез еще выше — на засохшее ветвистое дерево и огляделся. С севера на восток вдоль горизонта тянулась еле заметная, чуть более синяя, чем море, линия земли. Вся южная сторона была испещрена островами. Приглядевшись к ним пристально, я

узнал два знакомых острова. Когда шли на высадку, наш баркас дважды бросал якорь у этих островов и высаживал на них Робинзонов, наших конкурентов. До ближайшего острова, названного Горбатым, было километра два. На нем высадился Даниил, угрюмый богатырь из Люберец, взявший прозвище «Дикий». Немного южнее выглядывал из-за Кондострова пологий островок, названия которого я не запомнил. Там высадился парень, тоже из Люберец, по прозвищу «Михайло». Позже я узнал, что на этот остров через несколько дней забросили парня из Чимкента по прозвищу «Али». Так что там их теперь двое.

Кондостров занимал в этой панораме добрую четверть горизонта. Прикинув расстояние, я снова подумал о плотике...

В этот день я совершил первую исследовательскую вылазку в глубь Абакумихи. Некоторое время шел почти в сплошных дебрях сосен, мха и травы. Брусника еще только цвела. Вскоре сосновые буераки кончились, пошло редколесье с частыми каменными пропеллинами. Издали заметил геодезический знак — трехчетырехметровую пирамиду из посеребривших от времени и одиночества бревен и досок. На одном из боковых бревен было приколочено что-то вроде лестницы. Взорвавшись на самую верхушку пирамиды, я снова огляделся. Это уж точно была наивысшая точка Абакумихи. Спускаясь, натолкнулся на табличку, приколоченную к центральному стержню. На ней было грубо вырезано: АБАКУМИХА ПАВ. А. С.

Вернулся к биваку берегом. Артур между тем набрал мидий, и вскоре мы их щелкали, словно орехи. Надо сказать, что последнее время у меня к ним выработалось стойкое отвращение. Как я ни старался тщательно их очищать, песок все время хрустел на зубах, да и после каждой трапезы на зубах образовывался отвратительный желтый налет, который без щетки просто не удалить. Единственное, что меня заставляло есть мидий, — это чувство прогрессирующей слабости во всем теле. Полуголодный режим давал о себе знать. Мы уже начали замечать, что стоит только резко встать, как в глазах темнеет и на фоне этой темноты разворачиваются фантастические цветные картины. Труднее стали даваться крутые подъемы и спуски.

За едой я рассказал Артуру о своих открытиях в глубине Абакумихи, заметил, как при упоминании об утке в его глазах блеснули голодные огоньки. После короткого спора решили завтра ставить силки у гнезда. Обсудив прошедший день, сели за дневники — в своем доме, под своей крышей. Хорошо! Появилась даже мысль сделать игральные карты из бересты, но это на будущее, когда навестим соседей. Выглянув в очередной раз из хаты, чтобы проверить, идет ли дождь (притащила-таки его

туча), я заметил на мутном горизонте судно. Скорее даже угадал его по шлейфу дыма. До него было километров пять. Я крикнул Артуру: «Корабль на горизонте!» — и он тотчас выскочил из дома. При этом обронил:

— Черт побери, никогда не думал, что слово «корабль» может меня так взволновать...

Проследив за судном взглядами до самого северного монолита Абакумихи, за которым оно скрылось, мы вернулись в хату и сошлись на том, что судно очень напоминает наш баркас.

Каково же было наше удивление, когда через полчаса мы услышали человеческие голоса! Выскочив из хибары, увидели старых знакомых: Громова — представителя клуба «Поллярный Одиссей», нашего врача Олега Щукина и сухопарого психолога Айзека.

Оказывается, они объезжали всех робинзонов, выясняли психологическую обстановку, физическое состояние. Взвесившись на портативных весах, я узнал, что за несколько дней робинзонады потерял... десять килограммов! Громов между делом подкинул ценнейшую информацию: на Абакумихе в изобилии растет родиола розовая — золотой корень, очень ценное растение, обладающее антисептическими, ранозаживляющими, общеукрепляющими свойствами.

Но все это было мелочью по сравнению с тем, что сообщили нам напоследок. Оказывается, на Абакумихе где-то спрятан клад. Самый обыкновенный клад, о котором, кроме того, что весь клад — наш, нам ничего больше не сказали. Перед уходом мы условились днем, во время полного прилива и отлива, вывешивать на западной стороне Абакумихи спасательный жилет, входивший в наше стандартное оснащение. Ярκο-оранжевый, его трудно не заметить на фоне темного острова. Один вывешенный жилет означал, что у нас все в порядке, два — означали вызов. Громов и его спутники сказали, что зайдут к нам через два дня.

Когда Артур вернулся (врач брал его на баркас, чтобы перебинтовать ладонь), мы тут же начали прикидывать, где искать клад. Всплыли в памяти слова щетинистого мужика на баркасе о ценности примыкающего к Абакумихе островка. Уж не клад ли он имел в виду?

Артур сказал, что по большому секрету паренек Василий на баркасе сообщил ему, будто все клады на островах прятали недалеко от места высадки Робинзонов. Это была вторая точка поиска. Прятать клад они могли и у каких-то приметных мест на острове, а что на Абакумихе более приметного, чем геодезическая пирамида? Стоило пошарить и там. Итого — три точки поиска. Что принесет нам завтрашний день?

Окончание следует

На первой странице обложки: КЕНИЯ. Джордж Адамсон с одним из своих питомцев. Имя этого человека, как и его жены Джой, хорошо известно во всем мире благодаря их прекрасной книге, поставленной по ней кинофильму «Рожденная свободной» и их самоотверженной деятельности по изучению и охране животного мира Африки. Чета Адамсон вырастила несколько львов, которых они подобрали детенышами в саванне, а затем выпустили на волю. Но, даже обретая свободу, львы никогда не забывали людей, ставших их друзьями. Вся жизнь Адамсона среди африканского буша была сопряжена с риском. Но в последние годы все большую опасность для него таили встречи не с дикими животными, а с бандитами и убийцами. И вот — роковой день... (Об обстоятельствах гибели Джорджа Адамсона см. очерк «Последнее сафари» на стр. 24.)

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная коллегия:

В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Н. В. КРИВЦОВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель
главного редактора),
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный
секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Ведущий редактор номера
Н. НЕПОМНЯЩИЙ

Художественный редактор
Н. Малиновская.
Макет **Г. Комарова.**
Технический редактор
О. Бойко.
Карты выполнены
К. Улановой

Рисунки **В. НЕВОЛИНА,**
Г. КОМАРОВА

Коллаж **Г. КОМАРОВА**

В номере использованы
иллюстрации из журналов
«Лайф», «Нэшнл
джигрэфик», «Гран
репортаж».

1 В. ОРЛОВ

Идем на Новую Землю

4 Мурад АДЖИЕВ

Кумык из рода половецкого,
или Открытие самого себя

10 Алексей ШЕМЕТОВ

Моя робинзонада

15 Юрий КУРАСОВ

Геральдический альбом

19 И. РОЗАНОВА

Все золото муисков

20 Н. НЕПОМНЯЩИЙ

И Африка мне не нужна?

20 Сергей КОНДАКОВ

Мавзолей для дерева Тенере

22 Алексей ВАСИЛЬЕВ

Сенегал без баобабов

24 Наталья ХРОПОВА

Последнее сафари

25 Валерий ПОВОЛЯЕВ

Кумба значит лемур

28 Саид ЯХИЕВ

Рай Ндедема

32 Дэйв УОЛЛИС

Молодой мир

Роман

37 Ю. ЧАЙКОВСКИЙ

Гранит во льдах

43 Фредерик СТАРР

Новоорлеанские истории

47 Красимира СТОЯНОВА

«Я — лекарство, скажи
обо мне...»

50 Виктор БОЯРСКИЙ

Семь месяцев бесконечности

56 «Пестрый мир»

59 Рафаэль САБАТИНИ

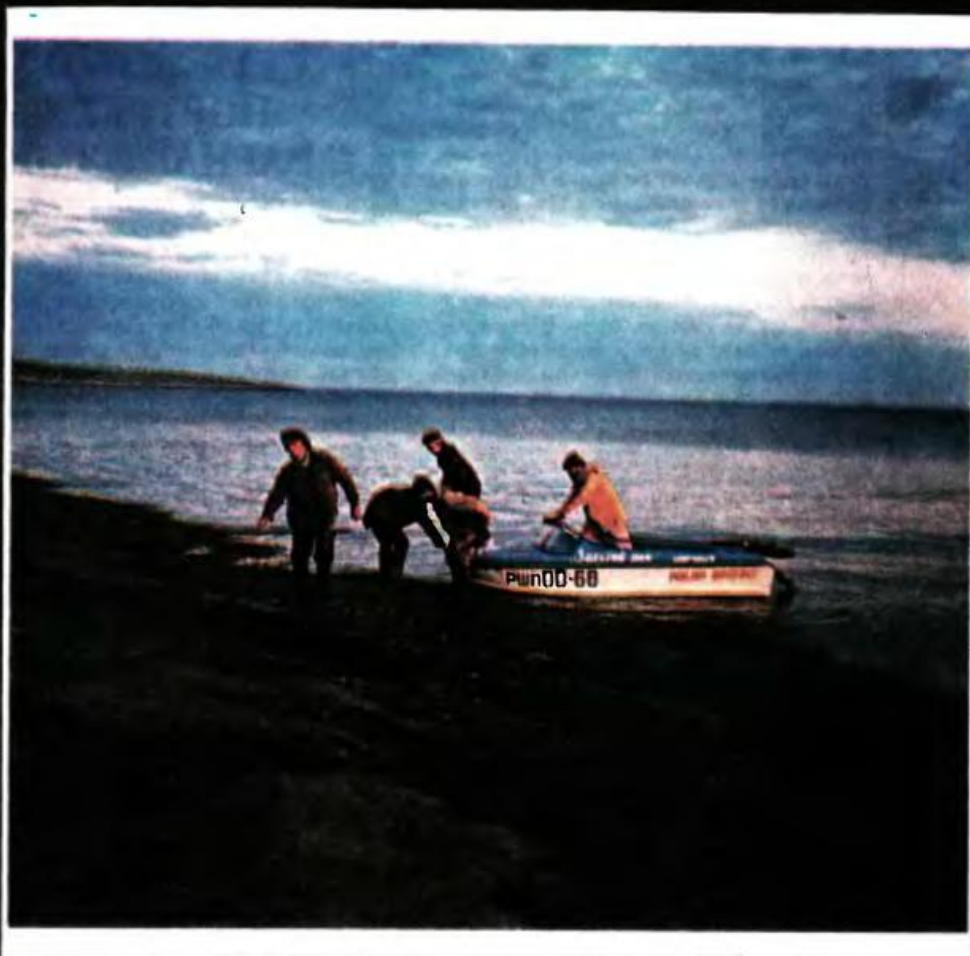
Колумб
Роман

Сдано в набор 26.11.90. Подп. к печ. 28.12.90.

Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная.

Услови. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 10,8. Тираж 1 810 000 экз. (1 000 001 — 1 810 000 экз.) Заказ 2252. Цена 95 коп.

Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Адрес: 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

МОЯ РОБИНЗОНАДА

Алексей ШЕМЕТОВ

Остальные участники робинзонады (фотографии пяти Робинзонов мы давали во 2-м номере): Валерий Иванов («Вэл»), Штефан Пауло, Павел Скоморощенков («Вулкан»), Евгений Шетько («Гринвуд»), Максим Прокурин («Христос»), Николай Поштару.

День пятый. 12 июля. Четверг.

Где-то схватил воспаление десны. Ночью ломило со страшной силой. Странный будильник во мне выработался — опять проснулся на восходе солнца. Но диска не видно: облачность. Ярко-алая заря растеклась по всему горизонту, заполнив и наш дверной проем.

Поднявшись с нар, я стоял, держась рукой за стенку, минуты две-три, ждал, когда пройдет головокружение. В голове прыгала одна-единственная мысль: «Нужна настоящая пи-

ща. Нужно мясо...» Голодная слабость достигала, похоже, своего звездного часа. Никогда не думал, что придется такое испытать на острове. Вспоминалась моя козырная фраза в спорах с родителями относительно питания на острове: «Да там весь остров будет завален едой!»

Если бы я знал, как тогда ошибался...

Собрал буквально в двух шагах от хаты золотого корня, тщательно очистил его от земли и сора. Развел костер одной спичкой (профессионализма в этом деле я достиг на второй же день), поставил на огонь котелок, успевший почернеть за эти дни до безобразия, и бросил туда корень. Ско-

ро вкуснейший аромат просто перехватывал дыхание. Каково же было мое разочарование, когда я глотнул остывшего отвара. Горьковатая противная жижа... Никогда в жизни я так не жалел, как сейчас, о том, что у меня не было сахара! Бросить в котелок щепотку, заглушить эту горечь, и вышел бы напиток богов. Но... Втягивая вместе с отваром вкусный аромат, я отпил из черного котелка половину, растолкал сонного Артура, сказал ему про этот напиток чертей и отправился обшаривать примыкающий островок.

Было весьма прохладно. Бегло обшарив островок и не найдя ничего, я сорвал злость на веронике, или водя-

Окончание. Начало в № 2/91 г.

Фото Олега ЩУКИНА

нице. Весь травяной покров острова состоял в основном из нее. Зеленых ягод была масса. Набил ими желудок, но разве это пища? Вернулся в лагерь. Артур уже подкрепился отваром корня, и мы, взяв топоры и несколько обрывков лески для силков, пошли на утку.

Добрались до развалин старого геодезического знака, потом углубились в знакомое мне редколесье и шарили там в траве и мху по колено больше часа, пока не нашли разбросанный утиный пух от какого-то гнезда. Вроде бы это было вчерашнее гнездо, но куда девались три огромных утиных яйца? Еще около получаса мы топтали мхи ослабевшими ногами, заходя все дальше в незнакомые места, пока наконец совсем не в том месте, где ожидалось, я не спугнул утку с

гнезда. Кладка состояла из пяти яиц. Проводив обед взглядом, опутал гнездо как мог петлями и пошел назад разыскивать отставшего Артура. Встретившись, рассказал ему о гнезде, а он в свою очередь попросил меня найти предыдущее гнездо, чтобы как с поганой овцы хоть шерсти клок, так с разоренного гнезда хоть пуха жмень. Мы повернули к разбитому гнезду. Но то ли с голодухи припустились наши способности, то ли сказывалась невероятная усталость, во всяком случае, того гнезда мы так и не нашли. Отчаявшись, я решил вернуться к гнезду, где поставил силки. Но... Это было какое-то проклятье! Измотанные до предела, ничего не нашедшие, мы поползли вверх по громадным валунам к геодезическому знаку. Тут была первая точка поиска кладки. Артур опять отстал, я же добрался до геодезической пирамиды, почему-то уверенный, что клад спрятан где-то поблизости. Обшарил буквально каждую щель в валунах, свернул чуть ли не каждый подозрительный камень и разбросал все завалы веток и бревен. Клада — последней нашей надежды — не было.

День шестой. 13 июля. Пятница.

На рассвете задул холодный восточный ветер. Едва озарившееся голубизной небо вновь помрачнело, и потом весь день — в самые неподходящие моменты — поливало нас дождем.

На завтрак был все тот же отвар золотого корня, но на сей раз сдобренный ягодами вероники. Артур, сидя на нарах, терзал найденный вчера прошлогодний сухой подберезовик. Отщипывая кусочки, он сортировал их, отбрасывая прогнившие и червивые. Потом заварил отобранные щепотки бурого гриба остатками пресной воды. Спустя десять минут грибной супец просто вышибал слюну своим головокружительным ароматом. Нанизывая сладкие кусочки гриба на острые лучины, мы быстро покидали их в рот, ощутив чувствительный прилив сил.

Надо было использовать этот всплеск энергии наиболее эффективно.

Взяв топорик, я отправился в глубь Абакумихи, решив разыскать опутанное гнездо. Прошлялся почти до полудня, не найдя ни одного гнезда, не спугнув ни одной утки. Через редколесье выбрался на западный каменный берег, решив попромышлять там. Набрал полный карман куртки полузеленой вероники. Все чаще встречались румяные, но еще твердые и кислые ягоды морошки, которые я старательно обходил. Запоминал эти места и в красках представлял уже недалекое сладкое ягодное будущее. Попутно обшаривал расщелины в камнях, кустарники, раскидывал случайные горки позеленевших камней, бревен, надеясь наткнуться на клад. Силы, полученные от завтрака, тлели, по-

добно тусклым углям облитого дождем костра.

Ближе к юго-западным скалам я нашел заросли дикого лука. С жадностью набросился на него, как на какое-нибудь чудо тропиков. Слезы градом текли из моих припухших глаз от его зверской полевой крепости, но я даже не обращал внимания на это. Наконец разум взял верх, я нарвал охапку лука и поплелся с ценной добычей через скалы домой.

(Странная особенность у растительности этого острова. Здесь что-то либо растет в огромных количествах, либо вообще не растет. Среднего не дано...)

День клонился к вечеру. Не доходя до нашего жилища, я нашел большое березовое бревно. Быстро работая топориком, отсек несколько прямоугольных листов бересты. Артура дома не было. Разведя угасающий костер, уселся рядом и стал раздумывать, что бы сотворить из бересты?

Вскоре появился Артур. Он, оказывается, был на примыкающем островке и принес почти полную банку молодой вероники. Плюс мой карман — и банка наполнилась с верхом. Пребывая в отличном расположении духа, мы сварили половину банки. Золотой корень решили на ночь глядя не трогать. Горячий компот приятно согрел нас изнутри. Мы взялись за дневники.

День седьмой. 14 июля. Суббота.

Всю ночь лил дождь. Лил, словно дышал: выдохнет, выльет, остановится, вдохнет, наберет новые силы и снова выдыхает, льет изо всей мочи. Спали тревожно, дул сильный ветер, море билось о прибрежный гранит, несколько веток сосны сдуло с нашей крыши. В некоторых местах обнаружился потек. Мы спали наполовину промокшие, прижавшись друг к другу. Мох, который я постелил для мягкости между досками нар и плащ-платкой, настолько умялся за эти дни под нашими костлявыми телами, что теперь мало чем отличался от самих досок. Отлежанные бока ныли, им вторили пустые животы. Надо было вставать... Поймав момент между выдохами дождя, мы вскочили, выбежали из хибары. Холодно, голодно, мокро... Ветер самозабвенно шумел в соснах, сдувая с нас остатки сонного тепла.

Поразмыв тела, мы почувствовали голод. Решили сварить компот из остатков вероники, заесть полевым луком и снова завалиться спать в ожидании лучших времен. Однако, чтобы сварить компот, нужен костер, чтобы развести костер, нужны сухие дрова. Мы пробежали по окрестностям. Но все вокруг настолько намокло, что сухую древесину можно было найти лишь в середине особо крупных поленьев.

Кое-как я расколол на лучины одно толстое полено. Собрав все до ще-

почки, мы с трудом развели костер внутри хаты, у входа, другого более сухого и менее опасного места было просто не найти. Новый выдох дождя загнал нас вовнутрь, но тут на нас набросился дым. Он ел глаза, вызывал колющие спазмы в горле. С трудом я примостил котелок на угли костра. Через полчаса пыток вода вскипела. Компот удался, как всегда, на славу.

Мы вновь улеглись на нары, жуя стебли и луковички полевого лука. Но спать уже не хотелось. Создав свой теплый микроклимат под плащ-палаткой, мы разговорились. Сляли проклятия в адрес дурной погоды, мечтали о будущей нашей жизни, вспоминали о старой. Странно, что только на седьмой день мы заговорили друг с другом откровенно. Все предыдущие довольствовались лишь короткими фразами. Напарник мой оказался образованным, молчаливым, предельно собранным человеком...

От редакции: На этих строках дневник Алексея Шеметова обрывается. Два последних дня робинзоны (Алексей, правда, не мог знать, что они последние) остались почему-то незаписанными. Но, согласитесь, трудно представить более сильную концовку для «Дневника Робинзона».

В психологическом тесте, который ребята выполняли после экспедиции,

было специальное задание: «В каждом приключении есть момент проникновения в смысл, момент озарения. Опишите, как это было у вас (не повторяя дневника, а памяти)». Алексей Шеметов написал вот что: «Такой момент у меня действительно был. С самого начала, как только узнал об этом конкурсе, я настраивал себя на одиночную робинзонаду. Я не представлял себе, что будет кто-то еще, кроме моего отражения в море и моей тени. Я был даже немало разочарован, узнав, что высаживаюсь не один. Но вот когда Артур, устало и, как следствие, небрежно работая топором, рассек лагерь, и потому все-таки стал вопрос о снятии его с острова, я по-другому увидел одиночество, которое стало для меня угрозой. Это был перелом в моей оценке людей, общения с людьми...»

Нужно сказать, что это переживание не было уникальным. Парадоксальным образом пребывание на необитаемых островах порождало настоящую дружбу. И не только между напарниками по приключению. Ребята подчеркивают, что друзьями стали все Робинзоны. «Они мне сейчас как братья», — написал в тесте-анкете отнюдь не самый сентиментальный из конкурсантов.

Мы не стали настаивать на том, чтобы принятый к публикации дневник

был дописан: Алексей вернулся в привычную жизнь и мог забыть, растерять, переосмыслить те чувства, которые владели им в последние дни робинзонады. Но можно составить вполне объективное представление об этих днях по записи в дневнике напарника Алексея — Артура Лузгина («Хо»): «Просыпаемся от шума голо-сов. Люди пришли: «Выходите, ребята!» В лицо направлен объектив видеокамеры. Оказывается, все, жизнь на необитаемом острове уже закончена.

А ведь было еще столько планов по обустройству нашего острова! Переложить камин, повесить цепь для котла над очагом, сделать заграду дома навес для сушки трав, устроить баню, поставить на берегу крест с зарубками, сделать плот, сплавить на соседний остров и наловить с него рыбы — да мало ли еще чего придумали бы. Ну что ж, не судьба. Свою главную задачу — выжить в природных условиях необитаемого острова — мы выполнили. И, по-моему, неплохо устроились.

И вот мы собираем свое небогатое имущество, последний раз оглядываемся: дом, очаг, лавочка у стены... Вид на море. Мы оставляем остров. Он снова в одиночестве. Прощай, Абакумича! А может, еще и свидимся».

ПРОИГРАВШИХ НЕ БЫЛО

Оказалось, что это не забава.

Необитаемые острова, на которые высадили будущих Робинзонов, были похожи один на другой: маленькие, скалистые, покрытые чахлым лесом. Кроме рыболовных снастей, топора и спасательного жилета, каждый получил только банку консервов. Им не сказали точно, как долго продлится робинзонада (поначалу предполагалось — месяц), чтобы они не «тянули до срока», а обживали остров. И еще у них было много соблазнов: соблазн вскрыть НЗ, в котором были такие лакомства, как сгущенное молоко, тушенка и сухари; соблазн зажечь дымовую шашку или пустить ракету, чтобы вызвать немедленную помощь...

Ребята как-то очень скоро переделали все, что зависело лично от них: решили проблему питьевой воды, построили жилье, перепробовали все доступные здесь способы добычи пищи. И потянулись для них однообразные дни, в которых все повторялось, не оставляя шансов для проявления инициативы. Все-таки острова лежали в акватории Ледовитого океана. Ловить рыбу было практически невозможно из-за штормов и сильных течений. Холодное лето задержало появление грибов и ягод. Судейская коллегия конкурса «Полярный Робинзон-90» пришла к выводу, что дальнейшее пребывание на островах уже не даст новой информации о предприимчивости и жизнестойкости участников, а рискует превратиться в бессмысленную голодовку, и по прошествии девяти дней сняла

ребят. И тут выяснилось, что в робинзонаде есть победители, но нет проигравших. Даже тех двоих — Николая Федосеева («Михайло») и Анвара Шабдраимова («Али»), которых, по их вызову, сняли с острова раньше, и тех нельзя было назвать проигравшими. Каждый увозил с необитаемого острова личный приз — духовный опыт противостояния физическому страданию.

Собственно, именно этого и следовало ожидать. Ситуация, в принципе, не новая. С древних времен муки голода (пост) и одиночества (отшельничество) люди всех религий использовали для достижения духовного просветления и познания себя и мира. Психологическая наука тоже многое уяснила, изучая поведение людей в условиях депривации (чрезмерного ограничения) естественных потребностей человека. Но реальные страдания человеку всегда вновь. Их нельзя отринуть. Их удается преодолеть только на высшем уровне духовности. Впрочем, и здесь природой положены пределы. Для каждого свои. Болевой порог — дело сугубо индивидуальное. По отрывкам из дневников семнадцатилетних Робинзонов можно, на наш взгляд, со всей очевидностью судить, как встречал и преодолевал испытания каждый из них.

ИЗ ДНЕВНИКА НИКОЛАЯ ФЕДОСЕЕВА («МИХАЙЛО»)

«...Ну вот, ты добился того, чего хотел», — это была моя первая мысль на этой земле.

...За целый день съели лишь несколько листочков морской капусты. Ее можно есть только с чем-то — с маслом, например. Но голую она (капусту) никак не идет. Уж не знаю, как мы заставим себя съесть ее.

...В основном разговор идет о доме. О различных деликатесах, которые готовят наши мамы. Оказывается, у мамы Али коронный торт называется «Медовик», у моей же — «Трехслойный». Представляете — один слой с изюмом, другой с маком, третий с орехами... А если серьезно, то хочется дернуть за колечко ракеты и закончить эксперимент. Отчасти потому, что очень хочется есть, а до моей высадки на остров я как-то не привык себе в чем-то отказывать (по части съестного), но больше, наверное, из-за того, что очень скучно. В нормальной жизни я каждый день читал, ни дня не мог обойтись без книги или газеты, а тут?!

...Очень мучает голод, но еще сильнее дают на психику этот лес, это море, этот прибой. Только здесь, на острове, я понял, что я сугубо городской житель. Мне уже не привыкнуть к этому шестесту листьев на деревьях, к нашему с Али одиночеству. К вечеру позывы желудка стали сильнее советовать разуму, и мы вскрыли тушенку. Последнюю банку. Боже мой, хочется плакать, когда подумаешь, что я ни-

чего не могу с собой поделаться! Сейчас утро, а в обед мы пойдем к условленному месту и включим дымовую шашку... Я думаю, это произошло потому, что, к сожалению, среди нас не нашлось Робинзона. Мы оба были Пятницами (наверно, потому и сдались в пятницу)».

ИЗ ДНЕВНИКА ВАЛЕРИЯ ИВАНОВА («ВЭЛ»)

«...Выбрав место для дома, стали заготавливать бревна, и тут выяснилось, что дело это не такое простое, как показалось вначале: через час я сбил руки. Даже поговорить было не с кем: со Штефаном на английском, которым плохо владеем как я, так и он?»

...Штефан пошел ставить снасти на рыбу, я остался один. Когда он ушел, у меня в груди как будто защемило. Я почувствовал что-то вроде острой тоски по дому, по родным, по всем людям. Чтобы как-то успокоиться, взялся вытаскивать гвозди из старых досок, и это мне здорово помогло. Я вывел очень важную формулу: «Если не хочешь, чтобы в голову лезли дурные мысли, либо работай, либо спи!»

...На десерт были молодые шишки (мы открыли, что это довольно сочный кисленький продукт). Мидии по вкусу напоминают то ли раков, то ли креветок.

...Вечером мы снова строили избу, вывели ее по пояс, делали все, как на всю жизнь: очень плотно затыкали мхом щели и рубили аккуратно. С этого дня моя хандра несколько поубавилась.

...Когда сегодня мимо нас в двухстах метрах прошел катер, я вдруг ощутил, что мне очень хочется домой, к людям. И когда катер прошел мимо нас, внутри как будто тоненькая ниточка оборвалась.

...С самого утра работа. Ноги прогибаются под весом, который еще две недели назад я мог бы занести куда угодно. Горло быстро пересыхает, руки устают. Частые отдыхи. Мы не ели двое суток, не считая шишек. Но как бы то ни было, дом построен.

...Вскоре птица упала. Охота удалась. О, это мясо! Поджаристое сверху и немного сыроватое внутри — мы ели и не верили. Сегодня мы наелись в первый раз досыта за всю жизнь на острове.

...Придя, застал Штефана за странным занятием: он сидел и рассматривал ракетницу. Не надо было быть слишком умным, чтобы понять, о чем думает компаньон. Я начал убирать мусор, а Штефан лег и о чем-то думал. Глядя на него, я чувствую себя беспокойно. Но все равно, в одиночку мне не выжить.

...На ужин был суп из мидий с жиром, добавленным из банки с тушенкой, и диким луком, который я обнаружил на острове.

...До сих пор не могу поверить, что все закончилось. Каша. Обычная овсянка! Кажется, в жизни не ел ничего вкуснее».

ИЗ ДНЕВНИКА ПАВЛА СКОМОРОЩЕНКОВА («ВУЛКАН»)

«...В условиях длительной борьбы за выживание человек в конце концов постепенно превратится в зверя. Со смутным разумом. Им будет командовать не разум, а желудок. Если бы каждый человек смог бы пройти через выживание, он бы понял, что мы слишком далеко оторвались от природы. И чтобы жить на этой земле, мы должны думать не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне, и о том дне, в котором будут жить наши дети. Тогда мы будем жить в гармонии с природой. Выживать путем голодовки — это глупо. Больше двух дней мы теперь голодать не будем. Теперь для меня самое главное не выживание, не показуха жизнеспособности, а мои дневники и мои ощущения».

...К этой робинзонаде мы готовили себя технически, но все наши практические знания оказались ненужными. Это было психологическое испытание. Следует признать, что мы иногда ленились. Теперь я смотрю на мир другими глазами и имею на это право».

ИЗ ДНЕВНИКА ДАНИИЛА ЗАХАРОВА («ДИКИЙ»)

«...Настроение ужасное. Слияние с природой не получается. Из рук все валится. Болит, гудит, давит голова. Хочется горячего сладкого чая. И это в первый день пребывания на острове. Я на грани отчаяния, что же будет дальше?»

...Неудачная охота на утку. Пришлось довольствоваться ее яйцами.

...В общем все нормально, но часто вспоминаю дом родной, близких и те вещи, которым не придавал значения. Как хорошо, что я попал сюда. Наконец-то пойму, что хотел от меня отец. Как он мудр! Как нежна и любима мать.

...Сегодня опять видел тюленя. Прекрасное животное. Я даже позаиводвал. Вот, думаю, там, где я еле еле концы с концами свожу, он живет и наслаждается».

ИЗ ДНЕВНИКА МАКСИМА ПРОКУНИНА («ХРИСТОС»)

«...Вчера заметил интересную штуку: море шумело, как дорога скоростного движения машин у нас под Серпуховом. Потом показалось, что это не машины, а электрички, которые проходят на скорости навстречу друг другу».

...Мой Робинзон мне не нравится. Съел порцию последних грибов один. Она для двоих и на вечер. Он голоден, съел еще и порцию устриц для обеда.

...Николай говорит, что у него нет сил искать грибы. Когда я звал его с собой, он остался в доме. Говорит, «нэм форцу» (нет сил), ослаб. А ос-

лабленному нужна еда, витамины. Я его не забыл. Принес ему земляники.

...Мы загорали, потом собирали устриц. Мне было хреново. Поговорили с Робинзоном — прошло. Поели травы. Попили чаю. Пел вслух. Оказывается, я знаю очень много несовременных песен. Например, песня «Шаланды, полные кефали». Она мне очень помогла. Когда я ее пел, то представлял все. И мне становилось легче.

...Оторвавшись от цивилизации, я старался слиться с природой, не причиняя ей особого вреда. Этот остров у меня навсегда останется в памяти. И Белое море. Так робинзонить удается не каждому. Такой случай бывает раз в жизни. Я уже вспоминаю остров, его тишину, пейзаж залива и чувствую, что в жизни мне не раз захочется снова оказаться там. В той среде, с теми же ребятами».

ИЗ ДНЕВНИКА РОМАНА ГРИЩЕНКО («НИКИТА»)

«...Странно, но, когда мы ели тушенку с Владом, каждый из нас старался брать кусочки поменьше, а ведь мы знаем друг друга второй день».

...Влад до сих пор болеет. Заставил его полоскать горло морской водой. Боже милостивый, не дай ему свалиться с ног. Я хоть и мечтал остаться один, но чувствую, что сил не хватит жить одному».

...Знаю, что Бог есть и душа существует, потому что видел свою душу, общался с ней. Это было не на острове, нет. А месяца за два до отъезда, в органном зале.

...У Влада в кармане лежит полная пачка изюма в шоколаде и полпачки конфет... втихара от меня ел. Я ему ничего не буду говорить, потому что нам еще долго жить вместе.

...Сегодня я, сам того не желая, стал молиться Богу. Я просил удачи в охоте. Я просил, умолял Бога дать нам всего одну утку. А ведь раньше я смеялся над обрядами древних охотников, над обрядами индейцев, когда они выходили на охоту. Теперь я их понимаю».

...А с Владом у нас дела идут плохо. У меня не хватает терпения. Я не выдерживаю и кричу на него. Понимаю, что так нельзя, но не могу. Ну ничего парень не умеет, даже разругать полено и то надо показывать».

...Это не тот холод, который мы испытываем на Большой земле. Мерзнут не просто руки, ноги, тело, а мерзнут кости, мерзнут вены, мерзнет все, что внутри тебя. Всепронизывающий холод. И только наполовину спасает костер. Согреваешься же тогда, когда начинаешь двигаться».

...Нервное напряжение сегодня достигло предела, и я выложил Владу все. Все, что про него думаю, знаю и как к этому отношусь. А теперь мы друженько делаем вид, что ничего не случилось и что все идет как надо».

...Я дремал и вдруг понял, что вся моя прежняя жизнь шла куда-то не-

туда. В ней были цели. И много. Я стремился быть сильным физически, старался быть добрым, хотя не всегда получалось. Умным, но этого и к старости ни одному не добиться. А тут я понял, что не это главное: ни сила, ни доброта, ни талант. Надо быть просто готовым на все испытания. Я понял, что цена человека определяется его духовными силами. Что именно такие люди способны делать для людей добро. И вот именно в этом я не пытался себя развить. А ведь надо. Из всех средств, которые я знаю, только учение Иисуса Христа, по-моему, может помочь. Наверное, что-то есть и в восточных учениях, но с ними я уж совсем незнаком.

...Сегодня открыли тушенку. Разделив ее на две части, мы с Владом невольно разошлись в разные стороны.

...Заготовили целую кучу дров на ночь (надоело мерзнуть) и стали собирать мидий. Собираем, значит, а тут лодки причалили, судьи приехали. Конец нашим приключениям. Вот, черт, столько дров наготовили, завтрак — и на тебе...

Дневники Робинзонов вполне откровенны. И все-таки хотелось бы предупредить читателя, что не следует понимать события робинзонады однозначно. За ними нередко стоят переживания, которые остались тайной для самих Робинзонов. И психологический анализ текстов показывает, сколь сильные дополнительные стрессы вносила в робинзонаду психологическая стихия юношеского возраста. В одном из дневников встречается весьма любопытное описание сновидения: «Выспался плохо. Сон был довольно странный. Я и трое моих друзей у железной дороги. Мы играем: я убегаю, они догоняют. Я спрятался в какой-то сарай. Тут прибегает мой отец (это был он) в виде Николая Коровина (каратист из теле-

передачи «До 16 и старше...») в очках, которые мой отец вообще не носит, с кинокамерой в руке, сделанной внешне под магнитофон, покрытый драпом». Здесь все символично. И символы эти многослойны. Но их структура, смутная и запутанная на первый взгляд, вполне проницаема для методов глубинной психологии. С такой точки зрения тревожные игры у железной дороги — не путешествие и даже не робинзонада, а столь важный в юношеском возрасте поиск себя, своей сути, собственной идентичности. А телекамера — это глаз другого, подглядывающий за подростком, узнающий о нем все раньше его самого. Отсюда чувство страха. И отсюда же удивительное сращивание образа тележурналиста с образом отца, который в психоаналитической традиции истолковывается как моральный закон, судья, обладающий правом наказания. Потому столь значима деталь — очки, которых никогда не носил реальный отец, но которые так похожи на объективы телекамеры...

Глубокая, трудная и не всегда осознаваемая работа совершалась в ребятах на необитаемых островах. И многое должно остаться с ними навсегда, стать их духовной собственностью. Прошло еще слишком мало времени, чтобы это семя проросло и дало цвет. Но все же...

Через два с половиной месяца после экспедиции Робинзоны, собравшиеся в Москве, снова выполняли психологические тесты. Самооценка ребята стала иной. Одни укрепились в своих установках. («После острова я понял, что надо не выживать, а вживаться в природу»). Другие смогли решить болезненные психологические проблемы. («Если теперь про меня будут говорить, что я чокнутый и тому подобное, то мне это уже как-то по фигу. Я перестал принимать к

сердцу то, что обо мне говорят»). Третьи почувствовали необходимость перемен. («Дня через два после приезда вдруг ощутил такую пустоту, такую бессмысленность своего прежнего существования...») Когда-то в лагере Робинзонов один конкурсант, студент и кандидат в мастера спорта по борьбе, выделялся уверенностью, напористым стремлением к победе в любом состязании с любым соперником и жесткой манерой оказания помощи более слабым участникам. «В нем борются комплекс старшего брата и комплекс старшего сержанта», — сказал один из судей, рекомендуя его к высадке на необитаемый остров. Теперь этот «крутой парень» сказал в беседе с психологом: «Я четко увидел, как был не прав в общении с людьми, что был не прав в своих самооценках. Я не хочу конкретизировать свои выводы. Я не хочу, чтобы об этом раньше времени знали». А на вопрос анкеты: каких качеств не хватает тебе в жизни? — он ответил: «Мягкости в общении с людьми».

Так или иначе нравственное воздействие робинзонады коснулось каждого. Но не будем спешить с прогнозами. Пусть дело идет своим чередом. Ребята решили не терять связи друг с другом и организовали «Открытый клуб Робинзонов», чтобы объединиться со всеми, кто захочет и сможет так «робинзонить», как удалось это им летом 1990 года. Первым капитаном своего клуба они избрали Романа Грищенко («Никита») из города Бендеры, который учится сейчас в Московском техническом университете имени Н. Э. Баумана.

Что было — видели, что будет — увидим.

Публикацию подготовила
Елена ПРОНИНА,
кандидат психологических наук

ЭКСПЕДИЦИЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Когда последний Робинзон шагнул с катера на базовый остров, у меня словно камень с души свалился. Я знал, что робинзонада — дело серьезное, сознательно шел на возможные трудности, но не предполагал, что так тяжело будет находиться вдалеке от мальчишек, обживающих необитаемые острова, так страшно за них. Наши Робинзоны прошли серьезный экзамен, был он и у нас, организаторов. Сами Робинзоны довольны, они благодарны всем, кто помог им попасть в экстремальную ситуацию и выйти из нее. Для них дни, проведенные на острове, стали этапом а может быть, и точкой отсчета на всю последующую жизнь. Они переосмыслили многое, поверили в себя, они стали мужчинами, способными не только переносить трудности, но и стремящимися к действию, добру, сумевшими понять и полюбить природу, оценить дружбу, слово товарища. Наверное, это главный итог.

Идеи конкурса «Полярный Робинзон-90» близки и понятны многим. Об этом говорят письма, пришедшие в оргкомитет экспедиции со всех уголков страны и из-за рубежа. Писали не только юноши, но и девушки, и люди значительно более старшего возраста. И то, что не менее 800 человек обратились к литературе, засели за книги, чтобы ответить на вопросы анкеты клуба «Полярный Одиссей», и то, что работа эта не пройдет для них даром, — тоже ре-

зультат конкурса. Огромный интерес к робинзонаде говорит о том, что она нужна молодым и ее следует продолжать. Уточ, конечно, опыт прошедшей экспедиции.

Мы, например, считаем, что условия жизни на острове были слишком жесткими, что следует больше внимания уделять психологическому тестированию и тренингу. Надо, видимо, дать Робинзонам и больший набор инструментов и приспособлений, чтобы шире было их поле деятельности; более четко определить задачи по благоустройству острова и строительству жилища.

Спасибо всем тем, кто поддержал «Полярный Робинзон-90» и морально, и материально.

Нам помогали: Карельский обком ВЛКСМ, клуб путешественников «Полярный Одиссей», Молодежный центр Петрозаводского горкома ВЛКСМ, Мурманское морское высшее инженерное училище, комсомольско-молодежное предприятие «Нечерноземье», Карельское бюро молодежного туризма «Спутник», Петрозаводский завод строительных материалов, редакция журнала «Новое время», Беломорский клуб моряков «Гандвиг», экипаж теплохода «Онега» и, конечно же, в первую очередь журнал «Вокруг света».

Надеемся, что и будущая экспедиция не останется без поддержки.

Вениамин КАГАНОВ,
руководитель экспедиции
«Полярный Робинзон-90»

На первой странице обложки: ЙЕМЕН. Женщины-горожанки. В этой части Арабского Востока женщину с открытым лицом, одетую в западное платье, встретишь не часто. Точнее говоря, почти никогда. И европейцам всегда казалось, что маскирующая тело одежда, закрытое лицо — верные признаки угнетенного положения женщин, их неравенства. «Неравенство — да, — утверждают многие местные мужчины, — но кто угнетенная сторона? Разве женщины?» Если вникнуть в проблему поглубже, окажется, что они не так уж не правы, особенно бедуины. (См. «Жалобы бедуина» на стр. 30.)

Самый что ни на есть китайский общепит, который вы видите на третьей странице обложки, — это прежде всего лапша, длинная, тонкая, короткая, толстая и любая другая, которую только можно изобрести и сделать. При этом она вся одинаково пресная, а вкус ей придают бесчисленные — и очень небольшие — овощные, рыбные, мясные добавки, на которые неисчерпаема фантазия китайских кулинаров. Дело же лапши — создать сытость. (О китайской кухне см. очерк Ив. Лободы «Все дела Поднебесной» на стр. 37.)

Главный редактор
А. А. ПОЛЕЩУК

Редакционная коллегия:
В. И. АККУРАТОВ,
А. К. ГЛАЗУНОВ,
Ю. Ю. ЖИТКОВСКИЙ,
А. П. КАЗАНЦЕВ,
Н. В. КРИВЦОВ,
В. А. ЛЕБЕДЕВ
(заместитель
главного редактора),
Н. Н. НЕПОМНЯЩИЙ
(ответственный
секретарь),
Ю. А. СЕНКЕВИЧ,
В. Н. СОЛОВЬЕВ,
А. В. ХЛЕБНИКОВ,
Л. А. ЧЕШКОВА,
А. Н. ЧИЛИНГАРОВ,
А. В. ШУМИЛОВ

Художественный редактор Н. Малиновская.
Макет Н. Маникало.
Технический редактор О. Бойко.

В номере использованы иллюстрации из журналов «Гран репортаж», «Нэшнл джиографик», «Атланте», «Гео».

- 1 Владимир СЕМЕНОВ**
Живут в Вилково липоване...
- 4 Яцек ПАЛКЕВИЧ**
Алмазная зона
- 8 А. СЛУЧЕВСКИЙ**
Оправданные убийцы
- 14 Сергей ДРОКОВ**
Морской крылатый телеграф
- 15 Алексей СОЛОДОВ**
Ланкийский треугольник
- 16 Листая старые страницы**
- 18 Виктор БОЯРСКИЙ**
Семь месяцев бесконечности
- 24 Курьер**
- 25 Сергей СМОРОДКИН**
Голубая ящерица
- 29 Из дальних странствий возвратись...**
- 30 Михаил РОДИОНОВ**
Жалобы бедуина
- 32 Алексей ШЕМЕТОВ**
Моя робинзонада
- 37 Ив. ЛОБОДА**
Все дела Поднебесной
- 40 Юрий ШИЛОВ**
«День Брахмы» на Чонгаре
- 45 Дэйв УОЛЛИС**
Молодой мир
Фантастический роман
- 54 Эрик МЭПЛ**
Колдовство
- 56 «Пестрый мир»**
- 59 Рафаэль САБАТИНИ**
Колумб
Роман

Сдано в набор 24.12.90. Подп. к печ. 29.01.91. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 28,56. Учетно-изд. л. 11,5. Тираж 1 820 000 экз. (1 000 001—1 820 000 экз.). Заказ 2275. Цена 95 коп.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Адрес: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

«Вокруг света», 1991, 1—64, ИПО ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 70142.

ВОКРУГ СВЕТА

Scanned by **malshin** exclusively
for torrents.ru

11

1973
НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

НАДИР САФИЕВ — Первый ледоход	2-я стр. обл.
АЛЕКСАНДР ХАРЬКОВСКИЙ — Слой жизни	9
В. АЛЕКСАНДРОВ — Лето. Берлин. Фестиваль	12
ВЛАДИМИР ЦВЕТОВ — Левые, которые шагают вправо	14
В. ОПАРИН — Камни самоцветные, белые жемчуга	18
В. МАССОН — Лунный зиккурат в Каракумах	22
А. РЯБИКИН, Г. КНЯЗЕВ — Аджимушкай, август 73	24
АРВИД КЛЕМЕНСЕН — В горах, где живут байнинги	27
А. ЧУДИНОВСКИЙ — Мелодии рыб	31
АЛ. АЗАРОВ — Машинистка	32
М. БЕЛЕНЬКИЙ — Возвращение монгольцев	40
Л. ШАПОШНИКОВА — Долина тысячи богов	44
АЛИНА ЦЕНТКЕВИЧ, ЧЕСЛАВ ЦЕНТКЕВИЧ — Трагедии ледяного острова	50
Загадки, проекты, открытия	55
С. МИЛИН — Операция «Жюль Верн»	56
С. КУЛИК — Энвентенет — остров дурной славы	62
МАЙ ШЕВАЛЛЬ и ПЕР ВАЛЁ — Запертая комната	65
Л. ВЫГОННАЯ — Сигирия	76
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	79
Г. СБОЙЧАКОВА — Маис, фрихолес и пультке	80

На первой странице обложки: Японское море у южных берегов Сахалина. Водолаз освобождает вал гребного винта от намотавшегося троса.

Обследование и ремонт, очистка подводной части судна от водорослей и ракушек — на плаву, без докования — стали сегодня обычным делом. Легкий гидрокостюм типа «Садко» с аквалангом, специальный подводный факел, горящий в толще воды, позволяют водолазу работать в любое время суток и года.

Фото А. Рогова

Главный редактор А. В. НИКОНОВ

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН, М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, В. А. ЛЕБЕДЕВ (заместитель главного редактора), Г. В. МАКСИМОВИЧ (ответственный секретарь), Ю. Б. САВЕНКОВ, А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Суцеская, 21. Телефон для справок: 251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 3-93; иностранный — 2-85; литературы — 3-58; науки — 3-38; писем — 2-68; иллюстраций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 5/IX 1973 г. Подп. к печ. 9/X 1973 г. А00773.

Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.

Тираж 2 500 000 экз. Заказ 1699. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Суцеская, 21.

МАИС, ФРИХОЛЕС И ПУЛЬКЕ

Мексика — страна суровая. «Райских уголков», где все растет само собой, здесь не так уж и много. И заботы у мексиканского крестьянина такие же, как в любой другой стране. В поте лица добывает он хлеб насущный. Правда, хлеб для мексиканца — это не пшеница (хотя и ее выращивают здесь), а кукуруза. Именно кукуруза — маис, — испокон веков выращиваемая в Мексике, составляет основу крестьянской жизни. Из маиса пекут лепешки — тортильяс, которые крестьянская семья ест на завтрак, обед и ужин, и в будни и в праздники. Черная фасоль — фрихолес — для простого мексиканца как для нас картошка. А из перебродившего сока агава он получает пультке — кисло пахнущий, слегка пенящийся хмельной напиток.

Словом, ежедневный стол крестьянина не отличается особым разнообразием. А для того чтобы увидеть фантастическое изобилие плодов, которое способна давать мексиканская земля, надо пойти на базар. Здесь и ароматные яблоки из Чиуауа, и апельсины, и неправдоподобно крупные мандарины из Тамаулипаса и Веракруса, тяжелые гроздья винограда из Нижней Калифорнии. Аккуратными горками выложены зеленые маслянистые авокадо, сочные папайи, желтые, с тонким и необъяснимым запахом хвои манго. Грудами свалены кокосовые орехи. В воздухе смешался аромат бананов и ананасов.

Но это праздник. А круглый год — кукуруза, которую крестьянин бережет как самое большое свое богатство. Конусообразные сооружения, которые вы видите на 3-й странице обложки, — это амбары, куда ссыпают драгоценное зерно, — подальше от влаги и от мышей.

Г. СБОЙЧАКОВА

С. КУЛИК

Фото автора

ЭНВАИТЕНЕТ- ОСТРОВ ДУРНОЙ СЛАВЫ

Лентатук, вождь рыбацкого племени эльмоло, с которым я подружился, странствуя по кенийскому северу в окрестностях озера Рудольф, предложил мне съездить к острову, который на картах называется Южным. Местные племена называют его иначе: «Энваитенет», что значит «Безвозвратный».

На пальмовом плоту — трех бревнах, скрепленных каким-то волокном, — мы полдня преодолевали полтора десятка километров, отделяющих прибрежную деревню от острова. Эльмоло не знает весла, пользуются шестом, а поскольку кое-где глубина озера превышает семьдесят метров, достать до дна им удастся не так уж часто. Плот идет медленно, больше повинуюсь ветру

и течению, чем воле гребца, орудующего тонкой жердью.

Еще на берегу Лентатук предупреждал меня, что на остров лучше и не пытаться высаживаться:

— Проклятое это место. Да ты и сам увидишь...

Я же все время плавания питал некоторую надежду ступить ногой на землю острова Безвозвратного. Надежда рассеялась немедленно, стоило достичь острова. Узенькая полоска берега, отделявшая лавовые скалы острова от воды, была сплошь усеяна крокодилами. Зубастые гиганты лежали на берегу, лениво переваливались среди камней, выныривали прямо из-под наших

бревен. Приди кому-нибудь из них в голову мысль приподнять наш утлый плот или ударить по нему шипастым хвостом — и наша судьба оправдала бы название острова.

Я спросил у перевозившего нас Мавингати, сына Лентатука, о происхождении этого названия.

— Люди племени туркана называли так остров. Они рассказывают, что давно, когда из Судана в наши места наведывались работорговцы, на острове от них укрылась одна небольшая семья. Сколько их потом ни искали, люди не вернулись. Те, кто отправился их искать, погибли тоже.

— Какая тому причина?

— Скорее всего змеи. Среди камней, особенно в южной части острова, живут огромные кобры.

Мавингати развел руками в одну сторону, потом в другую.

— Вот такие змеи. Очень ядовитые.

Если сложить два размаха рук Мавингати, то получалось, что кобры острова Безвозвратного разрослись до трех метров и больше.

Однако крокодилами и змеями объяснить все мрачные тайны, окружающие этот остров, не удастся. Когда в 1935 году на озере работала экспедиция сэра Вивиана Фуша, на Безвозвратный для проведения детальных исследований отправились два англичанина — Мартин Шэфлис и Бил Дайсон. Опытные геологи, отлично знавшие Африку, они благополучно достигли острова, о чем известили Фуша световым сигналом. Через два дня робинзоны вновь передали на берег: «Все о'кэй». Потом сигналы прекратились, и когда на пятнадцатый день Фуш, знавший, что у островных отшельников кончилось продовольствие, забил тревогу и послал на Безвозвратный плот с тремя спасателями, те на острове ничего не нашли. Фуш вызвал из Марсабита, ближайшего городка, самолет, который в течение двух дней совершал облеты крохотного островка, потом снарядил все имевшиеся на побережье плоты и лодки и переправил на Безвозвратный почти двести туркана и самбуру, пообещав огромное вознаграждение тем, кто найдет хоть какие-нибудь следы пропавших. «Но все эти люди, буквально обшарившие каждый камень на острове, не нашли даже следов, — записал в своем дневнике сэр Вивиан. — И никто больше никогда не видел двух моих соратников в скитаниях по этим самым глухим и суровым местам Африки. Это загадка, которую уже вряд ли кто-нибудь решит...»

Через несколько лет на Безвозвратном поселились несколько семей эльмолы, спасавшихся от набегов своих воинственных соседей — кочевников самбуру. Они успешно освоились на острове, иногда привозили в поселок Лоиенгалани рыбу, которую меняли на шкуры и молоко, иногда возили к себе в гости родственников. Но как-то эльмолы с острова не показывались на берегу слишком долго, и, когда из Лоиенгалани туда послали плот, прибывшие увидели совершенно пустую деревню, нетронутые вещи, лежавшие у потухшего костра, остатки уже успевшей разложиться рыбы. Но где люди — тридцать человек? Опять никакого следа, никакого намека,

позволяющего разгадать причины исчезновения целой деревни.

Среди живущих сейчас в Лоиенгалани ходят разные толки по поводу зловещих секретов Энвентенета. Самбуру считают, что духи их старейшин, колдунов и отважных охотников после смерти продолжают свое существование, переселившись в змей. Поэтому все кобры Энвентенета — это родичи самбуру, а мистические трагедии на острове — месть потревоженных колдунов. Сейчас, под влиянием миссионеров, самбуру почти забыли церемонию «общения с предками». Но еще совсем недавно, при Вивиане Фуше, в первую ночь новолуния самбуру, не умеющие строить лодок и плотов, отдавали эльмолы лучших коров, чтобы те одолжили им плоты. Под звуки барабанов и надрывное уханье молодых воинов старейшины отвозили на остров молоко для змей.

У людей племени туркана, которые, кочуя со своими стадами по высокому плато, окружающим озеро, видели остров сверху и усмотрели в его контурах форму спящей женщины — другая версия. Они уверяют, что остров этот — окаменевшее тело великой Неийтергиб, их богини земли, пастбищ и плодородия. По представлениям туркана богиня эта не лишена человеческих чувств и поэтому забирает себе всех мужчин и подростков. «А за ними уходят к богине, под землю, их жены и сестры», — уверяют туркана.

Фаталисты-эльмолы считают, что исчезновение их собратьев — это всего лишь одно из проявлений злого рока, веками преследовавшего племя. (Племя эльмолы стояло на грани вымирания, и лишь в последние годы численность племени достигла 100 человек.) Отец Палетт, настоятель местной католической миссии, напротив, искал разгадку происшествий на Безвозвратном в совершенно мирских — но не менее фантастических — причинах. Двух англичан, по его мнению, потопил свирепый ветер сирота-сабук, когда те, съев все свое продовольствие, отправились на лодке в лагерь Фуша, а жителей деревни на острове уничтожил десант (?) с подводной лодки, невесты откуда и зачем появившейся на озере Рудольф во время итало-эфиопской войны. Еще одно любопытное предположение слышал я от геологов экспедиции Королевского географического общества, работающих сейчас на озере. Те считают, что поскольку озеро Рудольф вулканического происхождения, то из него могут время от времени выделяться ядовитые газы, которые каким-то образом влияют на человеческую психику, в результате чего люди бросаются в озеро и погибают...

Как бы то ни было, заброшенные хижины вот уже тридцать лет стоят на берегу озера Энвентенет, и никто больше не хочет селиться на этом острове мрачных загадок. Поэтому Безвозвратный стал прибежищем полуодичавших коз. Сотни коз белыми точками скакали по осыпям, добирались до самых отвесных скал с еще уцелевшими травинками. За блестящим базальтовым мысом, который мы обогнули, козы пили из озера в окружении дремавших крокодилов.

— Наверное, коз завезли сюда те первые, погибшие туркана, — объяснил Мувингати. — А вылавливать или стрелять их среди змей на этом недобром острове нет охотников. Убить крокодила легче, да и мясо у него вкуснее...

